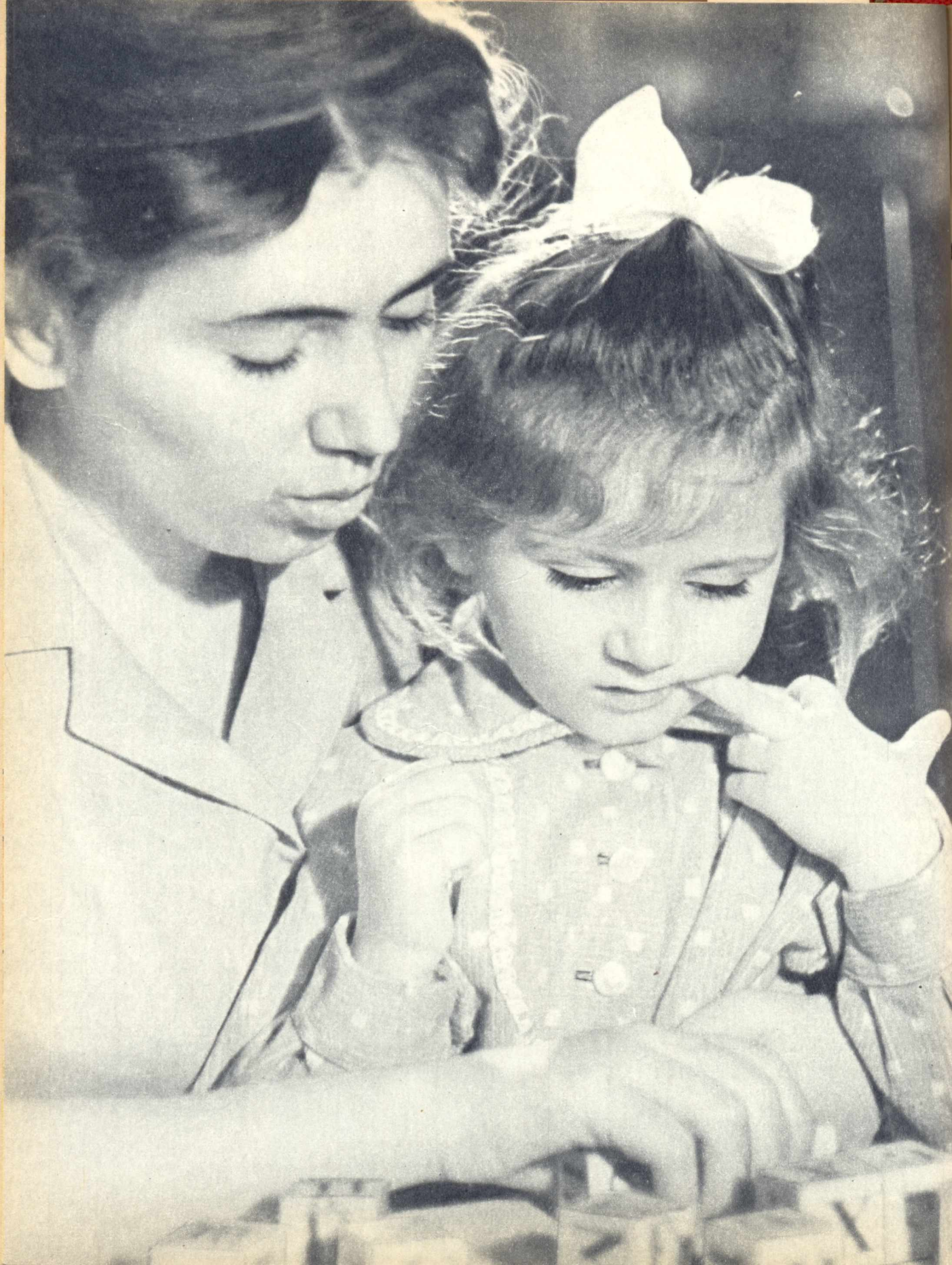

СЕМЬЯ ШКОЛА

8 • ПЕНО

ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЗВОНКОМ

Скоро, совсем скоро Первое сентября. Оно не отмечено в календаре красным, но как только вы утром выйдете на улицу — сразу почувствуете праздник. Сколько детей! В одиночку и небольшими группами, с сумками и портфелями, — а многие и с букетами цветов, — мальчики и девочки спешат в свои школы. Среди них легко будет распознать тех, кто впервые перешагнет школьный порог. На лицах этих малышей сложная гамма переживаний: и гордость, и радость, и страх перед неизвестным, заставляющий их крепко сжимать руку отца или матери, идущих рядом.

1 сентября — праздник не только для школьников, учителей и родителей. Это праздник всего нашего народа. По установившейся традиции начало учебного года школы отмечают торжественно. В центре внимания — и это естественно — находятся сегодняшние первоклассники. Их собирают отдельно, пионеры дарят им цветы, директор школы обращается к ним с особым приветствием. Потом, построив в ряды, их, смущенных и радостных, разводят по классам...

Дети вошли в класс. По эту сторону двери остались заботливые родители и беззаботное детство, а по ту — началась трудовая школьная жизнь.

Редко встретишь ребенка, который не мечтал бы о дне, когда он впервые сядет за парту.

— Как интересно тебе будет учиться! Как хорошо и весело в школе! — твердят родители; от их слов нетерпение усиливается. Ну, а о том, что ученье — труд, и зачастую нелегкий, слышит не каждый ребенок: об этом не всем дошкольникам говорили загодя. Не удивительно, что некоторые из детей быстро разочаровываются. Был, например, такой случай: первоклассница Наташа во время третьего урока сложила книжки в сумку и спокойно направилась к двери.

— Ты куда? — остановила Наташу удивленная учительница.

— Домой хочу. Здесь скучно.

Что и говорить, не очень-то весело выводить непослушной рукой кружочки и палочки или запоминать правила сложения. Но этих ребятшек не постигло бы разочарование, если бы они заранее знали, что ученье — не занятная игра, что оно потребует напряжения сил и большого терпения.

День, в который ребенок впервые пошел в школу, — большое событие и для него, и для всей семьи. День этот во многих семьях отмечают так, чтобы воспоминание о нем сохранилось у ребенка на всю жизнь. Не нужны бывают ни подарки, ни пышный стол. Но как не поздравить первоклассника по возвращении из школы. Как не украсить комнату букетом цветов. Как не позвать его товарищей, чтобы в непринужденной домашней обстановке вспомнить о своих школьных годах и рассказать о том, как учился Володя Ульянов, как учились герои любимых детских книг и замечательные люди нашей страны!

Пройдет первый учебный день и начнутся долгие трудовые будни. Новые потребности властно войдут в дом, и соответственно им изменится быт семьи. Придется менять часы обеда, ужина, задвинуть в дальний угол игрушки, кроме, разумеется, самых любимых. Потеснить мебель, чтобы поставить еще один столик, на край которого лягут учебники и ученические тетрадки. На стене появится полка с детской литературой. Даже содержание разговоров изменится: темы школьной жизни станут одними из самых главных. Встанут новые, большие заботы, разрешить которые самой семье подчас будет не под силу. Понадобится тесная повседневная связь со школой. И чем ближе будут родители к школе, чем чаще станут советоваться с учителем, тем легче будет и для них, и для ребенка. У семьи и школы одно общее великое и святое дело — вырастить хорошего советского гражданина — труженика, борца, строителя коммунизма. Человека прекрасного во всех отношениях.

«НИКОГДА В ПРОШЛОМ ЗАДАЧА ВОСПИТАНИЯ НЕ БЫЛА ТАК ВАЖНА, И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ СТОЛЬ СЛОЖНА, КАК СЕГОДНЯ... С УЧИТЕЛЯ СПРАШИВАЕТСЯ ВСЕ БОЛЬШЕ. УХОДИТ ВРЕМЯ, КОГДА ИМ МОГ БЫТЬ И ЧЕЛОВЕК БЕЗ ОСОБЫХ ДАРОВАНИЙ. ВЫРАЖЕНИЕ «ПОСРЕДСТВЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ» ЗВУЧИТ ВСЕ ЧАШЕ ТАКОЙ ЖЕ ОЧЕВИДНОЙ БЕССМЫСЛИЦЕЙ, КАК ВЫРАЖЕНИЕ «ПОСРЕДСТВЕННЫЙ УЧЕНЫЙ». (ВЛ. КЕЛЕР. «ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ»).

«НЕТ, ПОЖАЛУЙ, НИ ОДНОГО ВОПРОСА, КОТОРЫЙ ВЫЗЫВАЛБЫ СРЕДИ РОДИТЕЛЕЙ СТОЛЬ ЯРОСТНЫЕ РАЗНОГЛАСИЯ, КАК ВОПРОС О НАКАЗАНИЯХ. ЕСЛИ ОДНИ СЧИТАЮТ, ЧТО ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ — ПЕРЕЖИТОК, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИЙ НАШЕЙ МОРАЛИ, ТО ДРУГИЕ УБЕЖДЕНЫ, ЧТО БЕЗ НИХ НЕЛЬЗЯ ВОСПИТАТЬ РЕБЕНКА...» (С. ФАЙНБЕРГ. «СМЫСЛ НАКАЗАНИЯ»).

„Мы с женой часто разговариваем о сыне и мечтаем о его будущем. Думаем, как лучше его воспитывать, когда начинать учить счету, азбуке, как привить ему навыки трудолюбия и усидчивости. По возможности слушаем передачи для родителей, читаем статьи педагогов, советы врачей и просто прислушиваемся к голосу более опытных родителей“. (С. Снашевский. „Наша молодая семья“).

„... Можно понять женщину, понять ее стремление любой ценой, во что бы то ни стало сохранить семью, сохранить отца для своих детей. Но при всем при этом, безусловно, она не должна терять своей женской гордости и достоинства. И главное — помнить о детях“. (Е. Маликов. „Что делать с „домашними хулиганами“?“).

„В БИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ БУШУЕТ НАСТОЯЩАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ОНА ВЫРВАЛАСЬ УЖЕ ИЗ СТЕП ЛАБОРАТОРИЙ И НАЧИНАЕТ САМЫМ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ВЛИЯТЬ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА. И С КАЖДЫМ ДНЕМ МЫ ВСЕ СИЛЬНЕЕ БУДЕМ ОЩУЩАТЬ ЭТО ВЛИЯНИЕ“. (П. ЖУКОВА. „ГЕНЕТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА“).

8
АВГУСТ
1966

СЕМЬЯ
ШКОЛА

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

21-й год издания

- *Никогда в прошлом задача воспитания не была так важна и в то же время столь сложна, как сегодня*
- *Что труднее приобрести: сознание или знание?*
- *От учителя начинается новый человек ... От учителя начинается подготовка к преобразованию природы и общества*

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Вл. КЕЛЕР

Никогда я не волнуюсь больше, чем готовясь к серьезной встрече с подростками или малышами. Нет аудитории ответственнее. Знает она мало, но требует полновесных знаний. Не дай бог перейти на сюсюкающий язык: дети очень взрослый народ, говорить с ними можно только по-взрослому.

Эти, если поймут, запомнят то, что поняли, навечно; оно отложится в их впечатлительной душе и даст плоды в назначенное время. А не поймут — уйдешь в подавленное настроение. Не от обиды (хотя останется и она — такая публика неглубоко прячет скуку и презрение под маской детской деликатности). От неприятного ощущения невыполненного долга. Тебя позвали, на тебя надеялись. А ты не сумел пронести честь взрослого до конца, не сумел увидеть в этих ясных, устремленных на тебя глазах — глаза не учеников, а будущих ученых и инженеров.

Очень это досадно — не суметь помочь учителю воспитывать новое сознание. Разве можно сделать большее для завтрашнего дня, чем внести свой вклад в подготовку квалифицированных его строителей!

Бесспорно, никогда в прошлом задача воспитания не была так важна и в то же время столь сложна, как сегодня. Не случайно о воспитании сейчас говорят и пишут много. Кто сталкивался с выпускниками педагогических учебных заведений, не мог не поразиться тому особенному трепету, какой они испытывают, задумываясь над будущим. Даже не признающиеся в своих тревогах студенты, по-видимому, догадываются, что стоят на пороге трудной жизни.

Мы печатаем главу из новой книги известного писателя — популяризатора науки Вл. Келера. Эта книга посвящена рассказу о тех изменениях, которые вносит в нашу картину мира развитие науки. «Преобразование преобразователя» — о той всё возрастающей роли, которую играет в обществе труд учителя, об изменении характера и содержания этого труда. Уверены, что читатели «Семьи и школы» задумаются над многим из того, о чем пишет здесь Вл. Келер.

И это так. С учителя, действительно, спрашивается все больше. Уходит время, когда им мог быть и человек без особых дарований. Выражение «посредственный учитель» звучит все чаще такой же очевидной бессмыслицей, как выражение «посредственный ученый».

Что же произошло? Откуда такое моральное возвышение роли учителя? В чем исключительность сегодняшнего воспитания по сравнению с недавним прошлым и почему, говоря о воспитании, мы вспоминаем лишь учителя, как если бы на нем одном (или преимущественно на нем) лежала эта благородная задача?

Конечно, роль учителя всегда была велика. Педагогический труд и раньше повышал культуру общества. И в прежние времена результаты воспитания сказывались так быстро, что можно было говорить: «Какими воспитаешь — с такими будешь жить». Все же нынешний учитель не чета прежнему. Раньше люди учились меньше, доля их жизни, проведенная в обществе учителя, была невелика, и люди не успевали приобрести достаточно полезного от этого источника познания и воспитания.

Сейчас положение резко изменилось. Наш современник проводит в обществе учителя куда больше времени, чем это было тридцать — пятьдесят — сто лет назад. У нас человек по закону не может просидеть за партией менее восьми лет, а в ближайшие годы этот уровень обязательного образования повысится до десяти лет.

Польза от более частых встреч с учителем увеличивается пропорционально не только часам школьных занятий. Она растет пропорционально и повышающемуся качеству занятий. Юное сознание все больше подпадает под влияние учителя. Но юное сознание — уже начало зрелого сознания, оно не исчезает с возрастом, оно определяет многое в поступках взрослого человека.

Конечно, сознание — еще не знание специалиста, необходимое для того, чтобы занять свое рабочее место.

- *Даже от „простых“ людей — метеоретиков — жизнь стала часто требовать научного мышления*
- *Только та школа может называться по праву передовой, идущей в ногу с веком, в которой дети развиваются и одинаково, и разное ...*
- *Самоотверженность — одно из главных качеств современного исследователя, учиться ей надо всю жизнь*

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ

Но не важнее ли первое? Сознание — это благородный настрой души, это то основное, без чего не бывает настоящей общественно полезной деятельности. Знание, как известно, сила, но сама по себе слепая сила. Ее можно повернуть как угодно, и лишь в хороших руках она ценна. Знание — добрая сила лишь когда ею пользуются сознательно. При условии, конечно, если и сознательность преследует благие цели, направлена на пользу обществу, а не во вред ему.

Что же труднее приобрести: сознание или знание? Первое, конечно. Знания стучатся к людям каждодневно, учиться можно и в девяносто лет. Нельзя сказать того же и о сознании. Оно формируется обычно в юношеском возрасте. Стать вдруг сознательным в 25—30 лет, до того этим качеством не отличаясь, дело хоть и не безнадежное, но довольно сложное.

Сознание справляется обычно с более трудными задачами, чем знание, и часто переходит в мужество. У Ньютона однажды упала свеча на ценные вычисления, продукт двадцатилетнего труда, и они сгорели. Он целый месяц переживал утрату, был вне себя. Но потом все повторил, восстановил работу. Сделал ли бы это человек, способный только вычислять, но не обладающий невероятным внутренним мужеством, иначе говоря — сознанием важности своей работы? Вряд ли.

Уже в наше время подвиг Ньютона, хотя и в совершенно другой области, повторил молодой советский человек, Николай Алексеевич Островский. Прикованный тяжелой болезнью к кровати, постепенно слепнувший, он писал первый вариант романа «Как закалялась сталь». Роман этот пропал при пересылке. Островский написал роман вторично, все от начала до конца, не имея копии первого варианта (ее не было вообще). Этот вариант увидел свет и принес писателю большую славу. Разве и этот случай — не свидетельство великой силы сознания?

Учитель, а не профессор высшей школы или препода-

ватель специальности, играет основную роль в воспитании завтрашнего труженика. Именно учитель формирует взрослое сознание, отношение подростка к окружающему, к другим людям; он дает ему первые знания о мире, будит первые стремления и мечты, учит, как вести себя в различных обстоятельствах.

От учителя начинается новый человек, как впоследствии от специалиста из этого нового человека вырастает электросварщик, врач, моряк, художник, летчик.

От учителя начинается подготовка к преобразованию природы и общества. Косвенно, но все заметнее, все сильнее скромный школьный педагог влияет на будущее всей планеты.

Вот почему возвышается профессия школьного педагога: «Учитель стал нужнее». Есть и еще одна причина возвышения педагогического труда — превращение его все больше в творческую профессию: «Учитель стал умнее».

Мы не заметили, как это подошло, но подошло оно вплотную: практическая педагогика стала превращаться в настоящую науку, школы — в лаборатории, а учителя — в ученых. Для подлинно современного учителя, как и для ученого, постигать неведомое — повседневный труд, а подвижничество — норма поведения. Разница — в объектах деятельности. Ученый в обычном смысле имеет дело с принципами, с чем-то общим; учитель — более конкретен: его объекты — живые и неповторимые Бори, Лены, Тамары. Отсюда, кстати, неблагодарность учительского труда: педагог изучает не движение или облик звезд, сверкающих для всех и потому всех интересующих; его объекты не сверкают пока нигде и интересуют еще не очень многих.

Ученый раскрывает многогранность и богатства природы, учитель — многогранность и богатства тех, кто завтра станет раскрывать тайны природы.

Много особых трудностей — трудностей педагогических, психологических, технических и иных — стоит на

пути развития взрослого сознания, гармонирующего с новым временем и благоприятно спянного с ним. Первые две трудности: сложность современного мира и сложность современных людей. Прогресс был бы невозможен, если б в этом сложном мире не сумел бы хорошо расположиться и хорошо им управлять новый сложный человек.

Мир стал технически насыщеннее, богаче знаниями, книгами, сооружениями и памятниками всякого рода. В нем возросло значение науки и научных методов. Даже от «простых» людей — нетеоретиков — жизнь стала часто требовать научного мышления. Это, кстати говоря, оказалось не столь уж трудным делом. Научный склад ума обнаруживается почти у всех, у кого его сегодня ищут, он отнюдь не обуславливается какими-то особенностями в человеке. Томас Гексли правильно говорил, что наука — это организованный здравый смысл, поэтому все люди, отличающиеся здравым смыслом, обладают научным складом ума.

Мир также стал полнее всевозможными контрастами и противоречиями. Не будем говорить о политических, о тех, что, строясь на нетерпимости и антагонизме, чреваты войнами и конфликтами. Будем верить, что такого рода противоречия победит разум, что восторжествует принцип мирного сосуществования и они будут либо полностью устранены, либо в худшем случае обезврежены для человечества. Упомянем о других — добрых — противоречиях, рождаемых самим прогрессом науки и техники. Вот одно из них.

Подростки, где бы они ни жили, взрослея, вступают в мир сплоченный и разъединенный, как никогда.

Сплоченный — примерно одинаковым пониманием одних и тех же формул и выводов науки, единством многих научных и технических целей, всеобщим желанием расширить кругозор и заглянуть за забор к соседу, чтобы посмотреть, что он делает, сокращением всех расстояний в прямом и переносном смысле, рождением проблем, стоящих выше узких специальностей, над областными и национальными границами: всемирная служба погоды, борьба с болезнями, космические исследования в мирных целях... Разъединенный — крушением второй вавилонской башни, того единого, весьма конкретного, основанного на безграничном доверии к показаниям органов чувств языка, на котором люди говорили с тех пор, как научились лепить глиняные горшки, и вплоть до начала двадцатого столетия. Специальные языки, языки научных абстракций, понятных часто только избранным, стали причиной того, что люди одной профессии стали отгораживаться от людей других профессий.

Противоречие это устраняется различными путями: наряду с дифференциацией наук все чаще происходит их интеграция, слияние; в конечном счете любой специальный язык переводится на язык практики, наглядных чувственных проверок. Но рядом появляется другая наука, другой специальный язык, и возникает новая трудность понимания, которую нужно снова устранять.

Не менее, чем мир, усложнились и продолжают усложняться люди.

Начать с того, что их к тому стимулирует непосредственно окружающая обстановка.

Одного рабочего, слесаря 6-го разряда, регулярно посещавшего школу рабочей молодежи, спросили на выпускном экзамене:

— Что вы теперь намерены делать? Поступите в институт? Перейдете на более «чистую» работу в контору?

— Ни то и ни другое, — спокойно ответил рабочий. — Останусь в цехе на том же месте, с тем же шестым разрядом.

— Какая же вам выгода от аттестата?

— Выгода большая. Буду себя чувствовать увереннее. Умнеют одни разве люди? Умнеют и рабочие места. Толку от любого человека требуется все больше.

Стимулируют усложнение отдельной человеческой личности и более общие причины — например, сведения (пусть не специальные) о тех или иных достижениях научной мысли.

Не надо думать, что для охотника-эвенка, никогда не выезжавшего из родной тайги, эффект Мессбауэра ничего не значит, а фермер из Аризоны не оценит по достоинству фотографирование обратной стороны Луны советскими космическими ракетами. Все сегодня читают газеты и слушают радио, все интересуется всем и так или иначе вступают в контакты с событиями и людьми часто очень от них далекими. Кто много ездит, особенно по глухим местам, не устает удивляться — до чего много знают жители этих мест.

Индивидуальности людей оттачиваются и по другим причинам. Если говорить в масштабах всей планеты, то люди становятся неповторимее и тошнее. Колонии обретают независимость, отсталые в прошлом страны становятся на путь экономического развития. Растет национальная культура. Со всем этим растет культура и персональная, повышается самосознание и чувство собственного достоинства личности. Усложняется и все больше отличается от других личный человеческий опыт.

Человеческая индивидуальность не дублировалась и в далеком прошлом, но никогда прежде разница между двумя хотя бы относительно похожими людьми не была столь велика, как сегодня.

Как же добиться того, чтобы сознание развивалось, шло вперед, преодолевая обе трудности: и сложность внешнего мира и сложность мира внутреннего? Как помочь подростку отчетливее видеть окружающее и вступить в него бесстрашно, отчетливее видя и себя — свое призвание? Ответ один: правильно и в общих направлениях развивая этого подростка — вширь и вглубь.

Только та школа может называться по праву передовой, идущей в ногу с веком, в которой дети развиваются и одинаково и разное. Одинаково — по совокупности влагаемых в них знаний, моральных и гражданственных элементов воспитания (ибо хотя образование само по себе и не дает еще культуры, тем не менее служит превосходной почвой для ее расцвета). Разно — по эффективным методам, раскрывающим индивидуальные особенности каждого, призвания и таланты отдельных юношей и девушек (ибо нет неталантливых людей, но есть люди, не раскрывшие себя, не нашедшие пока своей дороги).

Воспитание сегодняшних детей — это решение задачи с двумя неизвестными, задачи нечетко сформулированной, чрезвычайно сложной. Чтобы правильно ее решить, надо многое знать о природе, о жизни. С другой стороны, надо уметь заглянуть в тайники личности.

Перечисляя главные трудности воспитания сознания, мы не можем упустить еще одной: принципиальной ограниченности времени, когда учитель или иной воспитатель может вмешиваться в это дело, вести молодого человека в должном направлении.

К сожалению, учителю не дано обычно начинать воспитание и никогда не дано его закончить. Все, что ему дано, — это продолжать начатое, что-то в нем усиливая или исправляя, а за каким-то рубежом скромно отойти в сторону.

Вот несколько слов о первом — о незначительности учительского труда.

Почти любое произведение ума и рук человеческих есть составление сложного из простого: стихов из слов, машин из деталей (обычно стандартных), вновь создаваемых химиками веществ из хорошо знакомых ато-

● ФОТО
ПРИСЛАЛ
ЧИТАТЕЛЬ

С. ВЛАДИМИРОВ
(г. Петрозаводск).
МЕЧТАТЕЛЬ

мов. «Продукт» деятельности педагога — повзрослевший и что-то понявший юнец — всегда образуется из сложного же: самобытной личности первоклассника.

Положение тем серьезнее, что этот первоклассник почти всегда носит в себе черты уже сложившегося характера. Сознания в нем еще нет, оно приходит в более старшем возрасте, но вот характер выражен весьма определенно.

По мнению авторитетов, формирование таких основ индивидуальности заканчивается к пяти годам. Лев Николаевич Толстой писал, например, о своих ранних годах:

«Разве не тогда я приобрел все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и сотой доли того? От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние».

А вот несколько слов о втором — о незакончиваемости учительского труда.

Большинство творит эндогенно, вовнутрь, охватывая сознанием конечные результаты (с них часто даже начинают, ставя перед собой задание: химик синтезирует материал с требуемыми свойствами, инженер проектирует мост через Волгу у Саратова). Учитель же всегда творит экзогенно — вовне: он никогда не может до конца увидеть и понять того нового человека, что выйдет из его рук.

Единственное, что точно знает педагог, это то, что Борис Смирнов, которому он только что поставил тройку, скорее всего будет образованнее своего наставника. Когда-нибудь этот самый Борис Смирнов посмотрит на своего бывшего учителя с доброй, но снисходительной улыбкой, как смотрят нынешние доктора наук на родственников из деревни, и скажет мягко: «Знаете, вам этого не понять»...

В общем-то здесь нет ничего зазорного, плохого. Обычное проявление естественного прогресса, больше ничего. Было бы много хуже, если бы не бывший ученик учителю, а учитель мог так сказать выросшему воспитаннику.

И все же, даже склоняя голову перед законом жизни, требующим, чтобы воспитанник рано или поздно опережал своего воспитателя, мы вправе утверждать, что можно, хоть в самом общем смысле, предусмотреть духовное развитие молодого человека в нужном направлении, можно в этом смысле сохранить контроль над будущим. Учитель — нечто вроде волшебного зеркала, зеркала с обратной связью, не просто отражающего, но и исправляющего, указывающего.

Указывать оно должно цели, благородные цели настоящего человека, а исправлять медленно и терпеливо то, что мешает к этим целям стремиться. Не тогда раскрывается человек, когда он делает открытие, изменяющее весь ход развития науки. Он раскрывается в годы своей будоражающей юности, не зная этого и ничем примечательным для окружающих не выделяясь.

Много есть прекрасных примеров подвигов во имя науки, и хотя сегодня к ученым относятся совсем иначе, чем в стародавние времена, знать об этих подвигах надо и сегодня: самоотверженность, отличавшая научных героев прошлого, необходима и в более гуманный век.

Самоотверженность — одно из главных свойств и современного исследователя, учиться ей надо всю жизнь.

Мы говорили, что научный склад ума — в природе человека. Вероятно, то же можно сказать и о самоотверженности. В былые времена она особенно драматически и сильно проявлялась у мучеников науки.

Великий провозвестник побед человеческого разума английский философ Роджер Бэкон был заключен в монастырскую темницу. Та же участь плюс публичное отречение от своей теории о вращении Земли постигла

и Галилея. Бруно сожгли за учение о множественности миров, а Колумба после открытия Америки заковали в цепи.

Кеплера в тюрьму не сажали. Но он всю жизнь крайне бедствовал. Его нанимали на половинную оплату, но задерживали и эти гроши. Умер он, простудившись в дороге, когда верхом в 60 лет отправился за своей жалкой пенсией, которую тоже старались задержать.

Французского Ломоносова, самородка XVI века — физика, агронома, художника, геолога и палеонтолога, изобретателя фаянса и эмали Бернара Палисси посадили в Бастилию, где он и умер.

Изобретатель швейной машины портной Б. Тимонье таскался со своей моделью по дворам, как с шарманкой: он выклянчивал мелочь у зевак, чтобы продолжать работу и не умереть с голоду.

Не жаловало выдающихся изобретателей и деятелей науки и царское правительство в России. Умерли в глубокой бедности замечательный новгородский механик Василий Иванович Калашников и изобретатель дуговой лампы Павел Николаевич Яблочков...

В лучшем случае ученых не замечали. «Кто был Кювье?» — спросил французский король Луи Филипп, когда ему сообщили о смерти самого знаменитого ученого Франции того времени. «Кажется, он служил в Ботаническом саду», — ответил один из придворных. «Кто был Клод Бернард?» — при аналогичных обстоятельствах спросил другой король, Наполеон III, о блестящем французском физиологе.

Но это только «в лучшем случае»... Сколько томов потребовалось бы, чтобы перечислить всех гениальных или очень талантливых людей, пытанных, повешенных, сожженных на кострах, умерших в нищете и голоде, сошедших с ума от нервных потрясений, вызванных преследованиями!

Теперь за научные открытия не казнят, а награждают премиями. Великие открытия и технические достижения современности — прямое следствие перемены отношения к ученым.

Энергия, расходовавшаяся раньше на вызов мракобесам, на поддержание мужества в дни испытаний, теперь преобразовалась в энергию созидания. Один и тот же дух наполнял грудь средневекового монаха, поднимавшегося за чернокнижие на костер, и исследователя, работающего сейчас без страха наказания. Естественно, что этот могучий дух и в условиях свободы поражал величием поступков. С ним нельзя расстаться никогда.

Вильям Гершель, славный астроном XVIII века, сам готовил стекла для своих телескопов. На последней стадии полировки он не мог прекратить работы ни на минуту. Гершель полировал стекло, не отнимая от него ладоней, в течение шестнадцати часов, а его сестра и помощница Каролина кормила его в это время из рук.

Другой астроном, немец Генрих Самуэль Швабе, начиная с 1826 года изо дня в день на протяжении тридцати лет наблюдал Солнце, чтобы установить периодичность появления солнечных пятен. Швабе отмечал и занумеровывал каждое вновь появлявшееся пятно, и все лишь для того, чтобы много лет спустя скромно заявить, что число солнечных пятен то увеличивается, то уменьшается, по-видимому, с десятилетней периодичностью! Энергия одного человека установила явление, не замечавшееся в течение двухсот лет, причем первые наблюдения над солнечными пятнами, казалось, не могли иметь ни малейшего значения.

Образцом терпения и самоотверженности во имя научных целей является многолетняя деятельность знаменитого французского энтомолога Жана-Анри Фабра. Назначенный в 1843 году учителем в сельскую школу, Фабр истратил почти все свое первое жалование на покупку книг по энтомологии. После этого изучение насекомых стало руководящей идеей его жизни,

Почти без всяких средств (выходец из крайне бедной семьи, он и в дальнейшем жил на грошовое жалование сельского учителя), Фабр отдавал все свое свободное время любимому занятию. Лишь на склоне лет он приобрел широкую известность, особенно когда вышли десять томов его «Энтомологических воспоминаний» — результаты пятидесятилетних наблюдений. Это полное драматизма произведение — вклад в науку и художественную литературу одновременно. Оно заслужило высшую оценку самых выдающихся людей. Дарвин назвал Фабра несравненным наблюдателем, а Морис Метерлинка — Гомером насекомых.

Замечательным примером самоотверженного служения науке может послужить вся жизнь выдающегося советского биолога и географа Николая Ивановича Вавилова. Немного было на Земле людей, которые за сравнительно небольшое время совершили бы столько плодотворных научных экспедиций, как Вавилов.

С 1917 по 1921 год под руководством Н. И. Вавилова проводились исследования полезных культур Среднего и Нижнего Поволжья. Последующие два года ученый знакомится с обширными районами США и Канады, а еще пару лет спустя организует экспедицию в Афганистан, где изучает совершенно необследованные части страны. В результате собираются исключительные по ценности материалы по культурной флоре, а также по географической и экономической характеристике этой страны.

В 1925 году ученый обследовал Хивинский оазис и некоторые районы Узбекистана. За два последующих года Вавилов объездил почти все средиземноморские страны Африки и Европы — Алжир, Тунис, Марокко, Египет, Сирию, Палестину, Трансиорданию, Грецию, остров Крит и остров Кипр, Италию и ее острова — Сицилию и Сардинию. Из Средиземного моря ученый направляется в Красное море и посещает Французское Сомали, Эфиопию и Эритрею. В 1929 году он побывал в Западном Китае, на Тайване, в Японии и Корее, а год спустя совершил поездку в Центральную Америку и Мексику.

В 1931 году изучаются районы Дании и Швеции, затем — продолжительное путешествие по странам Латинской Америки, посещение Кубы, Перу, Боливии, Чили, Бразилии, Аргентины, Уругвая, острова Тринидад, Пуэрто-Рико...

Все эти заграничные поездки перемежаются многочисленными путешествиями по различным районам родной страны, особенно по Кавказу, считающемуся очагом формообразовательных процессов у культурных растений.

«Трудно даже себе представить, — писал академик Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина Николай Александрович Майсурян, — как один человек мог обехать так много стран, причем не как наслаждающийся поездкой турист, а как ученый, собирающий необходимый научный материал, десятки тысяч образцов семян и растений для того, чтобы заложить основу новой селекции, новых идей и новых теорий».

За самоотверженностью мы назовем такую важную черту сознания современного человека, как «серьезное отношение к мелочам».

По своему значению для прогресса человечества эта черта ничуть не менее существенна, чем самоотверженность и другие. Наука научила думающих людей уважать все проявления природы, обязательно видеть в них отражение каких-то фундаментальных законов.

Однажды я встречался с учениками 537-й московской школы. Я рассказывал им о достижениях и перспективах науки. Рассказал, между прочим, и о тончайшем инструменте физического измерения — эффекте Мессбауэра.

— С его помощью, — заметил я, — можно измерить, на сколько гардеробщица на первом этаже старее медленнее, чем мы с вами на четвертом. Немного, на какую-нибудь триллионную часть секунды в час, а то и меньше, а прибор это заметит. Гардеробщица на десяток метров ближе нас к центру Земли, на нее действует большая сила тяготения, а физика говорит, что чем больше тяготение, тем медленнее идет время.

Позднее ко мне подошла девочка и сказала:

— Но ведь это так мало — триллионная часть секунды. Кого интересуют такие пустяки?

Не только дети, часто даже взрослые, не занимающиеся специально наукой, не понимая, почему, в самом деле, ученые интересуются «пустяками». Ответить на этот вопрос можно словами Гете:

«В природе нет пустяков — в ней все искренно, всегда важно, всегда определено; она всегда права, и только мы с вами неизменно ошибаемся и путаемся».

Это очень верно сказано. Ученые давно убедились в том, что за «пустяками» всегда скрываются большие истины, исследователи с особым напряжением стараются угадать намеки.

Эффект Мессбауэра позволил найти практическое подтверждение так называемой общей теории относительности, которая объясняет, как устроена Большая Вселенная.

Сын Чарлза Дарвина Фрэнсис Дарвин рассказывал, что его отец особенно внимательно искал и изучал малейшие отклонения от того, что вытекало из его первоначальных взглядов. Дарвин обычно правильно предсказывал ожидаемые результаты опытов. Но бывали случаи, хотя и редко, когда результат получался противоположным. Тут же Дарвин отказывался от своей гипотезы и старался выяснить причину неожиданного результата. От «неудач» часто начиналось новое открытие.

Не удивительно, что все серьезные ученые, воспитывая молодежь, требуют от них особого внимания именно к «мелочам».

Последняя важная черта исследователя и преобразователя природы, которую мы здесь отметим, — это увлеченность собственной работой, влюбленность в избранное дело.

Бесспорно, что только тот по-настоящему стал человеком, тот может что-то хорошее после себя оставить, кто в состоянии сказать о собственном занятии, как говорил о своем замечательный русский флотоводец и ученый адмирал Степан Осипович Макаров: «В море — значит дома».

Характерен ответ Николая Ивановича Вавилова на вопрос, заданный ему на одном банкете: «Когда вы находитесь время для личной жизни?»

— Для личной жизни? — переспросил Вавилов. — А разве наука для меня не личная жизнь!

Увлеченность — хороший цемент, скрепляющий все остальные свойства научного сознания.

■ Нам нужно чаще говорить о тех чертах, которыми должны обладать преобразователи природы. Еще в большей степени нужно этими чертами их практически наделять. Велик в этом долг учителя.

«О, поторопи звезды мысли к их лучезарным целям», — писал американский поэт прошлого столетия Эмерсон. Слова эти звучат всегда. Они особенно обращены к учителю, стоящему лицом к лицу с человеком завтрашнего дня и ведущему с ним многолетний задушевный диалог.

РАБОЧИЙ ПОДРОСТОК- ДРУГОЙ ПОДРОСТОК

С. МЯГЧЕНКОВ,
завуч школы рабочей молодежи

Рисунки Н. Эстиса

МАМА НА СТРАЖЕ

Вечером, после работы, Надежда Осиповна спешила в школу. Володя сидел в классе... Она успокаивалась, мирно беседовала с вахтершей. Иногда дожидалась конца уроков — сын сбегал по лестнице, и они вместе отправлялись домой. Володя неизменно шутил: «Ну, маманя, переходила бы на работу в школу, а то дремлешь-то даром».

Посмеивались и знакомые. Но Надежда Осиповна уверяла: хоть и канителью, зато на душе спокойно — сын всегда на глазах, ночью сплю как убитая. Она уверовала

в свой метод, щедро делилась опытом со знакомыми и соседями. Неизвестно, долго ли длилось бы это благоденствие, если бы не такой случай.

Как-то в клубе был молодежный вечер с танцами. От урока к уроку класс понемногу таял. Володя попал в неловкое положение. Но ребята перетянули — вместе с другими он на перемене скользнул в окно... Кончились занятия. Мать, пропуская взглядом последних учеников, очнулась от дремоты. Метнулась домой, разбудила мужа. Отрепетировали речи, советы, уговоры, приготовили неотразимые примеры из жизни сверстников, из своего прошлого...

Сын вернулся в первом часу ночи. Но разговора с ним не получилось. Дотоле молчаливого и послушного, его вдруг прорвало: «До каких же это пор вы будете ходить по пятам? Стыдно мне перед ребятами, понимаете, смеются. Где был? Твисты крутил. Потом девчонку провожал. Женюсь скоро. Школа не уйдет, вон старички с двадцатилетним перерывом учатся, все учителя хвалят. А это, может, никогда не повторится».

Володя жениться не собирался, он просто припугнул родителей, которые в эту ночь открыли в сыне что-то новое и неожиданное.

Часто такое вот «перерождение» подростка приписывается внешним влияниям: не связись сын с этим оболтусом Борьней, все было бы по-другому. Но причины, конечно же, лежат в самих ребятах. Мало-помалу зреют внутренние изменения. И могут проявиться резким взрывом — тогда, когда родители не замечают перемен в подростке.

Решившись на такой серьезный шаг, как устройство ребенка на работу, многие наивно полагают, что в своих отношениях с ним ничего не надо перестраивать; по-прежнему держат его на детском режиме, мелочно опекают. А между тем работа, взрослое окружение каждый день формируют новое в подростке. У него начинает складываться личное и твердое отношение к тем или иным вещам, крепнут самостоятельные суждения рабочего человека... А родители мудрят: как бы сделать, чтоб он два раза в месяц приносил домой получку, оставаясь... при детских правах. Наверно, вот теперь ему уже захочется найти понимание у Борьни, что так пугает и ошеломляет домашних,

В разделе: ♦ Подросток начал работать ...
♦ Наказывать? Не наказывать? ♦ К. Д. Ушинский о родном языке ♦ Из цикла „О возрастных особенностях“: младший школьник ♦ Гимнастика для дошкольников ♦ Записки молодого отца

СЕМЬЯ
и ДЕТИ

ОНИ ШУМЯТ? ПОТЕРПИТЕ!

...Бабушка, перебирая вечером спицы, любит вспоминать, как в морозную ночь, с узелком в руках, пятнадцатилетней девочкой бежала из родительского дома к любимому. И эта же бабушка, едва заведя у дома молодого человека, вдруг накаляется, размахивает руками, велит отогнать этого прощелыгу, хулигана, который делает какие-то таинственные знаки внучке. И создается такая обстановка, когда молодым людям впору исползовать тот старомодный способ отстаивать свои права, к которому прибегала бабушка. Вот тут-то в доме поднимается переполох.

У Лены Соколовой такой конфликт вызревал давно. Он возник еще тогда, когда мама, не посчитавшись и не посоветовавшись с пятнадцатилетней дочерью, привела в дом отчима. Очевидно, многое не было продумано, взвешено с новым мужем — и ему стало казаться, что девочка слишком самостоятельна, приводит в дом школьных товарищей, отдаляется от семьи. Безобидные и чистые отношения подростков стали рассматриваться с настороженностью и подозрительностью, с нечистыми намерениями («Мы-то знаем, что за этими книжечками да пластинками кроется!»). Нужно было постараться завоевать доверие девочки, разобраться в ее переживаниях, выйти к ней с чистыми помыслами. Но родители решили: мала еще, чтоб копаться в ее напризах. Кончилось тем, что Лена ушла в общежитие к подругам.

Рабочие подростки рано взрослеют. И это естественно — ведь они живут среди взрослых и по-взрослому. Такое раннее взросление можно и нужно направлять, но нельзя не считаться с ним, тормозить его. Подросток примет совет, если он будет дан с предельной чуткостью

и вниманием. Он признает опыт, знания старшего, если они не будут выглядеть непреложным законом. Он жадно будет все впитывать, если разговор пойдет на равных. Препирательствами подростка не возьмешь, он всегда победит упрямством. Взрослый должен победить — если надо вообще побеждать — мудрым опытом, а не твердить: «Сказал не допущу — значит быть по-моему». У ребят своя жизнь. И планы, которые не всегда могут совпадать с родительскими. Рабочие школьники уже хотят по возможности сами строить свою жизнь. Потому так непонятен безотчетный гнев, скажем, вот этой женщины, которая, разгораясь, говорит: «Много их тут будет дрожать в подъезде, не пущу, на пороге мертвая лягу, пока девка школу не кончит». «Девка» в выпускном классе, школьный товарищ, действительно, два года дрожит в подъезде. Молодые люди лишены нормальных условий для встреч, и одно это уже может повести к тому, что естественные и чистые юношеские отношения будут извращены. Да где же, как не дома, в спокойной, здоровой обстановке, ребята могут почитать, послушать музыку, просто поболтать? В семейном кругу могут неотразимо прозвучать и умный совет, и разумная помощь, и тактичное своевременное предостережение. Право же, ради этого стоит потерпеть иногда шум и ребячью суету.

ПОШЛА МОЛОДЕЖЬ ...

Рабочий подросток — другой подросток. Скоро со своим недавним товарищем, который остался в обычной школе, он уже не находит общего языка. Тот живет, по существу, детской жизнью, этот уже открыт всем ветрам, трудится и потому, естественно, у него складываются новые потребности — и духовные и материальные. От нас зависит, куда направятся эти потребности — перейдут ли в хорошее, облагораживающее русло или неожиданно прозвучат вот так уродливо: «Я отработался, подавайте мне трешку на пол-литра». Иногда последнего хотят избежать тем, что ребятам не разрешают иметь личные деньги. Конечно, проще выдавать каждый день по пятьдесят копеек на обед, чем научить разумно и умело пользоваться деньгами.

Любопытно, что работающие подростки начинают по-другому подходить и к отдыху. Вечера, кино, танцы — не просто развлечение, а насущная необходимость. Всякое покушение на это вызывает раздражение, твердое и решительное сопротивление. Нас смущает, когда кинокартины они смотрят без разбора, слешат на вечер, не спрашивая, что их там ждет. А движет ими закономерная потребность в смене труда отдыхом.

Не просто ищет понимания рабочий ученик. Он за него активно борется. Как борется и с несправедливостями.

Как-то ребята писали сочинение на тему «Мое положение в семье». Одна ученица рассуждала: «Помню, в детстве я пролила молоко из миски, папа накричал, замахнулся даже. Но вышло так, что через день он разбил дорогую вазу. Его никто не попрекнул — ведь выше его никого в семье нет. Мне тогда было просто обидно. Теперь бы я не потерпела такого». Любопытна, может быть, не столько решимость девушки отстаивать свою самостоятельность, сколько возмещение к прошлому, пережитому, что бывает у взрослых, умудренных опытом людей. И, думается, это не так уж плохо, хотя мы порой слышим недовольное брюзжание взрослых: «Пошла молодежь — яйца кур учат». В походе за справедливостью — все равны.

КТО ОН?

На работу, как правило, устраиваются дети, потерявшие устойчивость в обычных школах. Нередко устойчивость теряют и родители, используя работу и вечернюю учебу ребенка как крайнюю меру. И ожидают чуда. Обычный вызов в школу встречается ими настороженно. А как важна именно сейчас — когда у ребенка изменился весь быт, круг знакомых и друзей, когда ежедневно

его захлестывает новое на работе, в вечерней школе — как важна продуманная единая линия отношения к ребенку в семье, на производстве, в школе! И всесторонняя помощь, как бы там ни хранился наш новоиспеченный взрослый школьник. Правда, немалое надо пересмотреть из прошлого запаса воспитательных средств и многое отбросить. Рабочий подросток — другой подросток...

К сожалению, заметная часть из этих ребят приходит уже зачисленная в категорию так называемых трудных. Парнишка, потеряв уверенность, стал замыкаться, озлобляться, дерзить. А тут и случаю припомнили, как он разбил окно и не признался, как два раза ушел с занятий и обманул — и «трудный» созрел до «вечерки».

Шестнадцатилетнего Женю Беляева отец решил в середине года перевести в вечернюю школу: «Стал плохо учиться, вечерами гуляет неизвестно с кем, учителя по-советовали, да и сам рвется на работу». Родители подаются на такие уговоры, полагая, что работа похоронит все беды. Но работа полезна лишь подготовленному и ней, иначе неожиданный и неестественный взрослый быт не только не погасит, но и разовьет дурные привычки. Даже в тех случаях, когда эта мера вынужденная, и тогда опасно то, что она давно подразумевалась, имелась в виду, как запасной выход в аварийном случае. Поисков других путей не было. А ведь и этот Женя никакой не трудный. Обыкновенный. Каних еще недавно существовало тысячи: малоспособных, отстающих или просто добротных лентяев. Сейчас нашли удобный способ от них избавляться, объявляя их «трудными». Забывая, что и для ребенка, и для родителей такое неосторожное навешивание ярлыка неполноценности в высшей мере страшно.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Однако это не значит, что настоящих «трудных» в школе рабочей молодежи нет. Есть, и они составляют довольно значительную прослойку. И практика работы с ними преподносит свои неожиданности.

Валерий Донсков считался грозой улицы и школы. Дебоши, выпивки стали постоянным его занятием. Долго возились с ним по замкнутому кругу: семья — школа — производство. Кажется, было продумано и использовано все — и безрезультатно. Наконец, родители отступились, в школе стали избегать лобовых конфликтов и оставили Валерия в покое. В милиции пухло дело о его проделках — все молчаливо сошлись на том, что положение безнадежно. Прошло два года. Валерий познал среду пропивных дружков и одурь одиночества. Но, видно, велик человек в человеке. Стали замечать тягу подростка к товарищам, старание на работе и в школе. Валерий осматривался — случайные попутчики ушли в летние училища, институты, а вожак третий год дежурил в девятом классе. Было время поразмыслить. И вот он говорит: «Признаться, шумиха вокруг меня льстила мне, нравилась. Интересно было и рушить враз ваши планы. А когда остался один — страшно стало. Понял, что все жила своей жизнью, а меня просто побаивались, не связывались, терпели».

Может быть, в самом деле мы подчас нерасчетливо, сном бросаемся спасать оступившихся, берем на себя

все усилия, не оставив даже той пресловутой соломинки, за которую должен ухватиться сам тонущий. Шумиха только тешит самолюбие «геройчиков» — неважно как, но быть в центре внимания. За кумачовой скатертью мы обдумываем неотразимые планы, репетируем новейшие методы. А Васяна слушает да ест. И пожирает наше доверие, искренности заботу и участие. Только собственный разум дремлет. И личная ответственность тоже. Ибо он знает, что окружающие в ответе за него и по службе и по душе. Очевидно, оступившимся надо давать возможность остаться наедине, испугаться будущего. Здесь нужна твердость.

ТЫ — РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Однажды в столярной мастерской знакомого рабочего я был свидетелем такой сцены. Пятнадцатилетний Миша Максимов ловко строгал доски. Временами, утирая пот со лба, останавливался и с завистью смотрел на отца. Интересно, как кольцуются стружки этими завитушками, ровными, одинаковыми, а из-под рубанка выглядывает гладкая, будто полированная доска со скользящими световыми бликами. У Миши тоже неплохо получается. только иногда доска кособочится. Отец участливо ворчит: «Иди лучше на каток сходи, намозолишь еще руки». И после ухода сына добавляет: «Не выгонишь из мастерской, как медом тут намазано. Двадцать три года лижу эти доски, хотелось, чтоб хоть он не глотал эту пыль. А может, и к лучшему — уж больно он мастеровой у меня, любит это». Вот это-то и главное. И Миша прав: он нужен любимой работе, вечерней школе и самому себе именно таким.

Для начинающего работу парнишки особенно велик авторитет отца. Он копирует его манеру работать, говорить, даже походку. И очень важно, чтобы отец во всем этом сохранял образцовость. Да, это старая истина. Но потому она и старая, что не перестала быть истиной. В доме Гены Манько часто собираются товарищи, страстные энтузиасты конструирования приемников. Отец, механик автобазы, не только сочувствует, но и помогает ребятам. К тому же они с сыном горячие футбольные болельщики. В свободное время спешат на стадион, на обратном пути наполняя авоськи — надо же помочь маме. Вместе планируют семейный бюджет. Однажды Гена неожиданно пришел в школу после получки навеселе. Дома все выложил отцу. Тот ничего не сказал, взял газету и опрокинулся на диван. Задумчивая беседа («давай-ка, сынок, поговорим серьезно, как мужчина с мужчиной») была излишней, как и наставления, советы. Ведь все это было сказано общими делами, общими занятиями раньше. Честному, трудолюбивому рабочему было очень больно. И он не мог, не умел и не хотел скрывать этой боли. Искренность переживаний отца была, пожалуй, самым поучительным уроком для сына. В этом молчании он слышал знакомый голос отца: «Вся моя собственная жизнь — раскрытая книга нелегкого, но честного труда. Листай, сын, она всегда у тебя на виду, в нем ты не найдешь темных пятен. Сам соображай — ты уже взрослый, тебе жить долго. Ты самостоятельный рабочий человек...»

Правда. Что ни говорите, а рабочий подросток — уже другой подросток.

Нет, пожалуй, ни одного вопроса, который вызывал бы среди родителей столь яростные разногласия, как вопрос о наказаниях.

Если одни считают, что применение наказаний — пережиток, не соответствующий нашей морали, то другие убеждены, что без них нельзя воспитать ребенка. «Наказание растит раба», — заявляют первые; «Безнаказанность растит хулигана», — отвечают вторые.

Если же лисенок хватается за зайчика и лакомится его мясом — он и дальше ловит зайцев. Собака, безнаказанно стащившая мясо со стола, будет лакомиться им каждый раз. Если блестящая игрушка, заинтересовавшая ребенка, не жжется — он тянется к ней снова.

Если какой-нибудь поступок сопровождается неприятным ощущением, болью (в широком смысле этого слова), мы его больше не со-

распространяясь по коре мозга, захватило и остальные близлежащие участки, не давая возможности тем самым образоваться тонкой дифференцировке. Собака так боится получить удар за протянутую к квадрату лапу, что не решается протянуть ее и к кругу.

Этим, в частности, объясняется, что при применявшейся в прежние времена болевой тренировке животных (то есть тренировке, при которой животных били за ошибку) удавалось обучить их лишь самым элементарным фокусам (прыгать через обруч, становиться на задние лапы и т. п.), а перевод к безболевого обучению дал возможность современным дрессировщикам научить животных очень сложным трюкам.

Интересно, что не только наказания, но даже применение слишком желанных наград не дает возможности выработать дифференцировку. Такой опытный физиолог, как Джон Лилли, в своей книге «Человек и дельфин» совершенно правильно пишет: «Трудно обучить животное, применяя слишком сильное поощрение или наказание. Если животному очень нравится испытываемое ощущение, целиком поглощающее его внимание, то его нельзя научить выполнять задачи, требующие тонкой дифференцировки».

Причина здесь та же — распространение по коре слишком сильного раздражителя, смывающего границы тонкой дифференцировки; или, при переводе на язык чувств: дельфину так хочется получить желаемую награду, что он пробует совершать поощряемые поступки и в тех случаях, когда за них не награждают. Эта физиологическая закономерность, на которую до последнего времени обращали мало внимания даже сами физиологи и которой совсем не интересовались педагоги, социологи, юристы, имеет, на наш взгляд, весьма важное значение для теории и практики воспитания.

Теперь, после всех этих несколько затянущихся рассуждений, разрешите вернуться к основному спору о месте наказания и награды в воспитании ребенка.

Если вам необходимо отучить маленького ребенка влезать на подо-

С М Ы С Л НАКАЗАНИЯ

Одни приводят десятки примеров того, как наказание только озлобляло или запугивало ребенка, портило его нервную систему, снижало школьную успеваемость; другие вспоминают случаи, когда никакие разговоры и разъяснения не помогали и только наказание отучало ребенка от истерических падений на землю, швыряния чашкой в лицо не угодившей ему матери и тому подобных нетерпимых поступков.

В этой статье мне хочется не просто стать на сторону одной из спорящих сторон, пытаюсь поддержать ее своим голословным утверждением или чужими авторитетами, не просто вспомнить, что говорили по этому поводу те или иные великие люди, а попытаться проанализировать физиологический механизм воздействия наказания и награды.

Итак, попробуем без излишней горячности и предвзятости разобраться в этом крайне интересном теоретически и сугубо важном практически вопросе.

Лисенок пытается схватить ежа и колется об его иглы — больше он ежей не хватается. Собака самовольно тащит мясо со стола, вы удаляете ее, и она больше мяса без спросу не тащит. Ребенок дотрагивается до горячего чайника, обжигается и больше никогда к горячему не тянется.

вершаем, так как боль и есть физиологический сигнал: нельзя, вредно, опасно; если же поступок сопровождается приятным ощущением, мы его повторяем снова.

Казалось бы, все ясно и просто. Наказывая за нежелательные и награждая за желательные поступки, мы можем управлять поведением ребенка, и чем резче будут наказания и награды, тем быстрее мы выработаем у ребенка нужные нам нормы поведения и привычки.

Однако подождите радоваться столь простому разрешению проблемы.

Мы хотим научить собаку протягивать лапу к кругу и не протягивать к квадрату. Для этого мы попробуем подкармливать собаку за протягивание лапы к кругу и ударять по лапе болезненным электрическим током, когда она тянется к квадрату. Казалось бы, собака должна быстро привыкнуть тянуться к кругу и никогда не протягивать лапу к квадрату. Однако в подавляющем большинстве случаев, если удар током резко болезнен, мы не выработаем у собаки умения отличать круг от квадрата: собака либо вообще затормозится и не будет протягивать лапу ни к какой фигуре, либо даст нервный срыв, возбуждение, страх, агрессию.

Физиологически это вызвано тем, что слишком резкое воздействие,

Родное слово

К. Д. УШИНСКИЙ

конник открытого окна или выбегать на мостовую, то в случае, если на ребенка не действуют угрозы, вы можете наказанием затормозить у него эти опасные поступки; ибо здесь все просто: «Нельзя!», «Не делай!», — без всякой сложной дифференцировки.

Однако в подавляющем большинстве случаев при воспитании детей нам приходится вырабатывать более сложные и тонкие навыки. Во всех этих случаях попытки добиться от ребенка овладения этими навыками с помощью угроз, наказаний или обещаний заманчивой награды чаще всего не приведут к желаемому результату, а порой могут вызвать у ребенка нервный срыв.

Грубой воспитательной ошибкой является наказание за плохую отметку или даже угроза: «Посмей мне только еще раз принести двойку». В этом случае ребенок, испытывая страх перед возможной неудачей, скорее всего растеряется при ответе у доски или контрольной работе и поэтому как раз и получит двойку.

Ребенок, слишком остро заинтересованный в хорошей оценке, за которую ему обещана крайне желанная награда, будет почти так же волноваться, как и ребенок, запуганный угрозой сурового наказания, и так же из-за этого скорее всего не сумеет получить высокую оценку.

Только ученик, не испытывающий страха перед результатом, сможет спокойно выполнить задание, полностью выжив свои знания и способности.

Конечно, все это относится не только к учебным занятиям. Ребенок, которому угрожают наказанием или даже только кричат на него за то, что ему не удастся освоить какие-либо трудовые навыки (аккуратно есть, одеваться, помогать взрослым по дому), овладеет этими премудростями несравненно медленнее и хуже, чем ребенок, которого будут спокойно, ласково поощрять: если сегодня ему это не удастся — обязательно удастся завтра.

Итак, подведем итог. Мы считаем, что ребенок, как правило, должен воспитываться без наказаний, которые могут быть применены как исключение и то лишь в тех случаях, когда разъяснение не действует, а ребенок совершает абсолютно нетерпимый в нашем обществе или опасный поступок, о недопустимости которого он уже осведомлен. Основным же методом воспитания и обучения должно быть спокойное слово, разъясняющее ребенку, как надо и как не надо поступать, личный пример родителей и окружающих.

О русской речи, о родном слове сказано много доброго — великими писателями и безымянными народными сказителями, учеными-филологами и малышами, впервые постигающими на школьном уроке законы родного языка. Среди непрестанно продолжающегося потока этих признаний в любви «Родное слово» Ушинского — в первом ряду, о бок и вровень с теми вдохновенными гимнами русской речи, что звучат со страниц Ломоносова, Пушкина, Тургенева, Достоевского.

Многое менялось в языке и многое изменилось за сто с лишним лет, прошедшие от написания «Родного слова», но дух языка, главный строй его и смысл неизменны, и бережное отношение к нему — прямой долг каждого из нас. Всегда ли мы выполняем его сами? А ведь это уважение мы должны передать и нашим детям. И здесь «Родное слово» Ушинского может быть вашим добрым помощником. Прочтите его сами, перечитайте вместе со своими старшими детьми — и пусть они берегут всегда, любят и ценят «животворящий, полный разума русский язык».

...Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывается одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования,

воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, — словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, — народа нет боле! ...Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все — и он все может вернуть; но отнимите язык — и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка — никогда: вымер язык в устах народа — вымер и народ. Но если человеческая душа содрогается перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа?

Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной, многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошвы Гималаев. Все, что видали, все, что испытывали, все, что переживали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звуком только

учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомиться ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ.

Ребенок, развитие которого не было извращено насильственно, по большей части, в пять или шесть лет, говорит уже очень бойко и правильно на своем родном языке. Но подумайте, сколько нужно знаний, чувств, мыслей, логики и даже философии, чтобы говорить так на каком-нибудь языке, как говорит не глупое дитя лет шести или семи на своем родном? Те очень ошибаются, кто думает, что в этом усвоении ребенком родного языка действует только память: никакой памяти недостало бы для того, чтобы затвердить не только все слова какого-нибудь языка, но даже все возможные сочетания этих слов и все их видоизменения; нет, если бы изучали язык одной памятью, то никогда бы вполне не изучили ни одного языка. Язык, созданный народом, развивается в духе ребенка способность, которая создает в челове-

ке слово и которая отличает человека от животного: развивает дух. Вы замечаете, что ребенок, желая выразить свою мысль, в одном случае употребляет одно выражение, в другом другое, и невольно удивляетесь чутью, с которым он подметил необычайно тонкое различие между двумя словами, по-видимому, очень сходными. Вы замечаете также, что ребенок, услышав новое для него слово, начинает по большей части склонять его, спрягать и соединять с другими словами совершенно правильно; могло ли это быть, если бы ребенок, усваивая родной язык, не усваивал частиты той творческой силы, которая дала народу возможность создать язык? Посмотрите, с каким трудом приобретается иностранцем этот инстинкт чужого языка; да и приобретается ли когда-нибудь вполне?

...Но этот удивительный педагог — родной язык — не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недостижимо облегчающему методу. Мы хотим передать ребенку пять, шесть неизвестных ему названий, семь, восемь иностранных слов, два, три новых понятия, несколько сложных событий, и это стоит нам значительного труда и еще больше стоит труда ребенку. Он то заучивает, то опять забывает, и если сообщаемые понятия сколько-нибудь отвлеченны, заключают в себе какую-нибудь логическую или грамматическую тонкость, то дитя решительно не может их усвоить; тогда как на практике, в родном языке, он легко и свободно пользуется теми же самыми тонкостями, которые мы напрасно усиливаемся ему объяснить. Мы успокаиваем себя обыкновенно фразой, что ребенок говорит на родном языке так себе, бессознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняет. Если ребенок употребляет ксати тот или другой грамматический оборот, делает в разговоре тонкое различие между словами и грамматическими формами — это значит, что он сознает их различие, хотя не в той форме и не тем путем, как бы нам хотелось. Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка, —

и усваивает легко и скоро, в два-три года столько, что и половины того же не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог — родное слово!

Но, скажут нам, почему же мы говорим родное? Разве не можно точно так же легко практически выучить дитя иностранному языку и разве это изучение не может принести ему той же пользы, какую приносит изучение родного языка? Языки французский и немецкий также являются результатами многовековой духовной жизни этих народов, как и языки русский, латинский и греческий. Следовательно, если ребенок с детства будет говорить на каком-нибудь иностранном языке, то его душевное развитие от этого ничего не потеряет, а может быть еще и выиграет. Маленький француз, англичанин, итальянец почерпают точно такое же сокровище, а может быть и больше, из своих родных языков, как и русский из своего. Все это совершенно справедливо, и если русское дитя, говоря с самого детства по-французски или по-немецки, будет поставлено в ту же самую среду, в какую поставлены маленький француз и немец, то, без сомнения, его духовное развитие будет идти тем же путем, хотя, может быть, и не совсем тем же, как мы это увидим ниже, если примем в расчет не подлежащий сомнению факт наследственности национальных характеров.

Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, поймем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа. Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу, практическая речь британца; певучая, сверкающая, играющая красками, образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним вздымающим ее чувством и изредка разрывающаяся громкими всплесками речь славянина — лучше всех возможных характеристик, лучше самой истории, в которой иногда народ мало принимает участия, знакомят нас с характерами народов, создавших эти языки. Вот почему лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа — усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер.

1861 год

МЛАДШИЙ ШКОЛЬНИК

Л. АЙДАРОВА,
научный сотрудник
Института психологии АПН РСФСР

Порой можно услышать в разговорах родителей, а то и учителей: трудный возраст, благодарный возраст, возраст больших возможностей. Думаем, что такие обобщенные оценки не очень плодотворны хотя бы потому, что применимы они к любому возрасту детской (да, наверное, и взрослой) жизни. Однако, не соглашаясь с делением возрастов на благоприятные и неблагоприятные, мы должны признать, что каждый из них имеет свои приметы, свои формы отношения ребенка к окружающему миру, свои способы проявления возможностей личности.

Сегодня — разговор о младшем школьном возрасте. Какие же особенности, какие приметы его отличают? Надо только оговориться, что речь пойдет о психологических, а не о биологических особенностях возраста, хотя понятно, что психическое, духовное развитие ребенка всегда связано с органическим, физическим ростом его.

Трудно в рамках журнальной статьи дать исчерпывающую и всестороннюю характеристику возраста. Поэтому мы постараемся указать лишь на основные признаки его, отметить те новые черты и качества, которые ему присущи. Дело родителей — понаблюдать, насколько ярко выражены эти качества у ребят.

Итак, вы смотрите на своего 7—8-летнего ребенка и видите, что как и в дошкольном возрасте, для него все кругом очень ярко и от-

крыто. Он обостренно чувствует все, что имеет к нему какое-то отношение. Ребенок еще очень эмоционален. Но если четырех-пятилетка радости и обиды переживает открыто, то младший школьник многое уже начинает переживать про себя, он постепенно приучается управлять внешним проявлением своих чувств.

Игра — главная деятельность ребенка на протяжении многих лет его жизни, причем деятельность всегда творческая. Но характер ее постоянно меняется. Наблюдая за детьми, родители легко могут увидеть, чем игры дошкольников отличаются от игр младших школьников: они становятся сложнее и богаче, их питают уже не только непосредственные внешние впечатления, но в первую очередь ребячье воображение, фантазия.

В любом возрасте игра для ребенка — способ принять участие во взрослой жизни. Вы помните, как в игре он был и папой, и мамой, и врачом, и строителем, и машинистом, и пожарником, и учителем, и космонавтом. Здесь, в игре, он полноправный гражданин той большой жизни, которая ему еще недоступна.

Но вот маленькому человеку исполнилось 7 лет и он пошел в школу. Начинается совершенно новый период — период учения, со всеми его большими требованиями и сложностями*.

* Подробнее об учебной работе младших школьников см. статью Л. Славиной «У вас — первоклассник» (№ 8—10 «Семьи и школы» за 1965 год) и статью К. Бардина «Лень? Притворство? Ложь? — Неумение!», которая будет опубликована в одном из ближайших номеров.

Однако происходит ли переход от игрового периода жизни ребенка к учебному мгновенно, в тот день, когда он впервые приходит в школу? Нет. И увидеть это родители могут, определив, какие мотивы побуждают ребенка учиться.

В 3—4 классе у многих ребят уже появляется настоящий познавательный интерес к чему-то определенному. Они увлекаются техникой или художественной литературой, знаниями о животных или археологией, и эти увлечения, которые нередко дети начинают удовлетворять сами, читая различные книги по интересующему их вопросу сверх школьной программы, становятся мотивом учения.

Не то в первом классе. Первоклассника привлекает чаще всего внешняя сторона учения — ему нравится атмосфера серьезных занятий в школе, нравится сидеть за партой, тщательно выполнять указания учителя, вообще чувствовать себя уже взрослым. Ведь и дома, и в детском саду, и в передачах по радио и телевидению он слышал, что учение — такое же или почти такое же важное дело, как работа взрослых. В этом отношении есть еще что-то от игры. Но надо помнить, что такой интерес к школе — ненадолго, и если он не будет подкреплен радостью от узнавания нового, то может вскоре угаснуть.

С приходом в школу расширяется круг общения ребенка, у него возникают контакты уже с большим числом людей, чем это было до школы, он начинает постепенно осознавать сложность и разнообразие отношений, существующих между людьми. Ребенок по-прежнему открыт и доверчив, но все-таки это уже не дошкольник, для которого все в мире однозначно и ясно. Младший школьник уже чуточку настороже. Он понежнко начинает понимать многоплановость и многозначность как слов, так и отношений между людьми, замечает первые обманы, первые жизненные

Предыдущие статьи этого цикла были опубликованы в № 7 и 9 «Семьи и школы» за 1964 год, в № 1 и 5 за 1965 год и в № 3 за этот год.

коллизии, свидетелем которых ему порой приходится быть, и пытается ко всему этому по-своему отнестись, осознать, понять то, что видит. Никакого разлада с миром еще нет и не может быть, но определенная настороженность появляется. Мы говорим здесь обо всем этом потому, что взрослые, для которых сложность жизни естественна, никогда не должны забывать, что для детей картина человеческих отношений еще только начинает проявляться, и фальшь, несправедливость в отношениях людей могут очень ранить ребенка, оставить надолго тяжелый след.

Ни в коей мере родители не должны забывать и о том, что для своих 7—8-летних детей они являются образцом, тем совершенством, которому малыши почти всегда поклоняются. Внешний облик, вещи родителей — все большое и недоступно высокое для маленького человека. Вспомните, с каким благоговением маленькая дочка впервые держала в руках сокровище — мамини бусы, или какое почтение к отцовым инструментам или книгам испытывал сын, когда папа решил ему потрогать свои вещи,

или, больше того, начать пользоваться ими.

Вначале все основано на внешнем подражании. Но к концу младшего школьного возраста вы можете увидеть, что отношения вашего ребенка со сверстниками и со старшими строятся уже по моральным нормам, которые он — сознательно или неосознанно — усвоил, наблюдая жизнь взрослых. Поскольку свое поведение, отношение к окружающим младшие школьники чаще всего равняют по образцам, которые у них есть перед глазами, взрослые должны быть крайне требовательны к себе, особенно когда дети видят их.

Но ребенок живет уже не только в семье, он живет и в коллективе сверстников. Разговоры с детьми о классе, о товарищах, беседы с учителем могут показать, что у детей в 8—9 лет появляется стремление занять определенное место в классе, то есть быть не где-то отдельно, в стороне, а быть с ребятами, быть признанными и принятыми ими. Значит, теперь уже не только семья формирует личность ребенка, но и детский коллектив. Особенно действенным, значимым становится об-

щественное мнение класса, его одобрение или осуждение. Совместная учеба обычно сближает детей. У них появляется стремление все делать сообща, помогать друг другу, вместе переживать радости и неудачи. Здесь нередко вырастают настоящие товарищеские отношения, заботливое и вместе с тем требовательное отношение друг к другу, к личным качествам товарища. Все большим и большим становится влияние детей друг на друга. Если раньше образцом для подражания были родители или учитель, то теперь нередко таким образцом становятся товарищи, обычно самые авторитетные и яркие личности в классе.

Необходимо не упустить очень важный момент — возникновение чувства «взрослости», которое начинает появляться к концу младшего школьного возраста, то есть уже у четвероклассников. Возникает оно прежде всего у наиболее самостоятельных, сильных детей. Это чувство может проявляться как в отношениях ребенка со взрослыми —

(Окончание на 22-й странице)

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Э. ДАНЭЛЬ (ПОС. МАРТУНИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР).
ЗА УРОКАМИ

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

Как-то утром я ехала на работу. В троллейбус входили люди, покупали билеты или предъявляли проездные документы.

На одной из остановок в вагон несмело поднялись двое подростков, один из которых вызывающе заявил: «Семейный», — а другой сказал: «Годовой».

Пассажиры, глядя на юных безбилетников, стали негодовать, возмущаться: «Безобразия! С малых лет начинают обманывать. В милицию отправить их надо. Пусть знают, как бесплатно ездить».

Мальчики заметно струсили, стали рыться в карманах в поисках мелочи.

Но тут случилось самое страшное. У «зайцев» нашлись добровольные защитники: «Что вы на ребят набросились? У них и денег-то на проезд нет. Откуда деньги у школьников? Пусть едут... Государство от восьми копеек не обеднеет».

В троллейбусе разгорелся жаркий спор: кто защищал молодежь, кто нападал на нее, ставя ей в вину невоспитанность.

Только молчаливая женщина со следами усталости на лице, видимо после ночной смены, подозвала одного из мальчуганов и попросила: «Мальчик, опусти, пожалуйста, в кассу на два билета».

Мальчик принес билеты.

Женщина, ласково улыбнувшись, сказала: «Спасибо, но это ваши билеты — твой и твоего товарища. Я верю, что у вас действительно нет денег».

Парнишки покраснели и на первой же остановке вышли.

А в то же время с передней площадки в троллейбус вошел малыш, ехавший, очевидно, в детский сад. Едва увидев кассу, он начал тормозить маму: «Мамуля, дай мне денежки, я куплю билетик».

И надо было видеть, с каким огромным удовольствием и даже торжественностью малыш опустил монетки в кассу, оторвал билет и, зажав его крепко-крепко в кулачке, сел, сияющий, на колени к маме...

Я подумала: почему дети порой быстро теряют удивительную способность раннего детства находить в самом простом, в самом обыденном большую радость и удовлетворение? Отчего они подчас не умеют и не любят платить за все то большое и малое, что дает им государство, их матери и отцы?

А ведь мы стремимся дать детям все самое лучшее: дворцы, стадионы и пионерские лагеря, сады и парки, мы окружаем детвору особой заботой и вниманием, и все же сталкиваемся подчас с детской неблагодарностью, граничащей с эгоизмом.

Мы с мужем прогуливались по бульвару. Погожий летний вечер так и манил людей из душных комнат на воздух, на улицу. Яркие цветы в скверах дарили людям свой нежный аромат. Прохожие невольно любовались искусно сделанными клумбами.

На одной из скамеек в глубине бульвара сидела парочка — девушка и юноша. Проходя мимо, мы невольно стали свидетелями их разговора.

Говорила девушка: «Ты все время твердишь, что любишь меня. А я вот не верю, честное слово, не

верю... Когда один человек любит другого, то он делает все, чтобы доставить ему приятное, а ты даже не принес мне сегодня цветочка...»

Юноша вскочил: «Да я хоть сейчас...»

Мы увидели, как он легко перемахнул через скамейку и скрылся в цветнике. Спустя минуту вернулся, неся огромный букет цветов. «Бери. Знай, как я люблю тебя».

Мы не могли не подойти к молодым людям: «Вам не стыдно оценивать любовь краденными цветами? Вы думаете, это и есть выражение настоящей любви?»

Девушка молчала, а ее кавалер пытался защищаться: «Подумаешь — цветочки. Ну и сорвал. А кто вы такие, чтоб всех учить? Апостолы? А ну чешите, божьи одуванчики, пока вам крылышки не общипали».

Мы было обратились за помощью к постовому, но, завидев его, молодежь со всех ног бросилась бежать, только ее и видели.

У скамейки лежали втоптанные в грязь, еще не успевшие завянуть яркоголовые тюльпаны.

Я подумала: дети — цветы жизни, но почему среди этих цветов, в массе своей все же хороших, встречаются и репейник и чертополох.

Наверное, много тому причин, но, на мой взгляд, главная — в нас, взрослых, в родителях, с которых дети берут пример во всем, и плохом и хорошем. Мы, взрослые, любим учить детей, любим читать наставления, забывая при этом о своем поведении как главным методе воспитания.

На остановке автобуса в очереди стояли отец и дочь-школьница. Доев мороженое, девочка спросила у отца: «Куда мне бросить бумажку от мороженого? Папа, не задумываясь, ответил: «В урну». — «А если урны нет?» Отец, немного помедлив, шепотом сказал: «Дай мне бумажку, я ее незаметно выброшу где-нибудь, чтоб никто не видел».

Под ноги проходим полетел бумажный комочек...

Казалось бы, этот случай — пустяк. Ну что тут особенного? А между тем в доверчивую душу ребенка родитель пустил капельку яда той чуждой нам философии, против которой мы боремся — лишь бы мне было хорошо, а до других дела нет. Ребенок, принимая жизнь еще не совсем осознанно, проникается мыслью, что совершать неблагоприятные поступки можно, но только так, чтоб никто не видел.

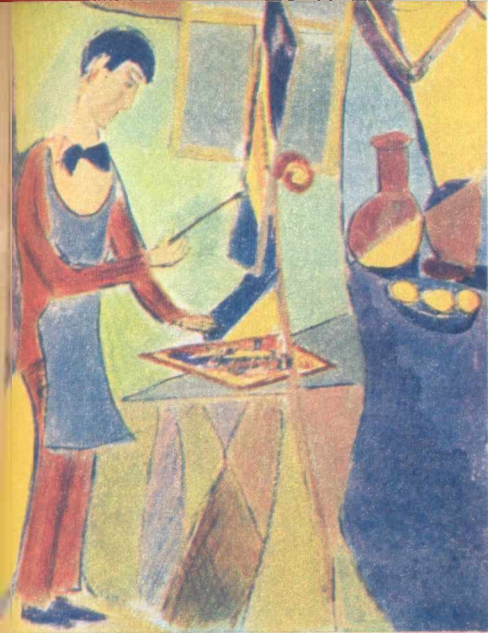
Прийдет немного времени, и этот же отец будет спрашивать у себя: «И откуда у моей дочери дурные замашки. Вроде бы и воспитывали, ни в чем не отказывали ей...»

Я не открою большого секрета, если скажу, что воспитание детей — очень трудное дело, не терпящее пренебрежения мелочами. И этим делом надо заниматься всем, чтобы никогда и нигде не было в отношении наших детей посторонних. Воспитывать надо не в лоб, назойливо, а мягко, лучше с улыбкой; ведь дети лучше всего отзываются на ласку.

И еще: если вы будете говорить по сто раз на дню: «Сынок, говори спасибо, когда тебе что-нибудь дадут», — ваш ребенок не делается более воспитанным, более благородным, но если вокруг него все будет наполено культурой, если его мама назовет свою маму не старухой, бабушкой, а мягко и добросердечно — мама или бабушка; если папа будет всегда уступать место в трамвае не только пожилым, но даже и его лет женщинам; если старшие братья и сестры не станут сорить на улице, а наоборот, поднимут нечаянно кем-то оброненную бумажку — то, поверьте, наши дети станут намного лучше.

А ваше мнение, товарищи родители?

В. ПАВЛОВА
(Москва)

О РИСУНКАХ ДЕНИСА ДРАГУНСКОГО

Непосредственность, яркость, свежесть восприятия — эти слова, эти оценки слышишь чаще всего, когда идет речь о детских рисунках.

Уместны они и здесь. Но не говорят всего; не говорят главного.

Детские — по возрасту художника? Но детство ли — 15 лет, и — шире — то время жизни, которое зовем мы подростковым возрастом (лучше бы по-старинному — отрочеством)? Нет, чаще и больше — отталкивание от него, отделение, прощание с детством.

Детские — по характеру? Нет, напротив. Не непосредственность — обдуманность замысла; не то, что просто увиделось —

обобщенное, осмысленное — до многозначительности, до символа порой.

И все-таки — в каждой из работ Дениса Драгунского так ошутимы приметы возраста, что и подлиней под рисунками можно было не ставить — „13, 14, 15 лет“.

Первая из примет — это сразу неизмеримо выросшая широта восприятия мира. Как в повести Гоголя „вдруг сразу далеко стало видно во все концы света“. Поэтому таким органичным, таким естественным представляется выразившийся в работах Драгунского интерес к самым разным пластам истории — и к средневековью („Средневековый город“ — на вкладке), и к русской старине („Успенский собор“), и ко времени еще более далекому и легендарному.

Но мир раздвигается перед подростком не только виришь, но и вглубь — в понимании жизни, в раздумьях о ней, в понимании творчества. Не зря, не случайно вторая из работ, которые вы видите здесь, названа многозначительно „Мастерская радости“. Это не просто желание увеличить „смысловую нагрузку“ работы; это,

прежде всего, собственные раздумья и вывод: что такое искусство, что такое творчество.

Отрочество — прощание с детством, скажи мы вначале. И доброе прощание — если ребенок взрослеет без препон и преград, без одергиваний и окриков взрослых.

Таким вот добрым прощанием видится третья из представленных здесь работ, „Марк Твен“. Сперва можно подумать, что это обычный детский рассказ рисунком об открывшемся соотрации „Тома Сойера“ и надолго покорившем воображение мире. Но взгляните — сколько в замысле, красках, композиции доброй — но все-таки свысока — снисходительности к тому, что безраздельно пленяло вчера. Не отзвук, не отклик впечатления — воспоминание о нем. Воспоминание взрослого.

...Присмотритесь же к рисункам ваших ребят, вслушайтесь в их разговоры, вчитайтесь (если они захотят и позволят, конечно) в их первые неумелые стихи. Не пора ли и нам быть с ними взрослыми?

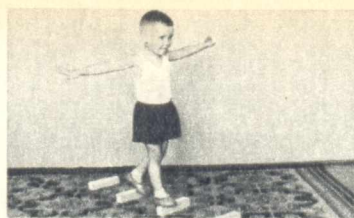

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

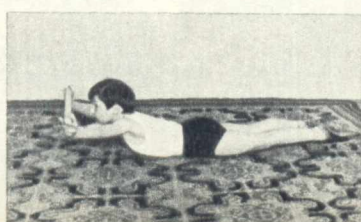
20

21

22

23

24

25

ГИМНАСТИКА для дошкольников

Возраст от трех до семи — пожалуй, самый неугомонный, самый беспокойный из всех. Как правило, дошкольнику вечно не сидится на месте, он очень любит подвижные игры, и здесь родителям скорее приходится сдерживать ребят, чем побуждать их к игре. Однако было бы неверным считать, что этого достаточно для всестороннего физического развития ребенка.

Уровень физической подготовки ребят различен; кроме того, они не владеют еще достаточной координацией движений, сложными двигательными навыками. И здесь очень полезными будут регулярные занятия гимнастикой.

С детьми 3—4 лет занятия лучше всего проводить через 35—40 минут после завтрака и второй раз — после дневного сна. Эти занятия кратковременны: 3—4 упражнения, сочетаемые с бегом и ходьбой.

Детей 5—6 лет следует приучать к систематической утренней гимнастике. Продолжительность занятий — 10—12 минут (5—7 упражнений). Полезны зарядка и после дневного сна.

В гимнастику дошкольников входят ходьба и бег, прыжки и метания, ползания и лазанья, доступные упражнения в равновесии и спортивные развлечения. Выполнять упражнения полезно и дома, в проветренной комнате, и особенно на воздухе, во время прогулки. Гимнастику следует всегда проводить занимательно, эмоционально, живо — тогда и ребята будут заниматься охотно, с интересом, без принуждения. Пособия для занятий несложны, они есть в каждой семье. Это мячи, обручи, палки (круглые), веревка, деревянные бруски (5—6 см в поперечнике и длиной до 20 см), детские стульчики, столы, скамеечки, табуретки.

УПРАЖНЕНИЯ для ДЕТЕЙ 3—4 ЛЕТ

1. Принести указанный предмет (мяч, флажок, обруч, игрушку). Идти обычным шагом, или на носочках, или высоко поднимая колени. Предмет нести перед собой над головой или за головой. Задача усложняется, если ребенку предложить идти по полулице или между равномерно расположенными предметами (кубиками, брусьями). Цель: совершенствовать умение ходить. Необходимо обратить внимание на то, чтобы ребенок правильно держал тело и голову при ходьбе.

2. То же, выполнять бегом. Цель — укрепление мышц ног, совершенствование движений.

3. Ползти до указанного предмета (шарика, кубика, мяча, флажка), вернуться бегом с ним в руках. Цель — укрепление мышц плечевого пояса.

4. Проползти через обруч, или под обручем, или под детским столиком, или под натянутой веревкой (высота

40 см). Встать, сделать хлопок над головой.

5. Прodelать то же, не касаясь руками пола. Цель — воспитать умение преодолевать различные препятствия, укреплять мышцы ног и рук (фото 1).

6. Влезть и слезть с гимнастической лесенки или стремянки, ступая на каждую рейку. Цель — укрепить мышцы тела, воспитать смелость, ловкость.

7. Подпрыгивание на месте на обеих ногах (5—6 прыжков). Цель — укрепление мышц ног.

8. Перепрыгнуть через линию, или веревку, лежащую на полу, или кубики, бруски, небольшой мячик (фото 2).

9. Перепрыгнуть через половицу, через несколько кубиков, уложенных в 2—3 ряда, или через две линии, веревки (фото 3). Цель — совершенствовать умение прыгать, развивать силу ног.

10. Продвигаться вперед, подпрыгивая на обеих ногах. Руки внизу или на поясе. Задача усложняется, если ребенок будет продвигаться по «коридору» (уложенная на полу веревка) по прямой или зигзагами. Цель — развивать силу ног и ловкость.

11. Продвигаться вперед, перепрыгивая через небольшие препятствия (кубики, деревянные бруски, небольшие мячики и т. д.).

12. Спрыгивать со скамеечки (высота 15—20 см) или детского стула.

13. Спрыгнуть с высоты 1 м — 1 м 20 см (стол, подоконник, лесенка) в руки взрослого. Цель — развивать ориентировку в пространстве, воспитывать смелость, решительность.

14. Пройти «по наمشкам через ручеек», наступая на деревянные бруски или кубики, лежащие на расстоянии 25—35 см друг от друга (фото 4).

15. Перейти по бревну или трубе, лежащей на земле, лицом вперед или приставным шагом в сторону.

16. Пройти по скамейке или доске, перешагнув через один или несколько предметов, равномерно расположенных на ней (фото 5).

17. Вбежать и сбегать по наклонной доске.

18. Догнать натяющийся мяч, продвигаясь на четвереньках.

19. Катить мяч головой, продвигаясь на четвереньках. Цель — укрепление мышц туловища, ног и рук, развитие координации движений (фото 6).

20. Катить мяч на дальность из разных исходных позиций: стоя прямо, стоя спиной вперед, ноги врозь, присев на корточках, сидя, сидя ноги врозь. Цель — развивать ловкость движений.

21. Катить мяч в цель — в ворота, арки, в более крупные мячи и т. д. Цель — развивать меткость.

22. Стоя на коленях или сидя на пятках, прокатить мяч вокруг себя.

23. Бросать и ловить мяч (20—25 см в диаметре) с расстояния 1—1,5 м.

24. Бросать мяч о землю и ловить его.

25. «Кто дальше?» Бросать шишки, комки снега, камешки, маленькие мячи.

26. Подбрасывание мяча вверх одной и двумя руками. Цель — совершенствовать навыки в бросках и ловле, развивать ориентировку в пространстве и ловкость движений.

27. Стоять на обеих ногах или на одной, на колене взрослого (фото 7).

28. Наклоны назад, стоя на коленях взрослого, при поддержке взрослого. Цель — развивать ориентировку в пространстве (фото 8).

29. Поднять гимнастическую палку вверх (повыше над головой) и положить к ногам.

30. Перешагнуть через палку. Палку держать в опущенных руках за оба конца. Перешагнуть сначала одной, затем другой ногой. Затем перешагнуть назад. Цель — развивать ловкость движений (фото 9).

31. Встать в обруч, присесть, взяв его обеими руками, встать и поднять обруч высоко над головой (фото 10).

32. Сидя в обруче, ноги скрестив, высоко поднять обруч. Цель — развивать координацию движений (фото 11).

УПРАЖНЕНИЯ для ДЕТЕЙ 5—7 ЛЕТ

1. Пройти 8—10 м обычным шагом, или на носках, или высоко поднимая колени, или на пятках, или приставным шагом в сторону, скрестным шагом вперед, или спиной вперед. Положение рук может быть различным (вверху, внизу, в стороны, вперед). В руках можно нести предмет. Задача усложняется, если ребенок будет идти прямо или боком по веревке, лежащей на полу, по рейке, по линии. Цель — совершенствовать навыки ходьбы.

2. Аналогичные упражнения выполнять бегом: обычным шагом или перешагивая через предметы или веревку. Цель — укреплять мышцы ног, совершенствовать навыки бега, развивать ориентировку в пространстве.

3. Проползти на четвереньках под натянутой веревкой или несколькими параллельными. То же, не касаясь руками пола (фото 12).

4. Пролезть между двумя натянутыми на разной высоте веревками (30 и 60 см), не задевая их. Цель — совершенствовать ловкость движений, развивать силу мышц плечевого пояса, ног (фото 13).

5. Дoleзть до верха гимнастической лесенки или стремянки, перелезть на другую сторону и спуститься вниз. Можно то же проделывать на обычной лестнице (наклонной), перелезая на другую сторону между рейками. Цель — развивать силу мышц, координацию и ловкость движений, воспитывать смелость, ловкость.

6. Подпрыгивать на месте на обеих ногах, стараясь коснуться головой подвешенного предмета (мячик, легкая игрушка, флажок). Цель — развивать силу мышц ног (фото 14).

7. Вспрыгивание на невысокий предмет (высота 20—25 см), ящик или паркет, стоя лицом к препятствию, или боком, или спиной. Спрыгивание с предмета спиной вперед, или боком, или лицом вперед. Задача усложняется, если расстояние до предмета постепенно увеличивать. Цель — развивать силу мышц ног, воспитывать ловкость, смелость, решительность.

8. Перепрыгивать с ноги на ногу, продвигаясь вперед, наступая между предметами или на кружочки, нарисованные на земле. Цель — развивать ловкость.

9. Перепрыгнуть на двух ногах через скамеечку (высота до 25 см), или большой мяч, или натянутую веревку. Цель — развивать силу ног, воспитывать смелость.

В этом номере печатается описание упражнений для ребят от 3 до 7 лет. Упражнения для малышей (от года до 3 лет) вы можете найти в № 9 «Семья и школа» за 1964 год.

10. Перепрыгнуть через «коридор» (ширина 50—60 см), образуемый двумя линиями, или через половичок. Прыгать лицом вперед или боком. Цель — развивать силу ног, умение мягко приземляться (фото 15).

11. Прыгать через качающуюся и вращающуюся скакалку.

12. Прыгнуть в обруч, лежащий на полу, или в круг, нарисованный на земле, стоя лицом, боком или спиной к обручу. Выпрыгнуть обратно так же. Прыгать на обеих ногах, или на одной, или меняя ноги поочередно. Цель — развивать силу ног, ловкость движений (фото 16).

13. Прыжками на обеих ногах продвигаться вверх по наклонной доске, или детской деревянной горке, или по лестнице (некрутой). То же — прыгая с ноги на ногу. Цель — развивать силу ног, умение прыгать и мягко приземляться.

14. Пройти по веревке, лежащей на полу (прямо и зигзагами), лицом или спиной вперед (2—3 м). Цель — развивать чувство равновесия (фото 17).

15. Пройти по веревке, лежащей на полу, на четвереньках, переставляя ноги и руки по веревке (2—3 м). Цель — укреплять мышцы туловища, рук и ног, развивать чувство равновесия (фото 18).

16. Пройти по доске, или половнице, или «коридору» (шириной до 15 см) с предметом на голове (кольцо, подушечка, мешочек с песком) (фото 19).

То же — перешагивая через мяч или несколько кубиков, лежащих на доске. Цель — развивать ориентировку в пространстве и чувство равновесия.

17. Катать мяч, обруч при помощи палочки, клюшки и т. д. по прямой, по кругу, зигзагами, во время ходьбы и бега. Цель — совершенствовать координацию движений.

18. Подбросить мяч вертикально вверх и поймать его (5—6 раз).

19. Отбивать мяч рукой о землю, продвигаясь вперед (6—7 м).

20. Бросать мяч в стенку и ловить его.

21. Бросать малый мяч в цель (в натянутый большой мяч, в корзину, в ящик, в щит, в обруч) из разных исходных положений.

22. Бросать мяч на дальность из разных исходных положений, одной и двумя руками. Цель — выработать меткость, ловкость, силу рук.

23. Сидя, катать мяч ногами вокруг себя, поворачиваясь с помощью рук. Цель — развивать мышцы рук, ног и туловища (фото 20).

24. Катать мяч руками вокруг себя, сидя на полу, ноги вместе. Цель — развивать гибкость, укреплять мышцы туловища (фото 21).

25. Катить мяч одной ногой, подпрыгивая на другой, по прямой и по кругу. Цель — развивать силу ног (фото 22).

26. Сидя на полу, поднять палку ногами (фото 23).

27. Лежа на животе, поднять и опустить палку на вытянутых руках. Голову приподнять. Цель — развивать мышцы туловища.

28. Исходное положение — сидя на полу. Палку держать прямыми руками за концы, положить ее на колени. Перекат на спину. Перенести одновременно ноги через палку. Цель — развивать координацию движений (фото 24).

29. Перелезть сквозь обруч ногами вперед. Цель — развивать мышцы туловища и рук (фото 25).

Р. ТРАВКИНА,

научный сотрудник
Института возрастной физиологии
и физического воспитания
АПН РСФСР

У нас трое детей: старшему — семь лет, среднему — пять, младшему — три года. И, конечно, мы очень хотим воспитать их хорошими. Но в чем-то мы, видимо, их неправильно воспитываем: очень уж они любят пореветь. Плачут буквально по любому поводу. Мы их, конечно, наказываем за этот рев. Но может быть, мы не правы? Посоветуйте, пожалуйста, как их отучить от этой вредной привычки?

В. ПОГУДИН
(Оренбургская область)

Уважаемый тов. Погудин! Чрезмерно плаксивыми дети бывают по разным причинам, и в зависимости от этих причин нужно подходить к ним по-разному.

Иногда (а взрослые думают, что всегда) слезливость для детей является средством добиться выполнения их требований и капризов. Конечно, в этом случае старшие должны давать отпор такой скверной привычке. Можно и должно за притворные слезы наказывать «ревунов», высмеивать их или хотя бы полностью игнорировать демонстративный «рев».

Однако плаксивость может быть следствием болезненности ребенка, легкой истощаемости нервной системы: все не раз видели, как плачет и капризничает ребенок, которому пора спать, который переутомился от обилия впечатлений и т. д. Точно так же может постоянно быть слезливым ребенок, у которого не в порядке здоровье (авитаминоз, хроническая инфекция, кишечные паразиты, плохой режим). В подобных случаях нужно устранить причины, а не бороться с проявлениями этих причин: наказывать или высмеивать детей уже бесполезно, а то и вредно. Наконец, бывает и так: ребенок плачет больше других детей просто потому, что он более чувствительный, впечатлительный, со слабым типом нервной системы. Обычно такие дети послушны, мягки, ласковы; в играх с другими детьми они чаще уступают, их легко вызвать на сочувствие чужому горю и т. п. Сами они плачут чаще других потому, что острее переживают всякую обиду, несправедливость, неудачу. С такой плаксивостью, пожалуй, и бороться не нужно: насмешки, наказания будут только ранить ребенка, «сушить ему сердце». Кстати, такие дети плачут нередко для того, «чтобы их пожалели: они особенно остро нуждаются в ласке старших и добиваются ее (заметьте, не капризов, не удовлетворения своих излишних прихотей, а просто ласки отца или матери) слезами. Не нужно считать таких детей изнеженными, неполноценными: их слезы — признак бу-

дущих черт характера, нужных всякому человеку, — чуткости и отзывчивости.

Что же посоветовать в конце концов? Самый универсальный ответ на детские слезы — мягкая, ласковая насмешка. Наказания за слезы допустимы только тогда, когда вы уверены, что имеете дело с обыкновенным капризом, со злыми, притворными слезами. Конечно, нужно учитывать и возраст детей. И, конечно, в семье со многими детьми нужно создать отношение к слезам как к слабости, допустимой для самых маленьких ребят или в действительно серьезных случаях.

Моя дочь (она перешла в 3-й класс) очень боится арифметики. А дело было так: с первых дней учебы она была отличницей, пока однажды, во втором классе, не случилось так, что она не смогла решить контрольной задачи (мне она объяснила потом, что не поняла условие). С тех пор постоянная боязнь этого предмета не дает ей покоя. Стала пугаться, когда ее вызывают к доске, дома задачи решает только в моем присутствии и поминутно спрашивает: правильно ли?

Как помочь дочери преодолеть боязнь, как научить ее полюбить этот предмет?

М. РЫЛИНА
(Донецкая область Украинской ССР)

Уважаемая тов. Рылина! Судя по Вашему письму, причина неладов и нервозности девочки не столько в самой арифметике, сколько в домашней и школьной обстановке: похоже, что и там и здесь ребенку слишком часто приходится переживать напряжение и страх. В классе, в школе прежде всего от учителя зависит, чтобы способная и старательная девочка почувствовала веру в свои силы и справилась со своим страхом. А дома, конечно, не нужно добиваться от нее только пятерок и заставлять ее заранее переживать неприятности, угрожающие ей.

А нужны ли дополнительные занятия с девочкой? Можно посоветовать вот что:

1. Почаще решайте с ней несложные арифметические задачи, головоломки, шуточные задачи. Материал для них Вы найдете в специальных сборниках для внеклассной работы (их можно попросить в школе, в библиотеке), в детских газетах и журналах. Что даст эта работа? Во-первых, в игре отношение к предмету совсем не такое, как в обязательной учебе. Во-вторых, девочка сможет хотя бы часть материала применять на уроках в школе: это прибавит ей уверенности.

2. Полезной формой работы является составление задач. Пусть девочка почаще сама сочиняет такие же задачи, какие она решала на уроках или дома. Решила задачу — пусть сама придумает похожую и тут же ее сама решит. Если сначала ей это будет трудно, то надо делать так: взять только что решенную задачу, изменить в

ней несколько чисел и попробовать решить с этими измененными числами. Или изменить даже не числа, а действующие лица и предметы (это всего легче).

3. Очень полезно, если уроки по арифметике девочка будет готовить не одна или вместе с Вами, а с кем-нибудь из одноклассников: пусть и задачи сами задают друг другу.

Конечно, начинать эту работу надо с задач в одно действие, потом перейти к более сложным. Точно так же сначала надо изменять условия готовых задач, не меняя количества действий, а потом усложнять готовые задачи и за счет увеличения числа действий. Наконец, полезно бывает учиться ставить вопросы к одной и той же задаче разными словами, например: «Сколько километров от А до В?», «Какой длины путь от А до В?», «Какое расстояние между А и В?» и т. п.

Когда этим заниматься? Есть твердое правило: память надо нагружать перед сном, а мышление — на свежую голову. Значит, эти задачи — и сочинять, и решать — нужно или утром, или днем после «мертвого часа», но не перед сном!

Моя дочь Оля до школы очень любила книжки, с удовольствием слушала, как я ей читала. А сейчас она уже перешла во второй класс, научилась читать сама, но... к книгам охладела: никак я не могу заставить ее читать. В чем дело? Я не понимаю этой перемены. Помогите советом.

М. ИВАНОВА
(г. Химки Московской области)

Уважаемая тов. Иванова! Причины «охлаждения» интереса девочки к чтению могут быть различными:

Во-первых, у ребят, пришедших в школу, появляется много новых обязанностей, которые выполнять надо прежде всего; появляются новые друзья, увлечения, и все это на первых порах может частично вытеснить интерес к книге.

Во-вторых, для первоклассников (и даже второклассников) чтение — еще немалый труд. Они еще недостаточно владеют техникой чтения, с трудом усваивают прочитанное (так легко и интересно было слушать и так трудно читать!), и это также на время уменьшает интерес к книге.

Что же нужно делать?

Продолжайте покупать интересные книжки и читайте их вместе с дочкой. Прочтите ей книжку, побеседуйте о прочитанном, и потом пусть сама понемножку читает, а Вы слушайте. Можно читать и по очереди. Отрывки, которые Вы выберете для девочки, не должны быть слишком длинными; их можно увеличивать постепенно. Хорошо еще вот что: пусть девочка перечитает давно знакомые и любимые ею книжки. Надо только последить, чтобы она именно читала, а не пересказывала книжку по памяти.

Что делать с домашними хулиганами?

Е. МАЛИКОВ,
заместитель редактора газеты
«Забайкальский рабочий»

Рисунки Н. Эстиса

ГОРЕ НАДИ И ГАЛИ

«Пишу с надеждой, что нам помогут, облегчат наше положение. Нас у матери было двое — Валерию едва минуло пять лет, а мне два с половиной, когда моя мать второй раз вышла замуж — за С. Н. Максимова. И вскоре начались ссоры, скандалы, драки. Во время одной пьянки отчим ударил меня ложкой по глазу. Меня увезли в больницу. Глаз вынуждены были удалить. С трех лет приходится носить протез.

Казалось, это должно было образумить родителей. Но ничуть не бывало. Все осталось по-прежнему. Вскоре родился Ванюшка, третий ребенок у мамы. После сильной потасовки она ушла от отчима, но ненадолго. Отчим еще сильнее стал зверствовать и бить нас всех — ни за что ни про что. Ведь мы его слушались и все старались делать по дому. Одиннадцати лет Валерий сбежал к бабушке.

Мать обращалась с жалобами в милицию, в прокуратуру. А отчим продолжал тиранить нас. На свет появились дети — Саша, Толя, Паша, Петя. Чему они могут научиться, слыша в семье матерщину, видя драки да издевательства? Мать убегает из дому, и мы целыми днями сидим голодные. А когда возвращается, опять все начинается сызнова. Помогите мне и моим братишкам.

Галя Соколовская».

«Как живет наша семья, больше уж немоготу. Отец пьянствует и избивает маму и нас. Приходит вечером домой, ногами срывает калитку, двери в дом и начинает... Конечно, если пинать дерево, то оно и останется деревом, а если пинать людей в лицо и

голову? Отец оставил меня каленой на всю жизнь, оторвал от школы.

Недавно я вернулась из больницы и первое, что увидела — он избивал мать, бегал с ружьем и ножом. А врачи при выписке мне советовали: «Будь спокойней, не расстраивайся».

Куда бы мама ни обращалась, помощи не жди. Ведь даже на улице все слышат, как гремит Коновалов. Но все, видимо, глухи. И ты, как от зверя, ищешь, где укрыться. Ну сколько так может продолжаться? Мама еще молодая, ей еще жить да жить, а на кого она похожа? И уже пала духом. И вот я решилась написать, хотя и сама не могу объяснить, как хватило смелости. Ведь он этого не простит...
Надя Коновалова».

Письма школьниц заставили пуститься в дорогу. Выяснилось: все, что написали Галя и Надя, — правда.

Когда заходит речь о подобных фактах, слышишь, особенно от нашего брата — мужчин, что все это не так уж страшно и не столь уж часто встречается. И не надо, дескать, нагнетать мрачные тона и создавать проблему. К великому сожалению, проблема эта существует: пьянствующий муж, избиваемая жена и вконец издерганные дети.

Как ни горько признать, люди, на глазах которых творятся дикости, — соседи, товарищи по работе — стараются оправдать свое невмешательство «теорией»: семья — святое, тонкое дело. Нельзя туда постороннему лезть. Муж и жена — одна сатана. Они помиряются, а ты потом виноват будешь.

Было бы нелепо оспаривать, что семья — действительно нечто святое и весьма тонкое. Вмешательство по всякому поводу в сугубо личные дела

людей, а тем более во взаимоотношения супругов не только не нужно, но и нетерпимо. Но есть случаи, когда нетерпимо и оставаться в стороне.

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ ДОЛГОТЕРПЕНИЮ?..

Почему соседи столько лет мирятся со зверскими выходками Максимова? Почему терпела это общественность четвертого отделения Кеонского совхоза, где живут и работают Максимовы? И чем объяснить долготерпение партийной и профсоюзной организаций Артинского лесопункта Черемховского леспромпхоза, где Коновалов работает мастером? И, наконец, почему в стороне от всех этих дел стоит школа? Почему она не вмешается, решительно не встанет на защиту детей?

У Коновалова, как нам стало ясно, два лица: одно на работе, другое дома. Руководители лесопункта говорят: Коновалов — хороший работник, участвует в общественной жизни. Он председатель местного, депутат сельсовета. Нечего сказать, «общественник». Просто позор! В Артинском лесопункте считают так: был бы только хороший производственник. А то, что у жены синяк на синяке, что дети избиты и измучены, что семья затрав-

лена и доведена до болезней, — это их не касается, это «личное дело».

В школе знали об обстановке в семье Коновалова. Но считали, что это дело партийной организации и что, дескать, школе как-то не с руки вмешиваться. Напрасно! Здесь ее слово должно было прозвучать, и очень веско.

Правда, руководители парторганизации могут сказать: поведение коммуниста Коновалова осуждено и ему вынесено партийное взыскание. Верно. Через много времени решились. А что дальше?

Мы часто говорим и пишем: великая сила общественности, чудотворная сила коллектива. И тут нет преувеличения. Только подчас забываем, что сила эта должна иметь постоянное приложение, а не эпизодическое.

В столь сложном вопросе, как расшатывшиеся моральные устои в семье, разовым кавалерийским наскоком не возьмешь. Дали выговор, считают в Артинском лесопункте, — и все стало на свое место. Справедливости ради отметим, что Коновалов первое время притих. Но изменился ли он? Жена и сейчас просила не задевать его в печати, иначе начнет мстить — и «до смерти изобьет». Нет, требуется большая, может быть многолетняя, тяжелая и мужественная работа, чтобы человека исправить и наставить на путь истинный.

А случается, что она не дает результата? Не будем обманывать себя и признаем: да, случается. Выносят один выговор, второй, третий... Один раз обсуждают на собрании, второй, третий... Клятвенные заверения исправиться следуют одно за другим. Но все остается по-прежнему.

И вот спрашиваешь у руководителей предприятий, общественных организаций: доколе же будет продолжаться ваше долготерпение? Объясняют вроде и убедительно: выгнать человека легче всего, а что дальше, ведь и в другом коллективе тоже будут мучиться, так что уж понесем свой крест до конца.

И все же, думается, предел должен

Эту фразу произнесла в прокуратуре Оловянинского района Д. П. Епифанцева.

Пригласили ее в прокуратуру вместе с мужем в связи с письмом, которое поступило в редакцию «Забайкальского рабочего». В письме рассказывалось, как издается над своей женой завхоз Калангуйского районного объединения «Сельхозтехника» Епифанцев. При проверке факты подтвердились. Но Д. П. Епифанцева попросила не наказывать мужа. Мотив: измучена она, больна, дети на руках, и если мужа лишат свободы, это еще больше надломит ее здоровье...

Такую же фразу не раз произносила работница читинской столовой «Ласточка» В. И. Атаманенко. Сколько приходилось ей сносить побоев и унижений! Но как только доходит до привлечения мужа-хулигана к ответственности, она берет его под защиту. А недавно после очередного дебоша четыре дня лежала дома в тяжелом состоянии. Имела возможность через сынишку позвать на помощь. Но не сделала этого. Даже двери не открывала никому. Работники столовой, догадавшись, что случилось неладное, обратились в милицию. В. И. Атаманенко пришлось срочно отправить в больницу.

А сына ее надо лечить уже у психиатра. Разве не видели в школе, в каком состоянии приходит мальчик, зная, что его мать лежит избитая? Знали здесь давно о положении в семье, но предпочитали обходить этот тонкий вопрос, надеясь, что вмешаются другие инстанции. Весьма странно. А разве школа не та самая «инстанция»? Разве голос ее представителя не мог бы прозвучать в качестве общественного обвинения на суде над «домашним хулиганом»?

Советский закон строг и справедлив. Если женщина, снажем, заявила о том, что подверглась насилию и обещана, преступление считается тяжким. Виновника насилия ждет суровая кара.

Но вот женщина заявила, что подвергается избиениям, физическому и моральному унижению, издевательствам. Слезно просит защиты. Закон нацеливает на виновного свои орудия. Проводится расследование. Факты неопровержимо установлены. Вот уже и назначен суд. И тут очень часто возникает непредвиденное... Та, что взывала о помощи, просит свое заявление обратно, смущенно говоря, что погорячилась, что жаль оставлять детей без отца и нельзя разрушать семью. Ее пытаются убедить, что ведь уже все меры испробованы и сейчас лучше всего прибегнуть к силе закона. Но аргументы не действуют. Она решительно требует заявление назад.

Прокурор или судья чаще всего вынуждены удовлетворить это требование, ибо закон говорит, что такие дела «возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего, и подлежат прекращению в случае примирения его с обвиняемым».

По правилам юриспруденции подобные дела попадают в разряд так называемого частного обвинения. Если перевести на общедоступный язык, это означает, что их частное лицо возбуждает, оно же может их и прекратить, ибо, как явствует из правил, по своему характеру такие дела не затрагивают общественных, государственных интересов.

Правда, по одной из статей уголовного кодекса следует: если пьяница-муж избивает жену и детей систематически, его можно привлечь к ответственности даже вопреки ее желанию. Но часто ли к этой статье прибегают? Да и растяжимо это понятие — систематически.

А весь строй нашей жизни таков, что здесь нельзя не поспорить с юриспруденцией. Приходится вновь повторять общеизвестный тезис: положение женщины, положение в самой семье — вопрос не частный, а общественный, государственный. Видимо, здесь законоположение устарело и пора его пересмотреть. Неотвратимо наказание для того, кто совершил насилие над женщиной. Здесь уже не частное обвинение, а государственное. Неотвратимо должно быть наказание и тому, кто измывается над своей семьей, женой и детьми, наносит ей травмы — физические и психические. Конечно, насильник и хулиган — это не одно и то же. И мера наказания разная. Но хулиганство, даже в его «домашнем» виде, не перестает быть хулиганством, а достоинство женщины должно защищаться столь же строго, как и ее честь. Если хулиган ударил женщину, проходившую по улице, — его наказывают по всей строгости закона. Это право общества, освященное законом. Если хулиган ударил ее дома — ему ничто не грозит. Но ведь штамп в паспорте о регистрации брака не освобождает мужчину от общечеловеческих и гражданских правил и обязанностей! И тут право общества наказать хулигана.

ЖЕНЩИНЫ, НАЙДИТЕ В СЕБЕ МУЖЕСТВО!

Непримиримая, воинствующая позиция общества против «домашних хулиганов» — позиция единственно правильная и, бесспорно, необходимая. Но, думается, она должна сочетаться с такой же позицией тех, кто становится их жертвами. Тогда быстрее будет искоренено зло.

Что заставляет жен все сносить от домашних пьяниц и хулиганов, ми-

быть. Иначе долготерпение приводит к тому, что дебошир еще больше наглеет — от безнаказанности, от уверенности: пожурят, обсудят, объявят выговор, а с него как с гуся вода... А тем временем происходят иногда и роковые финалы: терпит, долго терпит жена физические и моральные унижения, все ждет, что мужа наконец-то «воспитают», да и накладывает на себя руки... А когда у Гали выбит глаз, когда Надя в больнице — разве это не сигнал для крайних мер?

Каких же? Все усилия не дали желаемого эффекта, и тогда прибегнуть к милиции, прокуратуре, увольнению с выселением (по суду) из квартиры, лишению свободы и т. п.

Как это ни печально, ни прискорбно, но все же лучше, чем раны на сердце у Гали и Нади.

ряться даже с увечьями — своими и своих детей? Боязнь потерять мужа, кормильца, так сказать, опору и защиту. Женщина по природе своей более тесно привязывается к человеку, с которым создала семью. А если этой семьи по существу уже нет? Есть только потерявший нормальный облик человек, с которым приходится мыкать горе под одной крышей, — что тогда?

Слов нет, все это не так просто. И можно понять женщину, понять ее стремление любой ценой, во что бы то ни стало сохранить семью, сохранить отца для своих детей. Но при всем при этом, безусловно, она не должна терять своей женской гордости и достоинства. И главное — пожалеть детей.

Мне вспоминается одна недавняя встреча в самолете, летевшем из Иркутска в Читу. Рядом со мной сидела средних лет женщина. Она беспокоилась, есть ли вечером поезд в Могойтуй. Я в свою очередь полюбопытствовал, откуда она. Оказалось, из Куйбышева. Какова цель столь далекого путешествия? В отпуск к мужу. Он в армии? Нет, чабан в колхозе.

Женщина поняла, что я в недоумении. И рассказала: муж пьянствовал, бузотерил дома, избивал ее и детей. Все меры, вплоть до милиции, принимала, все испробовала, но больше не могла — подала в суд, его осудили на высылку на пять лет.

— Небось, сейчас жалеете?

— Его жалею. И люблю. Иначе бы не поехала в такую даль. Но что круто поступила — не жалею.

— Как это понять?

— Председатель колхоза пишет, что мужик в деле исправный, в выпивке ни разу не замечен. И зарабатывает неплохо. На обратный путь обещал денег дать... Я уже второй раз к нему еду. Для него, городского, конечно, там трудно: с непривычки в степи, работа тяжелей и вдали от семьи. Но ничего, дурь-то вышибло, — сказала она с грустной улыбкой.

Думается, когда все меры испробованы, женщина должна опереться на силу закона и поставить мужа-хулигана на место. Это она делает во имя себя и детей, ибо нельзя жизнь превращать в мучение, нельзя налечить детей. Это она делает и во имя сохра-

нения семьи. Нашла же в себе такое мужество та женщина из Куйбышева! Кстати, возвращаясь из отпуска, она позвонила мне с вокзала и сказала, что окончательно убедилась: муж исправился, и решила хлопотать о его досрочном возвращении домой.

К тому же женщина, попавшая в беду, не останется без поддержки. У нее самой есть руки, и она будет трудиться.

Конечно, мы далеки от мысли считать панацеей от всех семейных несчастий разрыв и обращение к прокурору. Это уже крайняя мера. Это — когда нет другого выхода. Но мы возвышаем голос против того, чтобы женщина, жена и мать чувствовала свою безысходность в беде и добровольно обрекала себя на горькую участь человека с поправленными правами и достоинством. Обреченная на горькую участь и своих детей. Мы возвышаем свой голос во имя того, чтобы школа, учителя были в этих случаях грозной общественной силой, не оставившейся и тогда, когда надо пустить в ход оружие закона.

г. Чита

МЛАДШИЙ ШКОЛЬНИК

(Начало на 14-й странице)

родителями и учителями, так и в отношениях со сверстниками.

Своим источником чувство взрослости может иметь разные причины. Например, оно может зависеть от того, какова доля участия ребенка в жизни семьи, разделяет ли он на равных правах со взрослыми заботу о домашних делах, о благополучии семьи. Здесь очень ценной бывает дружба между взрослыми и детьми, которые в этих условиях взрослеют чаще всего без конфликтов и срывов.

Взрослость у других детей может проявляться, напротив, в отделении от старших, в стремлении как-то оградить некоторые сферы своей жизни от вмешательства взрослых. Ребенок хочет получить право самостоятельно что-то делать, решать, самому отвечать за себя. Такое начало взрослости обычно сопровождается требованием, чтобы окружающие перестали относиться к нему как к ребенку, как к маленькому, которому многого еще нельзя доверять, нельзя полагаться на него.

В отношениях со сверстниками

взрослость ребят может начать проявляться, например, в том, что у них формируются собственные взгляды, свои оценки окружающего, самостоятельная линия поведения, которая может и не приниматься ни взрослыми, ни товарищами.

Яркое проявление всех этих качеств формирующейся личности будет относиться в основном к подростковому возрасту.

Здесь же, в 10—11 лет, чувство взрослости лишь начинает возникать. Но именно потому, что это — начало, к нему нужно относиться особенно ответственно. Чтобы этот период прошел безболезненно, необходим большой такт в отношениях взрослых к детям, необходимо уважение к ним уже как к личностям. И учителю, и родителям в таких случаях надо перестроить свое отношение к ребенку, найти ту меру новых прав и требований, которые здесь необходимы. Ребенок должен получить нужный ему простор и свободу для собственной инициативы. Дело взрослых — не подавлять эту инициативу, а уметь руководить детьми, действительно помогать им — без мелочной опеки.

В заключение — еще несколько слов об учебной работе ребят. Занятия в школе — первая постоянная, всесторонняя проверка их возмож-

ностей и способностей. Но что такое способности? Когда складываются они?

Исследования психологов приносят все больше и больше фактических доказательств того, что складываются они очень рано, может быть при самых первых столкновениях ребенка с теми или другими явлениями и областями знаний, может быть при самых первых поисках способов работы с тем или другим материалом. А ведь как раз младший школьный возраст — начало многих начал. В это время ребенку впервые открываются законы, управляющие миром слова, миром чисел и математических отношений, он получает первые систематизированные знания о природе и обществе. И от того, как ему будет раскрыта та или другая область человеческого знания, получит ли он с самого начала верное представление о природе тех вещей, с которыми он начинает иметь дело, сложатся ли у него правильные способы работы с ними — от всего этого во многом будет зависеть его будущее — и в учении, и в выборе жизненного пути, и в будущей взрослой деятельности. И семья, и школа должны дать всем возможностям ребенка действительно проявиться, из возможностей стать реальными качествами богато и всесторонне развитой личности.

О ПОДАРКАХ

И. БЛИНКОВ,
кандидат педагогических наук

Ребенок всегда радуется, если ему что-нибудь подарили. Хороший подарок развивает детские интересы. Но нужно хорошо знать ребенка, учесть его возраст, индивидуальные особенности, чтобы выбрать подходящий подарок. То, что осчастливит одного, может оставить безучастным другого. Когда второкласснику подарили лошадь-качалку, он огорчился: «Я же не маленький!»

Четверокласснице подарили дорогую готовальню, и она тоже ничуть не обрадовалась.

«Я думала, дядя Боря принесет мне резиновую шапочку для плавания, какую он купил своей Свете. А готовальня мне пока не нужна».

Трехлетнего обрадует мяч, песочные формы, игрушечный трактор — возить за собой на веревочке. Пятилетнему больше понравится самосвал, который можно будет загружать. А девочке — комплект посуды для кухни и столовой.

Одна мать жаловалась мне:

— Подумайте, Валюшке девять лет, а она все в куклы играет. А тут еще тетя Лиза ей куклу подарила.

Чего же огорчаться? Интерес к кукле может сохраниться и до 10—12 лет, и ничего плохого в этом нет.

Однако растущему ребенку все более нужны не только игрушки, но и вещи для учебы и домашних занятий: портфель, альбом для марок, компас, магнит, аквариум, шахматы, увеличительное стекло. Надо хорошо знать, чем увлекается ребенок. Тому, кто любит музыку, можно подарить музыкальный инструмент; любителю рисовать — краски, мольберт; книголюбу — ценную книгу или собрание сочинений; спортсмену — принадлежности для настольного тенниса или бадминтона.

Но может быть и иначе.

— Мы своему Артему книг не дарим, — рассказал мне один отец. — Его и так от книг не отор-

вешь. А вот, знаете, как-то подарили мы ему бинокль. Мальчик заинтересовался, но куда и как применить его? Тут как раз ребята затеяли во дворе военную игру. Как же без бинокля? И Артем хоть немного стал от книг отрываться. А в прошлом году, к его пятилетию, мы ему настоящий футбольный мяч подарили. Так удалось сделать его досуг более разнообразным.

Вполне согласен с отцом: хорошо, когда подарок укрепляет какой-либо детский интерес. Но иногда еще более ценно, что он отвлекает от одностороннего увлечения, пробуждает другие интересы.

Удачно выбранный подарок нередко кладет начало новому большому интересу. Десятилетней школьнице подарили глобус. Она увлеклась «путешествиями» по земному шару, потом начала интересоваться жизнью разных стран, рассказами об открытии новых земель. География стала ее любимым предметом.

В день рождения ребенку порой сразу приваливает множество подарков, и это, естественно, вызывает у него сильное возбуждение, он не может спокойно спать. Конечно, можно понять желание каждого взрослого преподнести свой подарок. Но, видимо, в пользование ими разумнее включать ребенка постепенно.

Такой подход приучает его глубже осваивать каждую новую игрушку, лучше ценить ее.

К сожалению, иные родители, дедушки и бабушки дарят ребятам игрушки без всякого чувства меры. У таких малышей ничто уже не может вызвать восторга. Сделать подарок — хорошо, а вот задаривать — совсем не на пользу детям. При чрезмерном обилии игр и игрушек дети, не успевая «вжиться» в одну, берутся за другую, одно впечатление быстро вытесняется другим. Поначалу им интересно все, но скоро теряется интерес ко все-

Особо ценны подарки, побуждающие более старших детей уже к серьезной творческой, трудовой деятельности: разные типы конструкторов, наборы инструментов, пособия по техническому моделированию, комплекты принадлежностей для вышивания и вязания.

Если вы дарите книгу, нужно выбрать именно ту, которая в данный момент наиболее интересна и полезна для ребенка. Можно посоветоваться с работником библиотеки или книжного магазина, поинтересоваться рецензиями. В надписи на книге обычно выражают пожелание, напутствие. Можно использовать и подходящий к случаю афоризм, взятый из произведения выдающегося писателя, философа, ученого.

Говоря о подарках детям, хочется предостеречь родителей от некоторых ошибок. Иногда взрослый легко обещает подарок, но потом не сдерживает слова. Удивительно ли, что он теряет авторитет и доверие у детей? Лучше совсем не говорить о предстоящем подарке, пусть он будет радостным сюрпризом.

И другое. Не следует превращать подарки в некую форму оплаты за хорошие отметки, добрые поступки. Важно, чтобы ребенок научился видеть за подарком искреннее доброе чувство взрослых. Это вызовет у него желание делать что-то хорошее, приятное старшим. Плох ребенок, который считает, что ему дарить обязаны все, а он — никому не должен. С огорчением отмечаешь, что сами взрослые нередко укрепляют в детях такой взгляд. Спрашиваю как-то у восьмилетнего соседа:

— В воскресенье у твоего папы день рождения. Что же ты ему подарить, Гриня?

— А разве он маленький?

Разумно ли внушать детям такое «правило»? Оно закрепляет у детей эгоизм, невнимательное отношение к старшим. Нет, ребенок должен познать не только удовольствие от подарка, но и радость дарения другим! Хорошо, если подарок ребенка будет сделан его же руками. Если малыш нарисует картинку или раскрасит закладку для книг — это более дорогой подарок, чем тот, что куплен на папины деньги. Школьник может смастерить рамку для фотографии, коробочку для ниток, вышить салфетку, а старшие ребята — сделать и более существенные вещи. Взрослые могут подсказать им замысел, даже вступить в «тайный сговор», помочь нужными материалами, советом. Но пусть это будет прежде всего делом самих детей.

НАША МОЛОДАЯ СЕМЬЯ

Станислав СКАШЕВСКИЙ,
конструктор

Я спускаюсь по лестнице из нашего конструкторского отдела. Внизу, на втором этаже — цеховая столовая. Сейчас время обеда подростков из технического училища — они проходят производственную практику на нашем заводе.

На лестнице стоят трое ребят. Одежды в простые добротные костюмы. Курят. Из столовой вышел пожилой грузчик, везя за собой тележку с тремя ящиками консервов. «Ребята, помогите, пожалуйста, спустить тележку по лестнице», — обратился он к ним. Никто не шелохнулся. Один, долговазый, ухмыльнувшись, нагло ответил: «Ничего, папаша, как-нибудь один доволонешь». Второй охотно поддержал друга: «Ты бери по одному ящичку, и будет полный порядок». Все глупо засмеялись. Третий, видимо, самый младший, счел своим долгом добавить: «Давай, старина, работай, а мы уже наработались, хватит!»

Я даже растерялся. Не верилось, что на моих глазах, ничуть не стесняясь, мальчишки так грубо оскорбили пожилого человека. «Как вам не стыдно!» — возмутился я. — Человек вам в отцы годится. А вы не только помочь ему не хотите, но и разговариваете как последние хулиганы!»

Долговязый в ответ презрительно усмехнулся, за ним усмехнулись его друзья. Бросив друг другу что-то вроде «еще один дурак нашелся!», независимо прошествовали в столовую.

Мы с грузчиком спустили вниз тележку. «Спасибо», — сказал он и вздох-

нул. — Ну и молодежь нынче пошла! Мне хотелось сказать, что далеко не все такие, извиниться за них, но нужные слова не находились. Настроение упало, было стыдно перед старым рабочим за этих ребят.

И опять (в который раз!) подумал о сыне. Сын! Я счастлив, что у меня есть сын. Но уже сейчас страшусь: а не вырастет ли он таким же, как эти трое? Конечно, я понимаю, их нельзя считать какими-то законченными хулиганами, они еще в таком возрасте, который называют «переходным». И все же не могу простить ни им, ни тем более их родителям.

Я не верю, что есть отцы, которым не хочется воспитать своего ребенка честным, смелым, умным, культурным — одним словом, настоящим человеком. Но как уберечь детей от дурного влияния? Как привить им любовь к труду, к знаниям и, главное, к людям? Эти вопросы волнуют меня, хотя сынишке всего лишь третий год. Но, пожалуй, думать над ними нужно с самого рождения ребенка.

В поисках ответа я часто обращаюсь к собственному детству: ищу в нем то хорошее, что благотворно влияло на меня, разбираю свои детские проступки, вспоминаю наши ребячьи мечты.

Мое сознательное детство — когда память приобретает способность на всю жизнь запечатлеть события — началось с момента войны. День 22 июня сорок первого года запомнился мне солнечным и непонятно тревожным. Все были взволнованы, суровы. Говорили, что началась война, а я в свои шесть лет вряд ли по настоящему понимал, что это такое. В первый же день на фронт ушел живший у нас дядя Леня, и я на всю жизнь запомнил прикосновение его колючей щеки и немного грустные, но твердые слова: «Расти, племянник, слушайся отца».

Мы трое — отец, я и маленькая сестренка — жили в деревне. Отец работал лесничим. Мать умерла в тридцать седьмом. Вместе со сверстниками я играл в войну и гонял в ночное лошадей. Зимой голодали, а летом было получше: нас, ребят, кормил лес. Помню, к нам в деревню приехал с фронта в отпуск прославленный летчик Герой Советского Союза Леонид Чесноков. Мы гурьбой ходили за ним, восхищенно разглядывали грудь, всю украшенную орденами, и мечтали стать такими же героями. Страшно завидовали Шурне Катаеву — племяннику летчика. Шутка ли, иметь такого дядю!

Кто и как воспитывал меня? Конечно, школа, трудовые люди, отец и природа. Да, природа в немалой степени помогла формировать моему характеру. Увлекательные поездки с отцом по лесничеству, щебетание птиц в дымных сумерках заката и

пьянящие зори рассвета, шишкинские боры и зеленые поляны — все это будило во мне что-то большое и доброе, увлекало романтикой дальних странствий. Я твердо убежден: человек, любящий природу, не может быть черствым, эгоистичным, пошлым.

Отец всегда был для меня авторитетом. Не могу сказать, что он человек идеальный, лишенный каких бы то ни было недостатков, но я любил и люблю его — за его доброту, за то, что никакие трудности не помешали ему воспитать нас, дать нам необходимое образование. Именно его поучительные рассказы и предостережения удерживали меня от дурных поступков, помогли правильно понять жизнь.

Мы с женой часто разговариваем о сыне и мечтаем о его будущем. Думаем, как лучше его воспитывать, когда начинать учить счету, азбуке, как привить ему навыки трудолюбия и усидчивости. По возможности слушаем передачи для родителей, читаем статьи педагогов, советы врачей и просто прислушиваемся к голосу более опытных родителей. Но я все больше убеждаюсь — нет абсолютно готовых рецептов воспитания. Слишком много индивидуальных особенностей у каждого ребенка. Да и мы сами, родители, разные, и часто со многими недостатками. Но одно дело, если, зная их, ты примирился с ними, и совсем другое — если объявил им беспощадную борьбу. Ее требуют дети, само дело воспитания.

В нашей семье в основном царят «дружба да любовь». Впрочем, нельзя сказать, что наши отношения без сучка и задоринки: я горяч, а жена зря не уступит. Дело еще осложняется житейскими трудностями. Все годы, как мы поженились, жена моя учится, а сейчас учусь и я. Вначале, когда родился сын, мы жили в маленькой неблагоустроенной комнате у матери жены. С работы я летел домой — стирать пеленки и купать своего маленького человечка. В нашем конструкторском отделе меня даже в шутку прозвали «кормящим отцом», но я не обижался, а, пожалуй, даже гордился прозвищем. Иногда я очень уставал, но тогда вспоминал отца, который один вырастил нас, двоих детей, без матери. «Ему было во много раз трудней!» — думал я.

У нас с женой есть хорошее правило: после ссоры мы долго беседуем, спокойно обсуждаем, кто все же был прав, и не стесняемся извиниться друг перед другом, чтобы, как говорится, «намотать на ус» и в дальнейшем не повторять подобного. И вот что для меня удивительно: чем дольше мы живем, тем любовь наша становится крепче.

Сын растет. Каждый день он задает свои «четыреста вопросов», как под-

считали ученые, и день ото дня — все более трудные. Своей жизнью и развитием он ставит перед отцом все новые проблемы. Раньше, например, увлекался многими видами спорта, я никак не мог заставить себя регулярно делать гимнастику по утрам. А сейчас пятый месяц занимаюсь гантельной гимнастикой. Ведь скоро придется приучать сына к тому же. Но буду ли я иметь право требовать от него, если сам не показываю примера?

Я думаю, что роль отца в воспитании трудно переоценить. Как правило, в семьях, где отец старается быть для детей не только родителем, но истинным другом и товарищем, ребята вырастают настоящими людьми. У меня есть хороший знакомый Владимир Федорович Угланов — прекрасный конструктор и прекрасный отец. Свободное от работы время он обычно проводит с сыном. Летом в воскресные дни вместе с сыном и племянником часто отправляется на рыбалку, и десятилетние ребята в восторге от таких поездок. Какому городскому мальчишке не интересно провести ночь у костра, улавливать таинственный шепот деревьев, услышать далекий устрашающий крик совы, побороть страхи перед ночными призраками, когда в каждой тени, в каждом шорохе чудятся образы сказочных чудовищ, почувствовать убаюкивающее дыхание волн и полной грудью вдохнуть непередаваемо чистый воздух природы? А днем — незабываемое ожидание клева, ловля стреноз, кузнечиков, бабочек и купание, купание без конца. И как радостно ребятам, что рядом с ними родной, сильный, взрослый человек, которому, как и им, все интересно, у которого можно спросить обо всем на свете. Осенью Владимира Федоровича часто встретить в лесу, и обязательно вместе с сыном, а зимой они каждое воскресенье ходят на лыжах.

Мне кажется, любовь к природе нужно обязательно прививать детям с самого раннего детства. Она облагораживает подрастающего человека, делает его добрее, гуманнее, пробуждает мечты о лазурных далах и неизведанных дорогах, зовет к познанию всего многообразия жизни. Любовь человека к природе кажется естественным, природным чувством. И тем не менее в городской семье может вырасти ребенок, который не любит природу, боится небольших трудностей, неизбежных, скажем, при ночевке в лесу или на берегу реки: комаров, жесткой постели, иногда ночного холода, дождя. А ведь ребенку, особенно мальчику, просто необходимо с самого детства прививать такие важные черты характера, как стойкость, смелость, выносливость.

Воспитывая детей, мы неизбежно воспитываем самих себя. Поэтому не-

редко трудно сказать, для кого важнее наша родительская забота: для детей или для нас самих? Пока человек живет, идет и процесс его воспитания — как необходимое условие и как естественное следствие его непрекращающегося развития. Но важно самому овладеть этим процессом, сознательно стремиться направлять свое развитие по правильному руслу. И в этом нам помогают дети. Они как бы постоянно спрашивают нас: каков ты, наш отец? Можешь ли ты быть примером нам?

Самое печальное, когда родители привыкают отделять себя от своих детей. Я знаю родителей, неплохих производителей, уважаемых людей в коллективе, которые любят природу и умеют активно отдыхать. Но вот взять с собой семилетнего сынишку — извините! Как же, а вдруг он утонет или его укусит клещ, да мало ли что может случиться! Конечно, с какими-то опасностями сталкиваешься при выезде на лоно природы. Но разве от нас самих не зависит свести их к минимуму? Гораздо опаснее оставлять летом ребенка на попечение какой-нибудь бабушки. Целыми днями он будет бегать с ребятами по улице, заниматься тем, что взбредет ему в голову. Так рождается ребячья «вольница» с ее мелкими шалостями, с «невинными» кражами и со все разрастающейся грубостью к старшим.

Я не педагог, и родительский опыт у меня небольшой. Но я могу с уверенностью сказать: плохие дети в большинстве вырастают у безответственных родителей. До сих пор у нас бытует взгляд, что семья — это сугубо личное дело, совсем как у англичан: «Мой дом — моя крепость». А иной раз под кровом такой «крепости» творятся, я бы сказал, прямо преступные дела: муж пьет, бьет жену и детей, матерится. Коллектив же, где работает такой «артист», зачастую снисходительно взирает на его действия, полагая, что это «чисто семейное дело».

Не подумайте, что я выступаю в роли завязатого трезвенника. У нас достаточно праздников, семейных торжеств, когда люди встречаются за столом в культурной дружественной обстановке. Тут и выпить не грех, но, конечно, в меру. Однажды к нам пришел соседский мальчик Вадик поиграть с нашим сыном. Мы с женой были на кухне, как вдруг что-то заставило нас насторожиться. Вот какой мы услышали разговор: «У тебя есть папа?» — спросил мой сынишка. «Есть, только он все время пьет», — грустно ответил Вадик. «А у меня папа не пьет», — с гордостью, как мне показалось, произнес наш трехлетний сын. Не знаю, насколько понимал Арик это страшное слово — «пьет». Но я запомню его слова на всю жизнь,

как первую, пусть еще не полностью осознанную благодарность отцу от сына.

С самого начала, как мы поженились, все семейные вопросы у нас решаются сообща и в духе доброго согласия. После рождения сына, как только он начал немного понимать, мы стали все решать троим. Принципы решения: уважение к каждому мнению и метод убеждения, если не согласен с большинством. Именно на основе этих принципов наш трехлетний сын убедил нас не продавать мотоцикл с коляской. Увидев фотографию, где он сядет на мотоцикле за рулем, сынишка с такой радостью бегал с ней по комнате и мечтал, как мы все трое поедем в лес, что нам ничего не оставалось, как изменить свое решение. Я-то, признаться, в душе давно был согласен с сыном, а тут и материнское сердце дрогнуло. Правда, сейчас у меня прибавилось забот. Раз мы будем выезжать с ночевкой на лоно природы, нужно срочно покупать палатку и надувной матрац — мальючка любит комфорт. Но без забот нет и настоящих радостей.

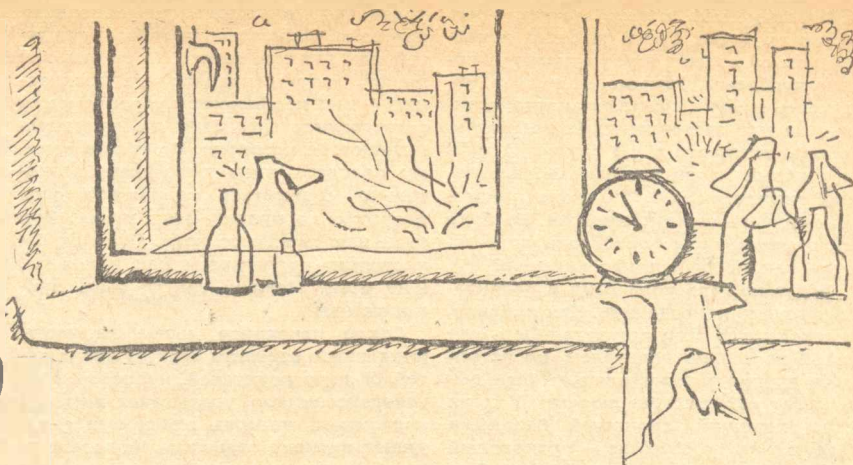

РАЗВЕ МОЖНО БЫЛО ПРОДАТЬ МОТОЦИКЛ? ..

Голос нашего сына мы, конечно, считаем пока совещательным. Но с годами он обязательно станет и решающим. Такой порядок будет дисциплинировать всех нас, в то же время заставит сына рано понять, что не все так легко и просто в жизни.

г. Пермь

НЕ СТАЛ БАБУШ- КИ

Р а с с к а з

Бабушка умерла. В квартире снова натерли полы, затопанные в день похорон, в бабушкиной комнате настежь отворили окно. Бабушка уже не лежала на диване, и в раскрытое окно вместе с холодным воздухом залетали серые снежинки.

Из комнаты пахло как из старого сундука. Здесь застоялся запах старости и болезни — им пахли обои в желтых цветочках, ядовито-зеленый диван, на котором умерла бабушка, старинный пронафталиненный шкаф, запыленные флаконы из-под лекарств на подоконнике и даже выцветший бабушкин портрет на стене, на котором она была снята молодой, в фате с флердоранжем. На портрете у бабушки было совсем другое лицо — маленькое, властное, и глаза ее строго сияли.

На подоконнике рядом с флаконами еще лежала бабушкина гребенка со сломанными зубцами, с запутавшимися в ней облачком голубовато-седых волос.

Считалось, что бабушка помешалась от старости и это бесконечное расчесывание жидких седых волос тоже являлось частью ее помешательства.

В небольшой современной квартире в Хорошево-Мневниках жила одна большая семья. Студент второго курса химического института жил в одной комнате с шестилетней сестрой, и сестра часто получала от брата незаслуженные тумаки, так как мешала ему жить той жизнью, какой ему хотелось.

Поэтому основное время девочка проводила на тесной кухне между газовой плитой и холодильником или в дверях бабушкиной комнаты.

Девочка останавливалась на пороге и молча смотрела, как на зеленом диване, на смятых простынях, в ночной, сползающей с веснушчатых старых плеч сорочке сидит ее бабушка и медленно расчесывает волосы.

Старуха почти всегда бывала одна.

— Иди сюда, Женечка, иди, любимица, — заметив внуку, слабо, с надеждой шептала она.

Девочка входила и останавливалась подальше от бабушки. Была она смуглая, крепкая, в синей шерстяной кофточке и красных ботинках, с румяными щеками и спокойными карими глазами. Старуха тянула

к ней дрожащую руку, чтобы погладить ее, но девочка молча отодвигалась. Рука старухи беспомощно падала.

— Возьми, возьми, Женечка, — бормотала тогда старуха и протягивала девочке жестяную коробку с пуговицами, или альбом с пожелтевшими фотографиями, или мешочек с бархатными и шелковыми лоскутками от прежних бабушкиных нарядов.

Девочка сразу с готовностью усаживалась на край дивана и с молчаливым любопытством рассматривала эти старческие реликвии.

Иногда старуха дотягивалась до внучки и гладила ее по темным, коротким волосам трясущейся рукой.

— Погладь меня, Женечка, — просила старуха.

Девочка молча гладила ее по холодной, пергаментной руке. Иногда они вместе рассматривали пухлый, растрепанный альбом с фотографиями, где словно пасьянс была разложена старухина жизнь. Бабушка везде была снята с детьми. Бабушка с ребенком на руках, бабушка, склонившаяся к коляске, бабушка в окружении детей. Дети были на каждом снимке. Дети сидели, обнимая огромную вислоухую собаку, дети ловили рыбу, дети купались в море, дети стояли у елки с зажженными свечами. Кроме детей, были еще снимки седоусого сурового старика в канотье, этот же старик в солдатской форме с георгиевским крестом на груди — бабушкин муж.

— Это кто? — часто спрашивала девочка. — А это кто?

И, угадывая, весело смеялась.

— Бабушка, а ты умрешь? — однажды спросила ее внучка.

— Умру, — помолчав, сказала старуха.

Девочка смотрела на нее с любопытством.

— А я тоже умру? — спросила она.

— Умрешь, — усмехнулась старуха. — Когда вырастешь... такая, как я.

— Женя, ты опять здесь? — входя в комнату, с возмущением говорила Женина мать, невестка старухи. Это была рыжеволосая, бледная, худая женщина.

— Зачем ты мешаешь бабушке? — спрашивала мать девочку.

— Я не мешаю, — отвечала девочка.

— Зачем вы ее пугаете? — недовольно поворачивалась к бабушке Женина мать.

— Она меня не пугает, — убежденно объясняла девочка. — Я такая никогда не вырасту.

Старуха прикрывала глаз, словно птица, и молчала.

Иногда старуху навещал внук, студент второго курса. Это был высокий парень с непомерно длинными ногами. В комнате бабушки ему было тесно, он все время за что-то задевал и что-то ронял, вспыхивал от этого и смущался, и угрюмо молчал. От него пахло крепким юношеским потом, на щеках у него розовели прыщи, при взгляде на него сразу возникала мысль о волейбольной площадке или о дорожке стадиона.

Но старуха, глядя на внука, думала о другом.

Ей теперь казалось, что детей ее и внуков ожидают какие-то несчастья и стихийные бедствия. В старости материнский инстинкт ее обернулся почти манией, и она раздражала родственников своими нелепыми страхами и предостережениями.

— Куда ты идешь, Боренька? — тревожно спрашивала она. Глаза ее были устремлены на внука с мрачной тоской.

— Ну чего ты, бабушка? — морщился внук. — В институт я иду. У нас сегодня волейбольный матч. Ничего со мной не случится.

— Я беспокоюсь, — говорила старуха.

Посидев еще немного и смущенно оправив у старухи одеяло, внук с грохотом отодвигал стул и уходил, обязательно что-нибудь уронив по дороге или больно стукнувшись о косяк шкафа плечом.

Старуха долго глядела ему вслед в раскрытую дверь.

— Боря пришел? — через некоторое время спрашивала она невестку.

— Нет еще, — отвечала та. — Скоро придет.

— Я беспокоюсь, — говорила старуха.

— Да не беспокойтесь, пожалуйста, — с привычной усталостью раздражалась невестка. — Мальчик задержался на вечере. Ничего не случилось. Все живы-здоровы. Накаряете вы на нас беду.

— А я беспокоюсь, — твердила свое старуха. — Но никто со мной не считается...

Каждый вечер, отдохнув после работы, к ней заглядывал ее сын, хозяин дома.

— Ну-с, как дела? — стоя в дверях, уже облаченный в домашнюю пижаму, преувеличенно бодро спрашивал он.

— Ты дома, — отвечала старуха. — Значит, хорошо.

— Вот и отлично, — заговорщицки потирая ладони, говорил сын. — Ну-ка, посмотрим, что я тебе такое принес...

И с видом фокусника он клал перед старухой шоколадку или яблоко.

Он давно уже разговаривал с матерью тем фальшиво-бодрым, заигрывающим тоном, каким многие люди обычно разговаривают с детьми. Тон этот обижал и раздражал старуху.

— Спасибо, — говорила старуха и закрывала глаза.

Сын смущенно и ласково гладил ее по седым волосам и уходил. За дверью он останавливался на минуту и прислушивался. В комнате было тихо. С лица его сходило наигранно-веселое выражение и ложилось выражение привычной, терпеливой озабоченности. Было видно, что он огорчен и устал и что ему жалко мать. Прошло то время, когда к старухе привозили профессоров и пытались ее лечить. Потому что профессора давно определили, что болезнь старухи — старость. А с этой болезнью люди не научились бороться.

Весь вечер до старухи долетали из-за двери приглушенные разговоры и смех, шуршание газет или четкие телевизионные голоса.

Она уже не могла надеть мягкие тапочки на свои старые, разбухшие ноги и выйти посидеть к телевизору, не могла днем отдыхать во дворе на вынесенном для нее к подъезду стуле, подставляя солнышку свое бескровное лицо, не могла уехать в Ленинград навестить свою дочь, чтобы там — надменно и властно — учить ее жизни, не могла в дни семейных торжеств в шуршащем черном платье сидеть за столом, зорко, словно капитан корабля, делая смотр выставленным на столе блюдам с едой, приготовленным ее искусными руками... Она уже почти ничего не могла.

Границы жизни отодвинулись от нее и обозначились теперь лишь этими четырьмя стенами в желтых, пропахших ДДТ обоях, девочкой в красных ботинках и неотступными думами о нелепых несчастьях, грозящих ее близким.

Иногда на старуху нападали приступы сердитой тоски. Тогда она отказывалась от еды, жаловалась, что всем мешает и надоела, обвиняла близких, что они хотят ее смерти, порывалась встать и уехать куда-то.

Все в доме ходили подавленные.

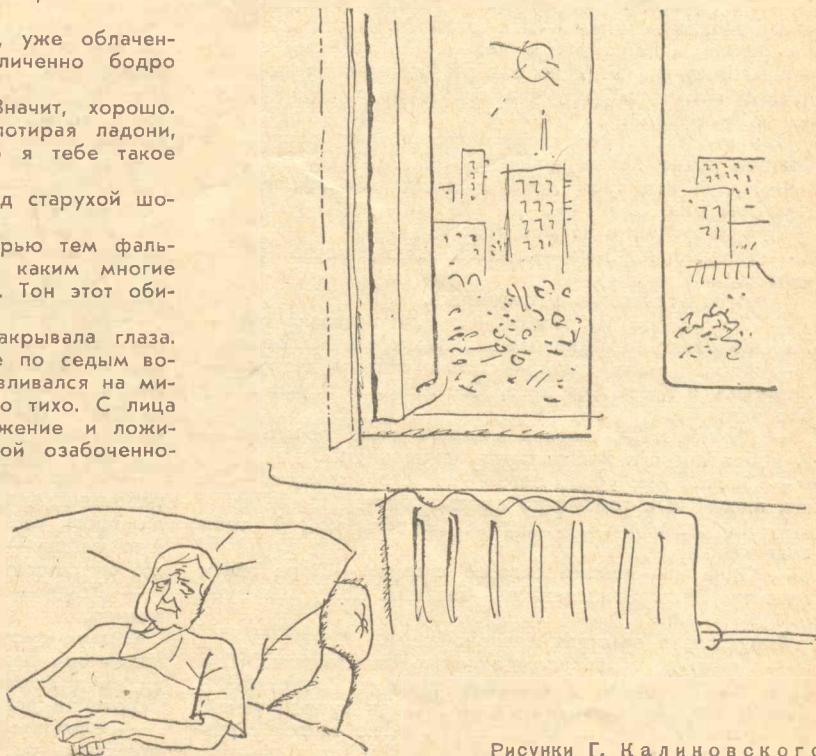
— Боже мой! — говорила Женина мать. — Что же делать? Где взять сил, чтобы это вынести? Я с ума сойду.

— Надо терпеть, — говорил бабушкин сын. — Еще неизвестно, что с нами будет в ее годы...

Так проходили старухины дни. И никто не в силах был ничего изменить.

Два раза в году приезжала из экспедиции старшая внучка бабушки Галя. Галя была геофизиком и кочевала по стране. Была она шумная и веселая и все переворачивала в доме вверх дном. Из экспедиций привозила подарки: отцу — соломенные лапти из мордовской деревни, сестре — образцы камней, бабушке — домотканый платок.

Отлежавшись в белой ванне и смыв дорожную пыль, она врвалась в комнату бабушки.

Рисунки Г. Калиновского

— Здравствуй, бабусянька! — кричала она. — Вот и я! Старуха смотрела на нее с детской радостью.

— Приехала, детка, — говорила она.

Галя была первой внучкой бабушки и выросла у нее на руках.

— Соскучилась я без тебя, бабка моя дорогая, чудесная, — говорила Галя и зарывалась молодым лицом в холодные морщинистые руки старухи.

— Ну как ты здесь без меня? — спрашивала Галя. — А знаешь, бабуся, — улыбалась она. — Ты у нас самый известный человек в группе. Недавно начальник группы сказал мне: «Галина Степановна, когда вы, наконец, познакомите меня с вашей знаменитой бабушкой? Я хочу посмотреть на бабушку, которая готовит пирог из сорока слов рыбы...»

На бледном лице старухи вспыхивали два розовых пятна. Смущенная и довольная улыбка трогала ее губы.

— Так познакомить тебя? — тормошила ее и смеялась Галя. — Пусть он увидит, какая ты у нас молодчина да красавица...

— Что ты, что ты, Галюшка, — слабо отмахивалась старуха. — Куда уж мне теперь? Только людей пугать...

Прощаясь с бабушкой, Галя плакала.

— Я буду скучать без тебя, бабуся, — говорила она. И, припав щекой к холодному старческому лицу, шептала: — Держи нос выше! Будешь, бабушка?

— Буду, — грустно отвечала старуха. — Я буду тебя ждать. Приезжай скорее, детка!

— Приеду, — вытерев заплаканные веселые глаза, в дверях говорила Галя.

Старуха с печалью смотрела на белую захлопнувшуюся дверь. Розовые пятна на ее щеках гасли.

Однажды старуху пришла навестить ее школьная подруга — тоже старушка, но бойкая, сухонькая, в аккуратно отглаженном черном платье с серым капроновым воротничком.

— Ты знаешь, я откуда? — весело затараторила она, войдя в комнату. — Я с юга... Помнишь, мы вместе бывали в Евпатории с детьми? Теперь сын отправил меня туда же. Ты не смотри, что мне под восемьдесят... Врачи говорят, что все дело в характере — вот я и бегую...

Она уселась около старухино дивана, сложив на коленях сухие белые кулачки.

— Ну, а как твои дела, Надежда Тимофеевна? — спросила она.

Старуха подняла на нее глаза.

— Умираю я, Зина, — сказала она просто и печально.

Подруга испугалась и смутилась.

— Что ты, что ты, Надек, — суетливо сказала она. — Ты еще всех нас переживешь... Ты у нас молодцом.

— Адриан меня зовет, — строго сказала старуха. — Зажилась я здесь без него. Сколько лет я уже живу без него?

— Пятнадцать, — сказала подруга тоже печально. — А я без Виталия Васильевича одиннадцать...

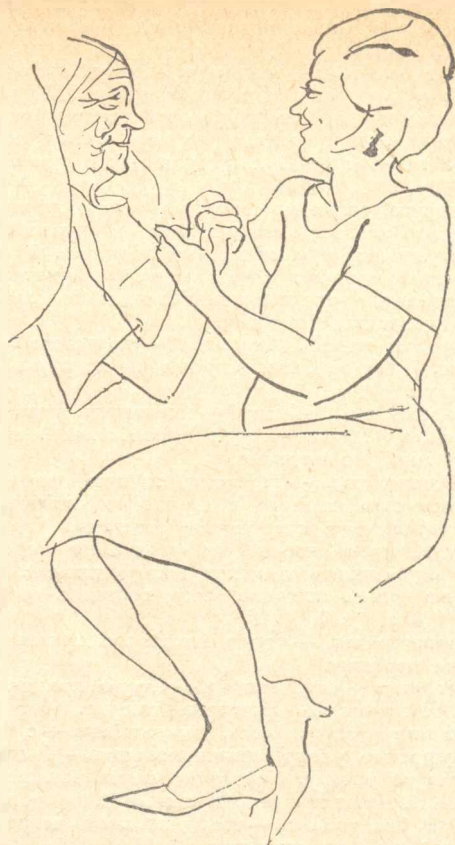
— Плохо мне без него, — сказала старуха. — Ох как плохо! И с годами не легче...

— Не гнечи бога, Надежда Тимофеевна... У тебя ведь семья.

— Одна я, — жестко сказала старуха. — Пора нам к мужьям, Зина. Зажились мы без них. Кому мы нужны?

Вдруг глаза ее стали беспокойными.

— Пойди узнай, почему задержался Степушка? (Это был хозяин дома.) Он всегда приходит вовремя. Я боюсь, что случилось несчастье. Пойди скорей узнай. Да пусть от меня не скрывают. Они не смеют скрывать.

Лицо старухи приобрело нетерпеливое и капризное выражение. Подруга поспешно вышла из комнаты.

— Ну, видели? — спросила ее в столовой хозяйка дома. Сегодня она была усталой и серой. — Замучила она нас.

— А какая была женщина... — вздохнув, сказала подруга. — Ужасная вещь — старость.

— Грешно так говорить, — сказала хозяйка дома. — Но у меня нет больше сил. Ведь она замучила не только нас, но и себя. Она уже пожила на свете.

— Да-да, — сказала старая подруга и засуетилась, собираясь домой.

— Вы должны меня понять, — сказала хозяйка дома. — Мы ее любим. Мы все для нее делаем. У нее все чисто. Я ее кормлю, мою... И яблоки, витамины... Но подумайте — я пять лет не могу выйти по вечерам из дому. Не могу же я оставить больного человека на детей?

Губы у хозяйки дома дрожали.

— А сколько бессонных ночей? А ведь я все время работала. А Степан Адрианович... От сколького ему пришлось отказываться. Ему предлагали такую интересную работу — с выездом на три года. Но не может же он оставить мать...

— Да-да, — пробормотала гостья. — Вы правы... Я помню.

Она не смотрела хозяйке дома в глаза. В передней, когда она надевала резиновые ботинки, худенькие руки ее дрожали.

Хозяйка дома улыбнулась ей тепло:

— Заходите к нам. Проводывайте ее. Она вам будет очень рада.

— Обязательно, — сказала гостья. Она торопливо просталась. — Я обязательно приду.

Но пришла она уже на похороны.

Бабушка умерла сразу, неожиданно, утром. Женина мать пошла на кухню налить ей чашку чаю, а когда вернулась, бабушка уже была мертвая.

Похороны прошли тихо, никто не плакал, но на всех лицах лежало подобающее подобному случаю грустное выражение. Женина мать тихонько утешала своего мужа, бабушкиного сына. Внук-студент еще более упорно молчал, не заговаривал с домашними, еще чаще смущался по любому поводу. По его лицу никак нельзя было понять, горюет он о смерти бабушки или нет. Девочка тоже была молчалива и смотрела на всех с задумчивым любопытством.

Когда бабушку повезли на кладбище, в гробу было столько цветов, сколько полагалось, и все находили, что в гробу бабушка выглядит лучше, чем в жизни.

С кладбища все вернулись домой на поминки. По дороге домой возник спор, правильный ли это обычай — поминки. Большинство говорило, что правильный, потому что, промерзнув на кладбище, приятно было вернуться в теплый дом, выпить вина и помянуть добрым словом покойного человека.

На стол были поданы любимые бабушкины блины с красной икрой, твердый мраморный холодец, горячая курица с рисом и кисель из варенья. Родственники старались, чтобы были сготовлены все любимые бабушкины блюда.

Все вспоминали время, когда бабушка еще была здорова, и какой у нее был светлый ум и твердый характер, и как она объединяла всю семью.

Зачитали телеграмму от Гали, которая была так далеко, что не сумела приехать проститься с бабушкой. «Сердцем я с вами», — писала Галя.

Потом гости стоя, не чокаясь, за то, чтобы земля была бабушке пухом.

— Отмучилась, — говорили про бабушку.

— Вот и нет у тебя бабушки, — сказала одна гостья девочке. — Жалко тебе бабушку?

Девочка сердито надулась и ничего не ответила.

— Дети не понимают, — сказала другая гостья.

Девочка отвернулась.

У другого конца стола средняя дочь бабушки, приехавшая из Ленинграда, поджав бледные губы, говорила своей соседке, что, по ее мнению, не все было сделано для бабушки. За бабушкой можно было добрее ухаживать и лучше ее лечить. Она искренне забыла, что когда ее попросили приютить у себя хоть на время больную бабушку, она отказалась.

Постепенно гости начали вести себя все более шумно. Вот уже зазвенели рюмки, щеки у всех покраснелись, и за столом стали произноситься тосты за детей бабушки, за их благополучное существование и удачи.

А потом про бабушку и вовсе забыли, и поминки превратились в обычный вечер с вином и оживленными разговорами.

Так закончился этот день. И наступило утро, когда бабушки уже не было. И хотя бабушка замучила всех своей старостью и болезнью, теперь, когда она умерла, все, проходя мимо ее опустевшей комнаты, почему-то стыдливо опускали глаза.

Чисто вымытая, убранная и проветренная комната несколько дней стояла пустой. Никто не заговаривал о переезде туда внука-студента.

Заново натертые полы ярко блестели, тяжелый и душный запах болезни был выветрен из квартиры. Впервые Женина мать могла спать спокойно, не поднимаясь среди ночи, чтобы посмотреть, дышит ли старуха.

Постепенно непонятное ощущение стыда ослабело,

и все вздохнули с облегчением. Внук, наконец, переехал в бабушкину комнату. На круглом столе здесь появились магнитофон «Днепр-11», мотки разноцветной проволоки, оранжевые коробки с пленками, тюбики с клеем БФ. На стены внук повесил любимые репродукции картин Пикассо и фотографию скульптуры «Памятник Хиросиме».

Только бабкин портрет внук долго не решался снять. И властное, маленькое бабушкино лицо еще долго с неудовольствием взидало на перемены, произошедшие в комнате.

Но вот был снят и портрет. Под ним на желтых обоях оказался светлый квадрат, который студент заклеил красочной афишей о выступлении его любимых молодых поэтов.

Старую одежду бабушки давно унесли, раздали дворничихам или продали в комиссионном магазине, письма разорвали, флаконы выбросили.

Больше ничего не осталось от бабушки — ни одного предмета, говорящего о ее столь долгом пребывании на земле.

Казалось, с ее смертью ничего не изменилось в жизни семьи, только забот стало меньше.

Никто не знал, что старуха унесла с собой в могилу часть прошлого каждого из них.

Старший бабушкин сын, худой, остроносый, всем недовольный человек в очках, бухгалтер — давно забыл о своем детстве.

Старуха, глядя на него, всегда вспоминала его жизнерадостным, добрым и справедливым мальчиком, радующимся наступлению каждого нового утра.

Жена его, невестка старухи, теперь была увядшей и раздражительной женщиной, эгоистичной и обиженной на всех. Старуха помнила ее молодой и счастливой, по-молодому жесткой в своих взглядах на жизнь, но доброй к другим, с радостно раскрытыми на мир ласковыми глазами.

Старуха помнила их молодость и их любовь. Она помнила это даже лучше их самих, потому что эта память уже давно стала формой ее существования.

Старуха умерла, и никто не знал, что вместе с нею умер жизнерадостный и добрый мальчик и умерло его детство с золотыми и зелеными, пахнущими медом днями; детство, которое старуха помнила по дням и часам. И умерла искренняя, вспыхивающая от каждой несправедливости рыжеволосая девушка с радостными глазами, и вторично умер старухин муж, суровый, седушный человек в канотье, и умерла их любовь, долголетняя, пронесенная через всю жизнь, через все войны и революции, которые выпали на их век.

Но никто не знал об этом.

О старухе больше почти никогда не говорили.

И только маленькая девочка останавливалась иногда в дверях комнаты брата-студента и долго смотрела своими загадочными детскими глазами на опустевший бабушкин зеленый диван, на котором теперь, словно чужонные, были тяжело брошены две боксерские перчатки.

Однажды бабушкин сын зачем-то рылся в ящиках бывшего старухиногo комода. На дне одного из ящиков он нашел старую гребенку со сломанными зубцами, в которых запуталось облачко голубовато-седых волос.

Кто-то сунул сюда эту гребенку.

Он взглянул на гребенку и неожиданно судорожно всхлипнул. Впалые щеки его задрожали, и он тяжело зарыдал, прижавшись лицом к ящику комода и оцарапав лоб.

Но это плакал не старый, усталый, всем недовольный человек. Это в последний раз плакал тот добрый и справедливый мальчик.

Заглянем в завтрашний день

Н. ТАЛЫЗИНА,
кандидат педагогических наук

Представьте себе, уважаемый читатель, что вы идете по Ленинскому проспекту Москвы и вдруг на одном из зданий замечаете вывеску: «Дом педагогического просвещения Октябрьского района». Заходите внутрь и невольно с удивлением осматриваетесь. Вам кажется, что вы попали в детский универсам — столько тут разных детских вещей. Но, присмотревшись внимательно, вы видите, что это образцы детской одежды, детской мебели. Вы находитесь в отделе детской гигиены Дома педагогического просвещения. Здесь вы можете не только получить исчерпывающую консультацию о том, какая одежда и какая мебель наиболее удобны для ребенка, но и посмотреть образцы. Больше того, понравившиеся из них вы в определенные дни недели можете даже заказать. Здесь вам охотно расскажут, как предохранить ребенка от заболева-

ний, какой должен быть режим дня, как закалять малыша.

Но пройдем дальше. Мы в отделе педагогики и психологии. У сотрудников этого отдела много работы. Сегодня они побывали у нескольких молодых матерей, которые только что вернулись из роддома. Матери даже и не подозревали, что с первых дней жизни младенца надо заботиться не только о том, чтобы он ел, спал, дышал свежим воздухом, но и духовно воспитывать его. Женщины были крайне удивлены, узнав, что с грудными малышами надо систематически разговаривать. Но теперь они поняли, как это важно, особенно для развития речи ребенка.

А вечером после работы многие родители сами зайдут сюда за советом: одних интересует, что можно читать трехлетнему малышу, других — в какие игры с ним играть, третьих — как развивать у детей музыкальные способности. Консультации нередко превращаются в обмен опытом воспитания, а иногда

и острую дискуссию. Конечно, не скольким штатным сотрудникам такая работа была бы не под силу, если бы не многочисленные общественники: учителя-пенсионеры, родительский актив, педагоги школ, воспитатели детских дошкольных учреждений.

С некоторыми семьями работа ведется в течение нескольких лет. И удивительного в этом ничего нет. Вы хорошо знаете, как трудно лечиваются запущенные болезни тела. А ведь врачевать запущенность нравственную во много раз трудней.

В семье Овсянниковых тринадцатилетний Витя совсем отбилсь от рук и даже пытался бежать из дому. Мать плачет, не знает, что делать. Надо было подробно проанализировать жизнь семьи, отношения, сложившиеся между родителями и сыном, чтобы понять причину непослушания Вити. Оказывается, родители не учли особенностей подросткового возраста, не сумели перестроить свои отношения с сыном. Он ростом уже выше матери, а она все еще обращается с ним, как с пятилетним. Вот мальчик и взбунтовался. Он считает себя уже большим, а от родителей только и слышит: «Не лезь не в свое дело, еще мал».

Мать с отцом обсуждали, какой телевизор лучше купить. Ну и Витя захотел, конечно, принять участие в этом разговоре. А отец оборвал его: «Когда станешь зарабатывать деньги, тогда и будешь сам выбирать, что купить. А пока что сиди учи уроки и не вмешивайся не в свои дела».

А летом у Овсянниковых совсем безобразный случай произошел. Они всей семьей отдыхали в Ялте. Мать решила, что Витя должен ходить в коротких штанишках — и не жарко, и ноги загорят. А он — ни в какую. Мать наговорила ему грубостей: «Подумаешь, жених нашлся. Сопли еще не научился как следует вытирать, а туда же, во взрослые лезет». Дело кончилось тем, что мать заперла его брюки в чемодан и ушла вместе с отцом, сказав на прощание: «Не хочешь идти в коротких штанах — сиди дома». Но он не стал сидеть дома, а после безуспешных попыток открыть чемодан взломал его, взял брюки и пропал на больше суток. И вот так день за днем у мальчика накапливалось озлобление, росла обида. И теперь наладить нормальные отношения в семье, вернуть прежнюю привязанность сына к родителям не так-то просто.

Куда проще избежать ошибок. Но для этого надо знать душу ребенка, надо уметь расти вместе с ним,

Печатается в порядке обсуждения.

**ШКОЛА
ОБЩЕСТВЕННОСТИ**

В разделе: ♦ Как в Пензе увлекли мальчишек романтикой
♦ Учитель! Как много значит это слово! ♦ Дом педагогического просвещения ... Что это такое?

надо знать особенности каждого детского возраста.

В большинстве семей необходимость этого хорошо понимают, и матери и отцы охотно посещают занятия в районном Доме педагогического просвещения. Здесь они изучают детскую гигиену, психологию, педагогику семейного воспитания. Эти три дисциплины не случайно включены в учебный план.

Детская гигиена знакомит родителей с особенностями физического развития детей, с основными детскими заболеваниями, с профилактикой их. Родители знакомятся с гигиеническими требованиями, предъявляемыми к одежде, мебели, питанию, отдыху ребенка.

Курс психологии раскрывает перед родителями законы формирования характера ребенка. Они узнают, как надо учить ребенка думать, говорить, развивать его чувства, способности. Знакомятся родители и с психическими особенностями, присущими разным возрастам детства.

Педагогика семейного воспитания научит родителей правильно строить взаимоотношения в семье, поможет им овладеть методами трудового, нравственного, умственного, эстетического и физического воспитания. Родители узнают, как организовывать досуг ребенка, как поощрять и наказывать детей. Получают они и многие другие сведения, необходимые для воспитания детей. Лекции сопровождаются кинофильмами.

Но мы еще не обо всем вам рассказали. Здесь, в Доме педагогического просвещения, матери могут заниматься в кружке кройки и шитья, на курсах кулинарии. Есть тут и библиотека педагогической литературы. До организации районного Дома педагогического просвещения не так-то легко было родителям найти нужную литературу по воспитанию детей. А теперь к их услугам картотека, выставка книжных новинок, рекомендательные списки, а главное — все необходимые книги.

В Доме педагогического просвещения ведется постоянная работа с членами родительских комитетов района, с классными руководителями, с воспитателями дошкольных учреждений, с родительскими активом при домоуправлениях. Организуются лекции, проводятся обмен опытом работы, диспуты, семинары. Весь этот большой актив и дает возможность Дому педагогического просвещения доходить до каждой семьи, живущей в районе.

Дом педагогического просвещения — это центр, который организует систематическую помощь семьям в воспитании детей, координирует всю работу с родителями в районе.

Но, дорогой читатель, не ищите этот Дом на Ленинском проспекте, его там еще нет.

Нигде нет пока таких Домов педагогического просвещения, но думаем, что они должны быть созданы в каждом городе, в каждом районе. Без создания сети постоянно действующих Домов педагогического просвещения педагогическое всеобщее образование не достигнет желаемых результатов.

Все, что связан с пропагандой педагогических знаний, хорошо понимают, что чтение лекций — только начало помощи семье. И это самое простое и самое легкое дело. Если ограничить всеобщее только этим, то практически в семьях изменится не многое. Эффективность пропаганды педагогических знаний определяется не количеством прочитанных лекций, не числом слушателей, а количеством семей, где эти знания превращаются в жизнь, приносят свои результаты в воспитании ребенка.

Практика же воспитания настолько сложна и разнообразна, что применение педагогических знаний обязательно будет сопряжено со многими трудностями. И вот помочь родителям разобраться в этих трудностях, преодолеть их — кропотливый и серьезный труд, требующий длительной связи с семьей, больших знаний в области педагогики и психологии, жизненного опыта.

Если вдуматься в идею всеобщего педагогического образования, то покажется странным, что до сих пор этого нет. Как можно мириться с педагогической неграмотностью родителей! Почему мы доверяем такое важное и трудное дело, как формирование личности нового человека, людям, совершенно не знакомым с особенностями физического и психического развития детей?

Передо мной письмо молодой матери. Она старший инженер. На заводе она чувствует себя уверенно, пользуется авторитетом. Но вот перед дочкой, которой всего один месяц, у нее полная растерянность. Она не знает, что надо раньше делать: купать ребенка или кормить его, можно ли давать девочке пустышку, нужно ли брать дочь на руки. И совсем уж эта мать не знает, что надо делать для духовного развития ребенка. И винить ее нельзя: ни в школе, ни в вузе ее этому не учили. Не получила она нужных знаний и в период вынашивания ребенка. И вот молодая мать действует по советам соседок или по здравому смыслу. И так в миллионах семей. А почему?

Причин тут, нам кажется, несколько. Во-первых, сила традиции — так было всегда. Во-вторых, до последнего времени считали, что семья,

воспитание детей — это личное дело, вмешиваться в него никто не имеет права. Наконец, немалое значение имел и общий культурный уровень населения.

Сейчас из перечисленных причин сохранилась только одна: сила традиции. Остальные потеряли свое значение. Повышение общеобразовательного и культурного уровня населения, сокращение продолжительности рабочего дня, а в ближайшем будущем переход на пятидневную неделю создают реальные условия для того, чтобы значительно улучшить организацию педагогического просвещения родителей. Мешает этому только сила традиции. Но и она уже расшатана общественностью. Сейчас многие понимают, что вслепую воспитывать детей нельзя. Но, к сожалению, большинство родителей сознают это слишком поздно, когда налицо трудности, ошибки.

Мы не предлагаем немедленно издать государственный декрет и открыть по всей стране Дома педагогического просвещения. Мы понимаем всю трудность реализации этой идеи. В настоящее время это целесообразно делать в порядке опыта в отдельных районах или даже микрорайонах. Особенно благоприятны условия для этого там, где есть педагогические училища, пединституты, университеты, которые могут обеспечить Дом педагогического просвещения квалифицированными консультантами.

Думаем, что Дом педагогического просвещения в свою очередь окажет большую помощь этим учебным заведениям, став базой для подготовки будущих учителей к работе с родителями. Ведь с первых дней работы в школе учитель будет иметь дело не только с учениками, но и с родителями. И вузы, готовящие учителей, обязаны учить студентов работать с семьями. Дома педагогического просвещения создадут для этого превосходные условия.

Ведать Домами педагогического просвещения могут районные или городские отделы народного образования.

Что касается штатов и средств на содержание Дома педагогического просвещения, то этот вопрос в каждом конкретном случае будет решаться по-разному.

Мы уверены, что найдутся энтузиасты, которые возьмутся за это дело и приблизят время, когда Дома педагогического просвещения будут таким же обычным явлением, как юридические и женские консультации, как детские поликлиники. Нужда в них большая.

А ваше мнение?

Рисунки А. Сысоева

СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ

О черк

Захар ДИЧАРОВ

**СЕРГЕЙ ХОДОРОВ —
УЧИТЕЛЬ, РЫБАК И ФИЛОСОФ**

В то лето я побывал в Южном Приладжье.

Поздно ночью сел в поезд местного сообщения, высадился на крупной узловой станции, час подремал на вокзале, а потом попутный колхозный грузовичок подбросил меня к Селищу.

Рассвет застал меня на берегу реки.

Утро вставало, словно выкованное из серебра, тихое, спокойное.

Хромой перевозчик Иван Емельяныч переправлял меня на другую сторону и, пока лодка резала мутноватые волны, рассказывал о своих рыбацких делах:

— Лов нынче не сказать чтобы очень хороший. Рыба есть. Есть. А на перемет не идет. Вот старый учитель у нас на этот счет удачливый. Знаете его? Он все с женой, с Натальей Александровной, рыбалит — у тех дело идет... Да никак он и сам на берегу...

Возле лодки с широкой нормой, уже вытащенной на песок, хлопотал высокий худощавый человек в синей носоворотке. Я узнал в нем местного учителя и краеведа Сергея Платоновича Ходорова. Приметив нас, он выпрямился, сощурил близорукие глаза, потом узнал меня и воскликнул вместо приветствия:

— Благодарь-то какая!.. — И, пожмая мне руку, нараспев продекламировал:

Мой край задумчивый и нежный.
Нудрявый сумрак за рекой
Руною машет белоснежной...
Хорошо ведь, а?

Было не ясно, к чему относятся его последние слова — к этому радостному утру или к стихам Есенина, вероятно — к тому и другому, но я заметил шутливо:

— В поэзию ударились?

Ходоров тряхнул стриженной головой.

— Как сказал некий философ, не каждый поэт рыбак, но каждый ры-

бак — немножко поэт. А вот не хотите ли?.. — Он склонился над лодкой, на дне которой что-то плескалось и ворочалось, и достал оттуда солидного сига с большой туповатой головой, встряхнул в воздухе и забросил на плечо. — Канов?.. Вы к нам надолго? На неделю? Ну, значит, пошли ко мне чай пить. Сейчас нам Наталья Александровна этого сига разделает по всем правилам... И остановитесь у нас.

Квартира Ходоровых сверкала чистотой и уютом. Повсюду лежали книги, газеты, старые ученические тетради. Я пил чай с домашним илубличным вареньем и слушал неторопливую речь Сергея Платоновича.

— Вот я каждый год в летние каникулы уезжаю куда-нибудь хоть ненадолго. Много повидал за свою жизнь, а все кажется — красивей наших мест нет нигде!

Вышла из кухни Наталья Александровна, чем-то похожая на мужа — такая же высокая, сухощавая. Только

глаза у них совсем разные: у Сергея Платоновича — светло-голубые, несколько суровые, а у жены его — темные, лучащиеся теплом и чуть грустные. Она поставила на стол сковородку. По комнате разнесся вкусный запах жареной рыбы. Легкими шагами Наталья Александровна сновала около стола, неслышно ступала по скрипучим половицам и, словно бы невзначай, бросала в сторону мужа короткие словечки:

— Бродяга он, бродяжка!.. Уж я знаю. Как последний экзамен примет да подсчет проведет — так и вон из дому. Уж я знаю. Это я домоседка, а он — нет. Нет...

Ходоров согласно кивнул головой и подтвердил:

— Правду говорит. Но я ее всегда спрашиваю — как же мне, Наталья Александровна, ребяташкам о Родине нашей рассказывать, если я ее только по книжкам и картам знать буду?..

— Как же другие учителя, ведь нигде же не цыганят, из дому не бегают, а учат не хуже тебя?

Сергей Платонович поднял лицо от тарелки и решительно отрезал:

— Нет, хуже!.. И ты об этом, Наталья, знаешь. Представьте себе учителя географии, есть у нас такой — из года в год учит ребят по книжке, нелюбознателен и равнодушен ко всему. Ни к чему не стремится, живой жизни избегает, скукой от него разит. Учит он серо, казенно, и мне понятно, почему его ученики к географии равнодушны. Да разве так можно?.. — Он пытливо заглянул мне в лицо и, не ожидая ответа, убежденно продолжал: — На чем же и воспитывать у школьника любовь к родной земле, как не на географии?.. Каждый год я стараюсь побывать в новых для меня местах, пусть недалеко, далеко ехать не по средствам: заверну в знаменитый колхоз, похожу по музеям, взгляну на новостройку, на завод, с новыми людьми познакомлюсь, поговорю — и приезжаю домой как с ярмарки: на рубль купил да на сто нагладился!

Минуты две за столом царил молчание. Сергей Платонович медленно скручивал из махорки толстенную сигарку. Закурив, он благодушно произнес:

— Вот этим «ярмарочным» богатством я и живу весь год. Книга книгой, это основа, а я к книжному-то каждый раз немного своего добавляю, рассказываю о том, что сам видел и слышал: во сто раз убедительней получается!.. Наталья Александровна меня за мои путешествия журит, так ведь она и права! Нелегко мне от себя деньги для этого дела оторвать. А откуда их еще взять?.. Почему Министрство просвещения не догадается устраивать для учителей экскурсии? Знаю, вы скажете: бывают экскурсии.

А сколько?.. Ерунда! Напля в море! Дело это необходимейшее, и на него средства нужно отыскать, и не один я так думаю.

Он поднялся и взглянул на часы:

— Ну, мне пора! — Быстро переоделся и, уходя, сказал мне: — Наталья Александровна вам постелит, ложитесь отдыхать... Еще наговоримся.

ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ

Лежа на неуклюжем, но обширном и крепко сработанном диване, я с любопытством осматривал небольшую комнату, в которой находился. Она имела, видимо, несколько назначений. Это была и спальня Сергея Платоновича, и его рабочий кабинет — в углу притулился письменный стол, по стенам тянулись полки с книгами, и мастерская — в другом углу стоял столярный верстак и маленький токарный станок: видно, хозяин любил работать по дереву. От всего этого в комнате, насытой прокуренной крепкой махоркой, было тесно, но как-то необыкновенно уютно.

На стенах висели портреты писателей, несколько этюдов акварелью, сделанных по-любительски, изображение Прижевальского, видимо вырезанное из журнала. Внимание мое особенно привлекли пять портретов, висевших рядом. Присмотревшись к ним, я понял, что по крайней мере четыре из них принадлежат одной семье.

Крайний слева изображал молодого человека в форме студента прошлого столетия. Длинные темные волосы ниспадали на высокий шишковатый лоб. На верхней губе пробивались усики, а в выражении светлых глаз так и чувствовалась какая-то приподнятость, восторженность. Рядом — портрет глубокого старика. Грива седых волос и длинная белая борода напоминали Стасова. Выражение лица было добрым и задумчивым.

В третьем портрете было нетрудно узнать самого хозяина комнаты, когда ему было лет на десять-пятнадцать меньше, чем теперь. На нем был пиджак и неизменная косоворотка. Рядом с ним я увидел изображение Натальи Александровны в юности. Впрочем, в самом конце этой маленькой портретной галереи на меня смотрела еще одна Наталья Александровна, такая же юная, как и первая, только у той на голове уложены косы, а у этой — волосы подстрижены и завиты; на платье приколот комсомольский значок. Я догадался, что это дочь Ходоровых, Лида.

— Еду перемены посмотреть, не хотите ли со мной прогуляться? — спросил перед вечером Сергей Платонович.

Быстро собрались и пошли. В лодке я сел за весла, и мы, медленно

продвигаясь против течения, поплыли к чуть видневшемуся мыску; там на быстрой воде учитель ставил свои снасти. За мыском еще светилась теплая зеленая полоса, растворявшаяся в темной голубизне неба, а над рекой уже заискрились первые звезды. Разлитый в прозрачном воздухе холодок заставлял ежиться и грести быстрее. Говорить не хотелось, и мы долго молчали.

— Как отдыхали? — спросил Сергей Платонович, когда мы, проверив перемены и сняв с них двух сивов и нескольких окуней, спускались вниз по реке, к селу.

— Смотрел вашу портретную галерею и гадал о ее персонажах...

Ходоров усмехнулся.

— А-а... Род Терновских: Наталья Александровна, два предка ее и потомок наш... Четыре поколения учителей.

Четыре поколения учителей! Я попытался уловить в словах Сергея Платоновича важность или гордость, но они были сказаны просто.

— Молодой студентик, что слева висит, — это прадед Лидушкин. А Наталья Александровна — дед. Николай Терновский... В гнусное время жил. Впрочем, сами подсчитайте: родился он в 1836 году, за три месяца до гибели Пушкина — значит, вся его молодость прошла под гром барабанов на николаевских плацпарадах. Учился на юридическом факультете Петербургского университета; думал, наверно, истину утверждать, не вышло. Когда оставалось ему до окончания курса полгода, за участие в студенческих беспорядках был вместе с братом своим, Федором, брошен в Петропавловскую крепость, а потом в Кронштадтскую. Вот так, видите, теорию юридическую получил в университете, а практику — в каземате. Из каземата его, что-то через десять месяцев, выпустили, а на факультет больше не пустили. Что ему оставалось? Поступил в реальное училище помощником классного наставника, а самого его до самой смерти полиция опекала. Состоял под надзором...

— Учитель поневоле, — вслух подумал я.

— Сначала да, поневоле, а потом полюбил это дело. И сыну эту любовь передал. И сын его пошел по этому пути сам и невзирая ни на что... После тестя моего, Александра Николаевича, остался дневник, если любопытствуете, могу показать. Интересно старик писал.

Под носом лодки зашуршала галька. Мы пристали к берегу.

Глубокая ночь стояла над Селищем. Гостеприимные хозяева давно уже спали, а я все еще сидел над пожелтевшими страницами старой тетради, и за каждой строчкой вставала большая, полная самоотречения жизнь седобородого человека с добрым задум-

За страницами дневника мне видится то далекое время...

Наступает зима. Вечерами бескрайняя холодная темнота охватывает спящее село, и только в окне учителя долго не гаснет свет. Потрескивает фитиль в лампе, возьмется тараканы за потускневшими обоями. Где-то тявкает собака... Можно с ума сойти от

Отец Евстифей отказался венчать их: ему казалось странным и подо-

Минуют годы. К Александру Николаевичу приходят уже дети тех, кого он когда-то встречал на пороге шко-

лы. И нет среди них никого, кто бы, научившись писать пропись «Честно живи ты свой век, сердцем, умом и душою русский ты будь человек», не научились бы так же думать и чувствовать.

Октябрьская революция...

Он встречает ее восторженно: это и есть то, ради чего он всю свою жизнь трудился в глухой деревне!

Но что это?.. Почему последние страницы тетради исписаны таким дрожащим, неуверенным почерком?.. Неужели... Да, слепота. Он слепнет под конец жизни, но и слепой не расстается со своим дневником. Пишет по специальному транспаранту и, чувствуя, что жить ему остается немного, торопится досказать то, что лежит на душе.

Я перевернул последнюю страницу дневника. Темнота за окнами посветлела, и сельские петухи, старательно отбывая должность, пропели в третий раз. Спать не хотелось. Большая жизнь каким-то своим краем прошла сейчас передо мной.

ИДУТ ГОДЫ...

Приехал я в Селище на неделю, но живу здесь уже без малого две. Сергей Платонович ушел в сельский клуб читать доклад о минеральных богатствах здешнего района, а я керотаю

вечер с Натальей Александровной. Мы сидим в садочке перед учительским домом.

— Замечательным человеком был ваш отец! — говорю я Наталье Александровне.

— Отец? — переспрашивает она и задумчиво отвечает: — Да, память в народе о нем осталась. Это — самое дорогое... Дневник, что вы читали, — это только малая часть его жизни. Он с бумагой делился, пока чувствовал, что один, а вокруг пусто. А революция пришла — он так ушел в нее, что записывать было некогда; только и жил ею...

Уперши свое слегка заостренное лицо в ладонь и, видимо по привычке, изредка кивая головой в такт словам, она немногословно рассказывает об Александре Николаевиче. И становится явственным то, чего нет в дневнике.

Наталья Александровна была ребенком, когда над Россией прогремела первая революция. Она была подростком, когда власть перешла в руки рабочих и крестьян.

Жизнь отца и деда послужила для нее примером, и она еще в детстве твердо решила стать учителем. Закончив трудовую школу, поступила на учительские курсы. Вернулась в родную деревню в тяжелом 1919 году и сделалась помощником отца в школе.

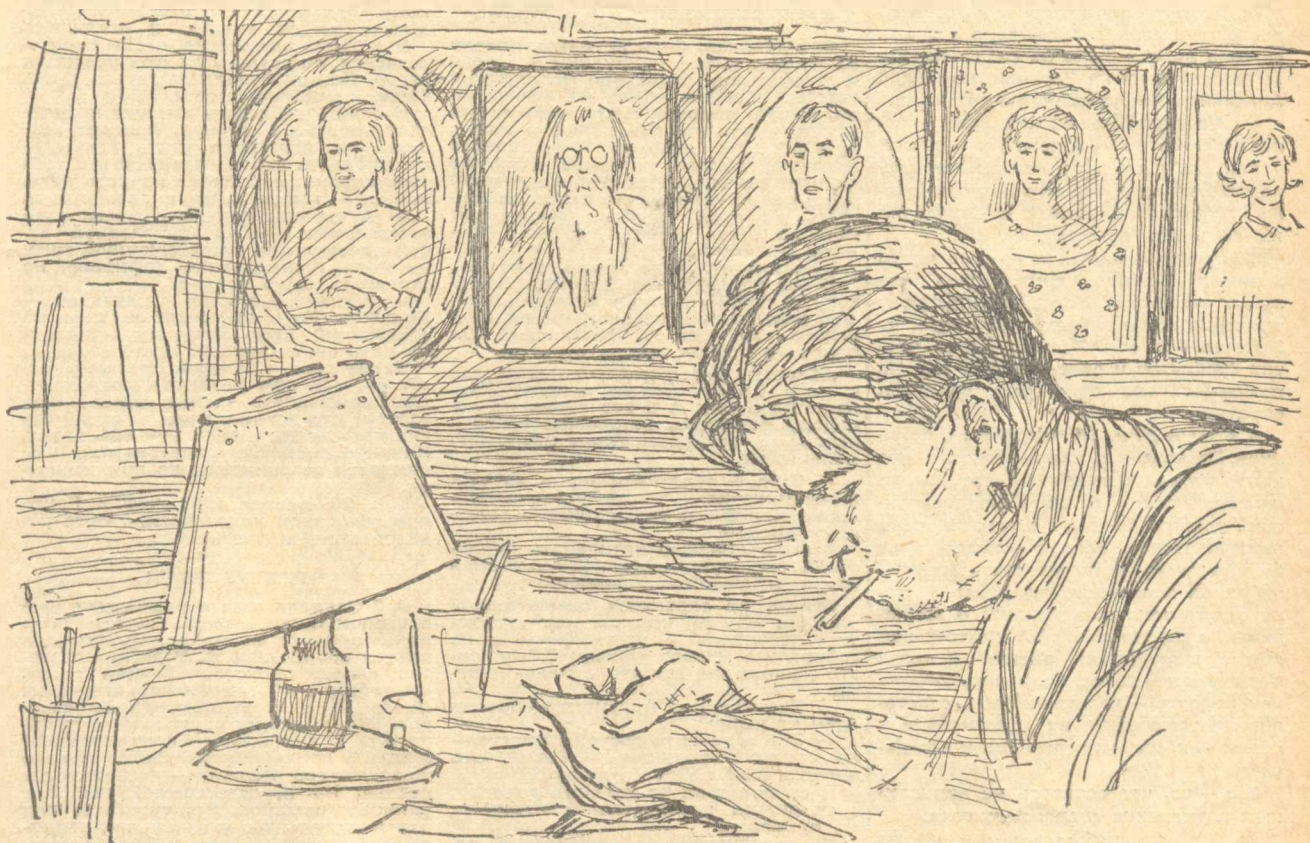
Пока была в Петрограде, отец почти ничего не писал о том, как нелегко ему живется в Заречье. Только помогал чем мог, да ободрял живым словом. И вот теперь она еще раз поразила его жизнью.

Республика — голодная, израненная войнами и тифом — отбивалась от врагов почти на всех своих границах. Худо было и учителям. Терновский полтора года не получал зарплаты.

— Что будем делать?.. — спрашивал он свою жену. Но она была ему под стать и не унывала. В стороне от Заречья проходила железная дорога. Александр Николаевич нанялся работать на ближнюю станцию стрелочником.

Стояла особенно морозная в том году зима. Учитель ходил через день за шесть верст на станцию дежурить, а в свободные дни его снова можно было увидеть среди детей, в классах. Подросло лето, Александра Степановна пошла к куланам жать. Скупое награждали ее деревенские мироеды: день поработаешь — горшок ржи получишь. Терновский с приходом тепла поступил в сторожа. Но вот вернулась дочь-учительница; потом начали выдавать зарплату, и жить стало легче.

Не сразу менялась прежняя жизнь Заречья, с ее Покровами, пьянством, тяжелой нуждой, с попом Евстифеем и больными ребятишками, но меня-

лась. Не было такой работы, за которую бы не брался Александр Николаевич (его уже прозвали к тому времени Старый учитель...), если знал, что работа эта ведет зареченских мужиков к свету, к лучшей жизни. По-прежнему руководил вечерами хором, читал лекции.

В 1930 году Терновские первыми вступили в колхоз. С началом коллективизации трехклассная приходская школа в Заречье превратилась в семилетку и заняла бывший поповский дом. Теперь работать, учить ребят стало просторней.

Трудно было бы старому учителю без такого молодого, полного сил помощника, каким сделалась для него дочь. Вместе с отцом она была агитатором в колхозах, готовила из своих учеников книгонош и ликвидаторов неграмотности; вместе они выпускали стенгазеты, ставили спектакли в избе-читальне. Но в помещении этом было тесно. Решили отвоевать под клуб церковь. Собрание шло за собранием. Собирали подписи неверующих. Убеждали.

...А под утро в глухую зимнюю ночь окрестные снега озарились багряным сполохом: загорелся дом, в котором жили Терновские.

Нашли, уличили поджигателя. Оказался им пономарь церковный, Аникита Прощев. Нашли и подстрекателей. Пошли они в тюрьму. Осталась после пономаря хворая жена с тремя детьми. Хотели было на сельском сходке выселить их из Заречья, но не дал Александр Николаевич. Не допустил.

— Аникита Прощев нам враг, — заявил он твердо, — а дети его — наши!

Как раз в ту пору старенькая сторожиха, не один год жившая при школе, умерла. Терновский и определил на ее место пономарику.

С годами вернулся в родные места Аникита Прощев; другим уже вернулся человеком. Когда в войну фронт проходил всего в трех километрах от Заречья — и сам Прощев бился против фашистов и двое сыновей его. Из троих — только один сын вернулся обратно.

А отец и дочь Терновские не покинули Заречье и в самое тяжелое для него время. Оставались тут, когда снаряды врага рвались на деревенских улицах. Вместе в эти годы стали коммунистами. Вместе — когда враг был отогнан, а потом разгромлен — заменили колхозного агронома. Читали вслух понятные книжки о земледели, о разведении скота, о том, как лучше выращивать овощи. А когда была у кого какая беда, недоумение или радость — делиться этим, советовать тоже шли не к одному, а к обоим — к старому учителю и его дочери.

Это — то, что осталось не написанным в дневнике старого учителя.

(Окончание следует)

СКОРО ПОЕЗД ЗАСТУЧИТ НА СТЫКАХ:

«В КРЕПОСТЬ НАД БУГОМ! В КРЕПОСТЬ НАД БУГОМ!» Фото А. Ерегина

КОРЧАГИНЦЫ

И. ГЛАДКИХ

РУКУ ВСТУПАЮЩЕМУ В ЖИЗНЬ

Они дрались, били витрины, писали на стенах домов неприличные слова. А журналисты областной молодежной газеты, обеспокоенные их поведением, горячо спорили на каждой летучке, придумывали все новые и новые рубрики. Но положение оставалось прежним. Может, печатное слово не доходит до адресата? Что же делать? Да, в конце концов, что им, журналистам, до этих уличных мальчишек! Есть же школы, семьи, детские комнаты милиции...

Нет, хватит! Надо что-то делать. И вот тогда-то к старшему инспектору детской комнаты милиции пришел заведующий отделом писем «Молодого ленинца» А. Куплинский. Он попросил список самых ответных.

...Стрелка часов медленно движется к семи. Придут или не придут? Журналисты курят. А в это время по коридору редакции, осторожно оглядываясь по сторонам, идут несомненно мальчишки.

— Тетя, — обратился один из них к машинистке, — вот повесточка пришла... Как бы к гражданину начальнику пройти.

Вот они, первые пятнадцать подростков, знающие, что такое «повесточка» и «гражданин начальник».

Ребята не скрывают скептической улыбки: «Ну-на, чем вы нас тут хотите удивить?» А журналисты и не собирались никого удивлять. Они просто решили поговорить с мальчишками об их жизнь-быть.

— Нам житуха нравится, — бросил один из ребят.

— Вот и давайте обсудим вместе, — не отступал редактор. — Может, эта житуха всем придется по душе?

И он повел их по дальним дорогам, с трудными переходами, с нострадами привалах.

Но романтика не подвластна од-

ному. Для встречи с ней нужен коллектив людей смелых и отважных.

И собрали их сегодня, чтобы посоветоваться, не создать ли при редакции отряд. Как он будет называться, пусть решат сами мальчишки.

И если у тебя есть интерес к фотоделу, здесь, в отряде, помогут развить его. Мечтаешь стать журналистом? Газета охотно предоставит тебе свои страницы. Захотел изучать автомобиль — записывайся в автокружок.

— А вы нам покажете музей криминалистики? — Будто холодной водой плеснули на разгоряченную голову Льва Григорьевича Зефирова, но отступить было поздно.

— Хорошо, — сказал редактор. — Покажем. Но и вам будет задание: на следующий сбор каждому привести по пять своих друзей. Идет?

Через день «Молодой ленинец» сообщил, что при редакции создан отряд корчагинцев — юных помощников газеты, что приминаться в отряд будут мальчишки и девчонки 14—17 лет. Никакие прошлые «заслуги» или провинности во внимание не принимаются.

Так 29 января 1965 года в Пензе при областной молодежной газете родился отряд корчагинцев.

РАСТУТ РЯДЫ

А 5 февраля газета рассказала уже о втором сборе отряда. На этот сбор пришло много новичков. Выработали ритуал общих сборов. Утвердили девизы: «Алые паруса», «Зоркий глаз», «Репортер», «Автомобилист» и другие. Начались выборы командиров взводов. И тут возник вопрос, кого выбирать. Отличников, комсомольцев? (Среди корчагинцев было немало школьников.) Решили — кого захотят ребята. Ну и, естественно, выбрали уличных вожаков. Да, тут было над чем подумать. Но уж коль ты, командир, решил рисковать, рискуй до кон-

ца. Руководящим органом отряда стал совет командиров. Он отныне будет решать все текущие дела, намечать и разрабатывать операции. Совет командиров подчиняется командиру отряда Л. Зефирову и начальнику штаба А. Куплинскому. Корчагинцы создали свой устав. Он начинался словами: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Для вступающего в отряд установили двухмесячный кандидатский стаж. После его истечения кандидат, добросовестно выполнявший задания и не имеющий ни одного замечания от командования, принимает присягу, получает удостоверение, эмблему и форму. Каждый член отряда должен быть верен своему девизу: «Будь в ответе за все, что было, есть и будет при тебе». От каждого бойца отряда требуется умение стрелять, плавать, водить мотоцикл, знать приемы самбо. Вся работа в отряде ведется на сознательной дисциплине. Святая отряда — знамя, сопровождаемое всегда вооруженным эскортом (двумя автоматчиками). Нарушение принципов товарищества рассматривается как тягчайшее преступление перед отрядом и приравняется к трусости.

24 ФЕВРАЛЯ 1965 ГОДА

В этот день ребята пришли на сбор для принятия присяги.

В отряде прежде всего постарались забыть все грехи «трудных» мальчишек. «Трудные»... Кто придумал этот термин? Они и «трудные» оттого, что энергии их некуда вылить, негде им применить свои силы. А сейчас посмотрите, какие они сосредоточенные, как сурово смотрят их глаза, как сдвинулись брови, когда поочередно подходят они к знамени, чтоб дать клятву перед своими товарищами.

Вот стоят в строю Витя Бахмач, Петья Разудалов — парни, которых хорошо знают в милиции. Им их «житуха» нравилась несколько лет подряд. А теперь они подходят к знамени и говорят: «Я... вступаю в ряды боевого отряда корчагинцев, обещаю быть достойным имени Павки Корчагина. Клянусь быть таким же бесстрашным и верным идеалам Ленина и Коммунистической партии, каким был он. Все задания отряда обязуюсь выполнять быстро и точно. Если же я нарушу эту присягу и обману доверие своих товарищей по отряду, пусть меня постигнет их глубочайшее презрение».

Вот они, пятнадцатилетние люди, мальчишки мирных дней... А во время войны...

О тех далеких годах говорили с корчагинцами Герои Советского Союза, пришедшие на сбор. В своих рассказах они водили ребят в бой, оказывались в кольце врагов, попадали в плен, бежали из него, падали ранеными и поднимались, чтобы сдержать слова клятвы, произнесенной под красным знаменем. Они дали понять ребятам, что клятва под знаменем своего отряда — это не пустые слова. Это слова верности долгу перед товарищами, верности своим идеалам, верности делу, ради которого ты встал под знамя.

ВЗВОДЫ МУЖАЮТ

Отряд рос численно, укреплялся морально. В газете появилась рубрика «Первые материалы корчагинцев». Активные юнкоры Володя Ильин, Оля Полковникова, Рита Беленькая уже успели опубликовать несколько реальных материалов. Не замедлила появиться и первая продукция взвода «Зоркий глаз» — фотозулы, фотогра-

фии. В «трудовых десантах» участвуют все взводы. Заработанные деньги идут в общую кассу.

Провели операцию «Газета». На очередном сборе постановили: ни одного корчагинца без газеты. Отныне все распоряжения по отряду будут отдаваться только через газету. Решили: каждый член отряда должен быть активным помощником газеты. И корчагинцы отправились в школы, на заводы и фабрики, чтобы провести подписку на газету. Тираж «Молодого ленинца» вырос с 14 тысяч до 30. И сейчас эту газету можно купить в киоске только рано утром.

Ребята работают во время весеннего сева в пригородных колхозах, темными ночами на реке Суре задерживают браконьеров.

Лето для корчагинцев — пора путешествий. В честь 20-й годовщины победы над фашистской Германией они совершили несколько походов боевой славы. И, конечно, самым памятным был поход на лодках по Суре и Волге.

Идея этого похода зародилась в отряде давно, чуть ли не в первые дни его создания. Но вплотную подготовкой к нему занялись лишь весной. Редакция приобрела лодку с мотором «Москва». Водная станция ДОСААФ подарила корчагинцам списанный катер. Катер хотя и был очень старый, однако отремонтировать его все же было можно. И ребята под руководством Куплинского горячо взялись за это дело.

Решили: в поход пойдут только старшие члены отряда. Разработали подробный маршрут, подготовили снаряжение. Незадолго до начала похода корчагинцам не без помощи обрисполкома удалось достать еще две лодки.

Солнечным августовским утром корчагинская флотилия, состоящая из трех моторных лодок и флагманского катера «Николай Островский», двинулась в путь.

Поход продолжался двадцать дней. На лодках по Суре и Волге корчагинцы дошли до Куйбышева. Это 1700 километров! Немало ребята повидали городов, немало было приключений, встреч с интересными людьми. Домой вернулись в начале сентября. А через две недели шестеро участников похода уехали в Брест на слет победителей Всесоюзного похода молодежи по местам боевой славы. Там, в Бресте, корчагинцы за свой интересный и содержательный водный поход были награждены третьей Всесоюзной премией.

Успехи радовали.

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Кто такой Лев Зефиров, этот возмутитель спокойствия в городе Пензе? Светлые волосы, средний рост, большой выпуклый лоб, озорные глаза. Ему 38 лет. И он умудрился уже получить инфаркт. Чуть приподнятый вверх нос придает его лицу мальчишескую задорность. Ребята говорят, что он заводела и выдумщик. Но свои выдумки не навязывает ребятам. Делает он это так, что кажется, будто не он это выдумал, а сами ребята. Образование у него высшее педагогическое. Но в школе не работал дня. Если б меня спросили, чем он руководствуется в своей воспитательной работе, я б ответил так: он умело сочетает элементы военизации и тонкую педагогическую игру, требовательность и мягкое товарищеское обращение, единство цели и индивидуальные интересы ребят. А главное — он уважает личность подростка, умеет понять самые тонкие движения его души.

...Мы стояли на пороге редакции. К нам подошел парнишка в клетчатой кепке, поздоровался и как-то виновато опустил глаза. Это Сережа. Его недавно приняли в отряд (в виде исключения, так как сейчас прием в отряд временно прекращен). Трудная судьба у парня. Ему 16 лет. Отряд его трудоустроил. Живет он в общежитии. А до этого Сережа жил в детском доме, где его ежедневно, если не ежедневно, упрекали в том, что он ест чужой хлеб. Парень озлобился. Стал убежать, попадал в милицию. Отбыл два года в детскую колонию. И вот теперь он корчагинец. И вот он стоит перед командиром и не может взглянуть ему в глаза, потому что в общежитии, где он живет, у него-то пропали деньги. Кто взял? Конечно, этот колонист.

— А я ведь не брал, Лев Григорьевич, — оправдывается он.

Что сказать, какие слова утешения придумать?

— Ничего, Сережа, — говорит Лев Григорьевич, — деньги найдутся. Я верю, что ты их не брал.

Парень поднимает глаза на командира. В них радость. Ему поверили. И он уходит, этот шестнадцатилетний человек, у которого нет никого ближе, чем его отряд, куда он в первый раз в жизни пришел пожаловаться. И я вижу, как у самого командира (нет, это не сентиментальность) взор увлажняется. Потом я снова видел этого парнишку, видел, как он, тяжело дыша, вбежал в редакторский кабинет и, не успев закрыть дверь, крикнул:

— Лев Григорьевич, а деньги-то нашлись!

Лицо его полыхало румянцем. А в глазах — море счастья. Деньги нашлись. Он улыбался, а я смотрел на него, и у меня в душе росло чувство горечи. Если б теперь еще нашлась и совесть у тех, кто обвинил его в краже.

ВПЕРЕД, ВОПРОКИ НЕВЗГОДАМ...

Взяв на себя добровольное воспитание подростков, Л. Зефиров и А. Куплинский воспитывают ребят на нашей действительности. Они утверждают в мальчишках самостоятельность. За мечу, истати, что редакция совсем освободила Куплинского от обязанностей журналиста, предоставив ему возможность полностью отдаться воспитательной работе с корчагинцами.

Великий ученый Эйнштейн говорил о детях, что они тем отличаются от взрослого, что не потеряли способности удивляться. Во всем, что окружает их, они видят маленькое чудо. За что уважают корчагинцы своего командира и начальника штаба? Мне кажется, за то, что они не разучились удивляться.

Долгое время в области не верили, что из затеи этого великовозрастного мальчишки Зефирова может что-то получиться. Повозится с ребятами да и перестанет. Были и такие, кто по своему положению имел право сказать: хватит пустяками заниматься. Есть дело — газета — занимайся им. Но вот в центральной печати появились первые упоминания об отряде, и о нем заговорили. Заговорили во всеуслышание. Сейчас отовсюду идут в отряд письма с просьбой рассказать о жизни и делах корчагинцев.

Есть у корчагинцев и планы. Летом они собираются много путешествовать. Одна группа поедет по пензенской земле и отыщет еще не известных героев, другая отправится в автопоход по местам Николая Островского. Корчагинцы утверждают себя не в мечтах, а в действительности, в трудовой деятельности, и идут вперед вопреки всем невзгодам.

БОЛЬШЕ РАЗНООБРАЗИЯ!

Заметки о „Библиотечке семейного чтения“

Н. АЛЛАХВЕРДОВА

Книжечки очень удобного, карманного размера, в мягкой обложке, их удобно читать между делом, по дороге на работу, пока трясешься в метро или в автобусе.

Таких книжек семь. Целая серия, которую в 1965 году совместно задумали выпускать Издательство политической литературы и газета «Известия». Эта серия начинается книгой А. В. Протопоповой «Что посеешь, то и пожнешь», подписанной к печати в феврале 1965 года, а кончается... вернее, не кончается. Книжки библиотечки пользуются успехом, и издатели намерены продолжить печатание книг, предназначенных специально для родителей.

Так как издание задумано в виде серии книг, предполагается, что читатель ее прочитает всю. Что сполучением этих книг, написанных специально для него, его интерес к воспитанию будет развиваться в каком-то определенном направлении, и это поможет ему выработать в себе отношение к воспитанию, к проблемам воспитания вообще.

«Педагоги, писатели и журналисты, принимающие участие в создании «Библиотечки», — обещали читателю издатели, выпуская первую книжку серии, — не ставят своей задачей давать какие-либо рецепты или просто излагать нормы морального кодекса. Делясь своими наблюдениями, они как бы будут собеседниками своих читателей, оставляя им возможность высказывать собственные взгляды и суждения».

Семь книг. Ни одна обложка не повторяет другую по цвету. Синяя, зеленая, красная, желтая, фиолетовая, оранжевая — но на каждой один и тот же рисунок — два окна. В верхнем — мужчина и женщина, склонившиеся над книгами, а в нижнем — силуэт женщины с высокой, строгой, определенно учительской прической. Она работает за столом у настольной лампы. Может быть, она олицетворяет тех, кто пишет, в отличие от тех, кто читает эти книги?

«По данным статистики, — пишет в своей книге «Делай, как я!» журналистка Э. Максимова, — в нашей стране два миллиона двести тысяч учителей. На самом же деле их по меньшей мере десятки миллио-

нов. Потому что каждый из нас, взрослых, — воспитатель... Мы учим, даже сами того не желая. Ибо нет такого поступка, слова взрослого, которое не оставляло бы следа в душе ребенка, равно распахнутой для всего. Каждый шаг служит кому-то образцом для подражания».

Действительно, кто из родителей в этом смысле не воспитатель?

И если главный воспитатель ребенка — любовь отца к нему и любовь матери к нему, если эта любовь, когда она настоящая, мудрая, высокая, сама в себе находит и силы, и опыт, достаточные для правильного воспитания детей, то кому же все-таки принадлежит первое слово в воспитании? Родителям или педагогам?

Когда-то с помощью психологии пытались объяснить некоторые, хотя бы и несложные, состояния, в которых может пребывать человек, и это давалось с трудом. Теперь же психология как наука так популярна и общедоступна, что представление о ней, весьма в наши дни распространенное, само ведет в каком-то направлении душевный настрой людей.

Конечно, родитель был и тогда, когда педагогики как науки вообще не существовало, а как все изменилось теперь! Педагоги, педагогика и еще раз педагогика — вот кто думает о детях, вот кто их растит, воспитывает.

А родитель? Достаточно ли авторы книг педагогичны по отношению к родителю?

Вот некоторые названия книг, о которых идет здесь речь: «Что посеешь, то и пожнешь», «Высокая должность — отец», «Сыновний долг», «Делай, как я!», «Дайте педагогический совет».

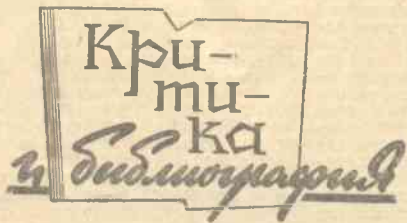
Мы знаем: любовь родителей к своим детям, интерес родителей к воспитанию своих детей — это такое же счастье для семьи, как любовь мужчины и женщины, с которой семья начинается. Здесь не найдешь ни рецептов, ни строгих правил, следуя которым можно было бы не ошибаться.

Авторы книг пошли не по тому известному пути, когда всех негодных родителей стараются «проработать», поставить в угол... Они пишут не для того, чтобы создать образец эдакого родителя-отличника и указать перстом: смотрите, как надо воспитывать!.. Вовсе нет! Авторы хорошо понимают, что как бы плохо ни воспитывали своих детей иные родители, ни Сережа, ни Маша не захотят сменить их ни на какого другого отца и ни на какую другую мать... Для них их родители единственные, лучшие в мире...

Поэтому авторы просят не принимать их советов на веру, а правила рассматривать не как непреложные.

Одно время педагогические статьи писали, как правило, сухим, стертым языком газетных передовиц, составляя их из общих фраз да цитат. Потом, когда такого рода статьи опостытели, да и время пришло другое, стали писать живее. Настала эпоха «живых» материалов: с картинками, с рассказами о семикласснице М., с диалогами — почти художественная литература, все признаки ее... Но художественная литература (это относится и к художественному очерку) не может быть «почти»: она или действительно художественна, или антихудожественна...

В разделе: ♦ О „Библиотечке семейного чтения“ ♦ Пробудите интерес к исторической книге ♦ „Трень-брень“ и серьезные вещи ♦ Коротко о книгах ♦ По страницам журналов

И даже когда был сделан следующий решительный шаг и семиклассницу М. заменили семиклассницей Машей, дело не очень-то продвинулось вперед. По страницам педагогических журналов (особенно хорошо это видно на примере «Вожатого») замечали полу-очерки, полуаннотации, полурассуждения, полуразмышления... Вскоре и термин был найден — «педагогические раздумья».

Раздумья — дело хорошее и необходимое. Но всякое раздумье должно на что-то опираться, на какую-то базу — только тогда мы, читатели, поверим в его ценность...

Обычно наши педагогические раздумья опираются на личный опыт автора. И подкрепляются опытом великих педагогов прошлого, представленных в виде все той же цитаты. Авторы, как мы уже говорили, даже, извиняясь, подчеркивают, что будут изложены личный опыт, личные наблюдения...

Личный опыт — хорошо. Он необходим. Но при этом всегда закрадывается сомнение: ну хорошо, у одного такой личный опыт, у другого — другой, прямо противоположный... Как же найти те критерии, которые больше, чем личный опыт, и которые, если на них опираться, осмысливая личный опыт, делают его действительно ценным для педагогики?

Все-таки ведь есть немало объективных педагогических секретов, которые было бы неплохо преподнести родителям.

Что за понятие — мир ребенка? Действительно ли существует мир ребенка, совершенно не похожий на восприятие окружающего на мир взрослого? Как рассматривать наследственность с точки зрения современной науки?

И даже хорошо, наверное, прочитать, наконец, про такого родителя-отличника, у которого все ладится: и дети ему в радость, и жизнь его радует, и надежды его не оставляют...

В наше время общий кумир — наука, точное знание. Емко мы верим безоговорочно! Можно сказать: «Не позволяйте ребенку сидеть за столом скособоившись — это приведет к искривлению позвоночника».

Я, читатель, интуитивно чувствую, что это — правда.

Но если мне говорить: «По исследованиям такого-то и такого-то столько-то процентов больных искривлением позвоночника заболели от того, что в детстве сидели за партой, которая не соответствовала их росту», — тот же самый призыв («Научите детей сидеть прямо!») освещается в моих глазах наукой, может быть, даже поражает и оттого запоминается.

«Педагогические раздумья» — это все-таки очерк, а очерк тем и берет, что в нем есть точные, неопровержимые, неоспоримые факты. Очерк производит впечатление на современного читателя тонкой мыслью, знанием материала (это все есть в рецензируемых очерках) и — обязательно! — точными данными науки. Очерк — это всегда исследование или, по крайней мере, размышления об исследованиях, на основе исследований.

Наши же педагогические раздумья грешат иногда отсутствием научного поиска. Иногда не знаешь, отчего утверждает автор то или иное положение, откуда он его взял... Сам придумал? Спасибо, не нуждаюсь. Наука говорит? Намекни мне об этом — поверю тебе безоговорочно, буду слушаться тебя беспрекословно и воспитаю своих детей именно так, как ты, автор, меня учишь, ибо я понимаю: ты действуешь от имени науки...

И тогда все эти диалоги, эпизоды, рассказы и примеры, которые встречаются на страницах библиотечки, стали бы приемом образной передачи научного факта, научной идеи, научного вывода.

Есть литература художественная (она включает в себя очерк, публицистику), есть научная, есть научно-популярная. Все эти виды закономерны, утверждены жизнью, имеют богатейшие традиции. Например, книжка Э. Максимовой «Делай, как я!» может только радовать: это книжка художественных очерков. Но мы присутствуем сейчас при становлении нового вида литературы: не очерковой (то есть художественной), не научно популярной, а просто популярной, без «научно». Плодотворно ли это направление? Стоит ли содействовать развитию литературы такого рода? Не уверены...

Сказавши все это, мы вынуждены вздохнуть и признать, что глубоко понимаем авторов рецензируемых книг и сочувствуем им. Легко сказать: наука! А где она, наука? Где десятки, сотни необходимейших научных трудов по проблемам семьи и семейного воспитания, годных для того, чтобы их читали не одни педагоги?

Кажется, их нет в природе...

В физике, медицине, политэкономии — во всех науках дело обстоит так: сначала появляется научная работа, потом — научно-популярная (того же автора, а чаще — другого, обладающего специальным даром популяризации). Педагогика в этом смысле уникальная, в ней все наоборот: популярные книги появляются прежде научных, вместо научных... И больше того: примеры из популярных статей попадают в научные книги в качестве факта, довода, доказательства!

Так что, предъявив счет нашим авторам, мы вынуждены тут же убрать его за спину. Недостаток научности — не вина их, а на страницах газет и журналов, где впервые публиковались многие очерки и статьи (Мариэтты Шагинян, учителей С. Гуревича, С. Езерского, журналистки Э. Максимовой), собранные в книги серии «Библиотечка семейного чтения», они выглядят, как правило, остро и свежо.

Но собранные вместе, они иногда подчеркивают жанровое и стилистическое однообразие. За исключением одной книги «Умом и сердцем», где собраны мысли великих людей и великих педагогов о воспитании. Составитель книги кандидат педагогических наук Н. И. Монахов проделал работу важную, собрав вместе высказывания, иногда противоречащие друг другу, но всегда расширяющие представления о детях.

Родителю, как и всякому читателю, важны впечатления, впечатления...

Совершенно необычный жанр, например, в книге Корнея Ивановича Чуковского «От двух до пяти». Веселое, любопытное отношение к детям взбодрит самого заматанного, самого усталого родителя, потому что и он, бедный родитель, нуждается во впечатлениях — они одни способны заменить животворную воду.

Дело, конечно, не в том, что книжки, входящие в серию, неинтересны. Но одно дело, если бы каждая из них издавалась сама по себе, и другое дело, когда они составляют серию, систему чтения. В таком порядке они мало помогают друг другу, создают некое монотонное однообразие.

Еще вопрос — чего должно быть в этих книгах больше — практического опыта или педагогики? Конечно, первого. Но ведь и практический опыт может иметь разный характер изложения, например, дневник, который вели журналист и педагог, или родитель, наблюдающий за собственными детьми. Вот перечень дневников, упоминаемых в одной лишь книге, в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти»:

1. Н. А. Гаврилова и М. П. Стахорская. Дневник матери. М., 1916.

2. Б. А. Рыбникова-Шилова. Мой дневник. Орел, 1923.

3. З. И. Станчинская. Дневник матери (история развития современного ребенка от рождения до 7 лет). М., 1924.

4. А. Д. Павлова. Дневник матери (записки о развитии ребенка от рождения до шести с половиной лет). М.-Л., 1924.

5. Н. А. Менчинская. Развитие психики ребенка. Дневник матери. М., 1927.

Как видите, все эти дневники родителей, если отнестись к ним с должным интересом, могут многому научить.

В этой же книге К. И. Чуковского упоминается дневник Фриды Абрамовны Вигдоровой, в котором писательница и педагог записывала все, чему она училась, пока подрастали ее собственные дети.

Взгляд на детей глазами родителей — это взгляд со стороны. С другой же, если мы воспитываем детей, мы должны уметь посмотреть на мир их глазами...

Пожалуй, трудно назвать книги о воспитании интереснее и современнее, чем книги польского педагога Януша Корчака. Но посмотрите — они все написаны так, словно их писали сами дети, с их точки зрения!

И как эта другая точка зрения помогает понимать детей!

И еще: во всех книжках серии не найдешь почти ни одного положения, с которым не согласишься. Они все отвечают... известным положениям о воспитании. И как хорошо было бы использовать метод доказательства от обратного, от которого просыпается активный интерес к проблемам!

Книга, в которой, к примеру, все, как не надо воспитывать, доказывалось бы, наоборот, как то, что надо, и когда родитель может возразить, возмутиться, рассердиться и воскликнуть: «Не выйдет, друзья! С такими глупостями я не согласен!»

Важно заинтересоваться ребенком, расширить наши представления о нем. В этом смысле родителям наверняка интересно познакомиться с теми автобиографиями, которые писали интересные люди, ну, скажем, с «Автобиографией» С. С. Прокофьева.

Осмысление собственного детства, сознательное к нему отношение много дает в смысле понимания своих детей. Ибо что же нам может заменить собственное детство? Альберт Эйнштейн, начиная свою «Творческую автобиографию», заметил: «Из собственных переживаний можно почерпнуть много такого, что недоступно сознанию другого».

Быть может, самыми интересными с педагогической точки зрения можно считать и книги больших писателей, написанные о собственном их детстве. Хотя писатели и не ставили себе педагогических задач, но осмысление опыта детства всегда имеет педагогическое значение.

Можно, наверное, рассказать родителям о людях, которые посвятили свою жизнь служению детям в самом высоком смысле слова...

Смысл в том, чтобы помочь родителю, если нужно собрать его внутренние силы, свой личный опыт, вспомнить свое детство и воспитывать своих детей, сообразуясь с собственным опытом, с собственными, но осмысленными воспоминаниями о прожитой жизни — в чем-то радостными, а в чем-то, возможно, и горестными...

Чтение специальной литературы помогает развить вкус к воспитанию, делает нас разумнее в выборе средств воспитания, не хочется, чтобы современный читатель, увлеченный педагогикой, мог отличить самые сильные и звонкие голоса, обращенные к нему, от других, пусть правильных, но мало впечатляющих, привычных уже ему голосов, и чтобы ни одна книжка, как бы сама по себе она ни была хороша, не повторяла другой.

Среди книг

Мы и наша история

То, что преподается в школе, называется не наукой, а «основами наук». Это официальное определение. А что значит «основы»? Во-первых, самое главное, без особых подробностей. Во-вторых, самое бесспорное, без нерешенных проблем. Жаль, конечно, но в школе иначе нельзя. А то ничему не научишь.

«Основы наук» нужны всем. Но не всем их достаточно. Некоторым, кроме основ, нужна еще и сама наука. Такая потребность возникает не «потом», а еще на школьной скамье. Сначала у ребят с пытливым умом, а если в класс приходит талантливый учитель — то и у всего класса. Появляется жгучий интерес к доказательствам и к тому, как эти доказательства появились. Если говорить об истории, то это значит, что появляется интерес к тому ее разделу, который называется источниковедение. Чересчур гладкие и складные места курса вызывают «подозрение». В книге, о которой пойдет речь, главный герой помнит древнее и мудрое правило: «Чем больше доводов за, тем больше ищи против».

Книга эта называется «Путешествие в страну летописей». Ее герои — «огонь-ребята», задающие в классе трудные и наперзанные вопросы учителю: игумен Сильвестр, писатель Карамзин и многие другие, а главный герой — русский ученый Алексей Шахматов, жизнь и труд которого прослежены от лета 1871 года, когда «семилетний» Леля Шахматов решил занять престол персидский, до холодной петроградской зимы на третьем году Октября, когда «старый, больной академик, завернувшись в шубу, пишет и пишет», и...

«Однажды он выводит на желтом оборточном листе: «Святополк, узнав о чуде...» И тут он умирает, впервые не закончив дела».

Есть в книге и еще более главный герой — вот это самое дело, которому посвятил жизнь академик Шахматов, да и не он один. В аннотации к книге это дело названо несколько распылчато — исследование древних текстов. В действительности же книга рассказывает об одной из самых сложных, интересных и наиболее эффектных решенных (хотя еще и не до конца) проблем исторической науки — об авторстве и происхождении «Повести временных лет», важнейшего источника по древней истории России.

И построена книга как ответ учителя — талантливого учителя — на вопрос ребят.

«Я называю старую книгу полным именем и титулом: — Лаврентьевская летопись. Старейшая из сохранившихся древнерусских летописей».

— Почему Лаврентьевская? Кто такой Лаврентий? Уж не он ли тот самый великий летописец, про которого вы нам так и не рассказали?

Я задумываюсь.

— Ну как же, ребята, я вам все это расскажу? Это же длинный-длинный рассказ, да в нем столько еще неизвестного, неизвестного, таинственного... Чтобы все по порядку изложить, надо, пожалуй, целую книгу написать.

Но моих школьников разве смутить.

— Вот и напишите!

И теперь книга, выпущенная тиражом 50 тысяч экземпляров, перед нами. Не знаю, как в других городах, но в Москве она распродана полностью. И прочтала ее не только школьники.

В ней много достоинств. Она увлекательна, легко читается, она художественно написана, она серьезна. Последнее наиболее важно. Особенно при наличии преды-

Н. Натанов. Путешествие в страну летописей. М., «Детская литература», 1965.

душких качеств. На примере одной конкретной темы книга знакомит читателя с исторической наукой, ее задачами и с теми ее областями, которые называются вспомогательными.

По некоторым вопросам книга больше интригует, чем объясняет, но в данном случае это еще одно достоинство. Несколько слов о способе перевода дат с древней системы летоисчисления на современную (это отдельная историческая дисциплина — хронология), несколько замечаний по палеографии (еще одна историческая дисциплина, изучающая внешние признаки памятников письменности: на чем написан документ, чем написан, каким шрифтом или почерком), брошенных вскользь по ходу беседы графа Мусина-Пушкина, историка Бантыш-Каменского и генерала Болтина, как бы намекают читателю, что кроме этой книги не худо бы прочитать много других.

Но вот начинается знакомство с другой областью исторической науки — прямое и обстоятельное. Как древний памятник письменности «Повесть временных лет» может быть использована для выяснения различных сторон жизни того времени — в какой степени он отражает объективную реальность? Для этого нужно выяснить, в какое время создан памятник, кем написан. Тогда будет понятно, почему он написан так, а не иначе. Почему одно написано подробнее, другое выпущено совсем, третье искажено. Все ли в памятнике подлинно, все ли достоверно, все ли представляет ценность как исторический источник. Это — источниковедение.

Потом сам рассказ о том, как и кто изучал «Повесть временных лет»: путь, пройденный наукой от находки Мусиным-Пушкиным Лаврентьевского списка до последних гипотез Лихачева, Рыбакова и Черепнина. Это — историография, тоже вспомогательная историческая дисциплина и тоже предмет, которым ученый может заниматься всю жизнь.

Наконец, приемы использования всех этих вспомогательных дисциплин в сочетании с другими науками, например с филологией (об этом много рассказано в главах об А. А. Шахматове), — это тоже целая отрасль науки, которая называется методология. И в этой отрасли есть свои специалисты, свои проблемы и открытия.

Н. Натанов вводит читателя в этот большой мир. Об одном мельком, о другом подробнее, но так или иначе все области исторической науки представлены за работой над конкретной темой — «Повестью временных лет».

Но все эти вспомогательные дисциплины сами по себе еще не история. И сведения из разных областей исторической науки вкраплены у Н. Натанова в увлекательное повествование об историках почти целого тысячеле-

тия: ведь и Нестор и Сильвестр такие же историки, как и Карамзин и Ключевский, и нельзя сказать, что одни были лучше других. Каждый по-своему преодолевал помехи, которые ставило его время, а у каждого времени есть свои помехи для историков — это правильно замечено автором.

Нестор приукрашивал Святополка. Сильвестр — Мономаха. Нестор умалчивает о столкновениях между князьями и Печерским монастырем. Сильвестр умалчивает о Несторе.

Но Нестор все же написал «Повесть временных лет». А Сильвестр все же не осмелился выпустить из нее ни слова, кроме имени Нестора.

Начало XIX века, эпоха светскости и изящества, когда наибольшим достоинством считалось «без принуждения в разговоре коснуться до всего слегка», — это время заставило Карамзина самое ценное из своего труда отвести в справочный аппарат, в примечания. Но все же история написана языком, сделавшим эпоху в литературе, и многого она касается не «слегка». А справочный аппарат превратился в ценнейший источник, ибо в нем цитируются не дошедшие до нас памятники письменности.

«Гениального мальчика» Шахматова эпоха империализма, когда, как известно, «науки вынуждены развиваться в сторону педантичной разработки узких, мелких, сугубо специальных вопросов и уже не в силах разрешать большие проблемы», заставляет заниматься одним из таких узких вопросов — уточнением подлинности текста «Повести временных лет». До него это был узкий вопрос. Шахматов своим гением сделал его главным. Это хорошо показано в книге Н. Натанова.

Чему учит эта книга кроме того, что дает много разных интересных сведений? Во все времена, на протяжении тысячелетий борется творческий дух, прокладывает дорогу в непроходимом, освещает неосвещенное. И каждый настоящий ученый верен своему делу по мере сил и разумения. Но история бездонна, безгранична, неисчерпаема. И в зените славы эту бездонность видят и Карамзин и Шахматов. В чем загадка? Разве мало прошло столетий, чтобы выяснить все? Загадка, быть может, в том, что история — это зеркало, глядя в которое каждая эпоха видит и свое отражение. «Будут открыты еще неведомые писатели и историки ушедших столетий», — говорит автор в конце. — И как только это произойдет, тотчас же не замедлят появиться новые загадки, о которых мы сейчас даже не подозреваем...»

Перед нами хорошая книга: она начинается с ответов, а кончается вопросами.

Лев СМЕРНОВ,
студент Московского историко-архивного института

По страницам журналов

И ЗНАНИЯ, И ХАРАКТЕР

В 4-м номере журнала «Москва» под рубрикой «Трибуна читателя» помещены две статьи, авторы которых откликаются на получившее довольно широкую известность в среде педагогов и родителей выступление писателя Владимира Тендрякова «Ваш сын и наследство Коменского». Однако статьи эти интересны не только как отклики.

Л. Божович в статье «Психология воспитания» анализирует причины, из-за которых многие школьники охладевают к учебным занятиям. «Уже в третьем-четвертом классе, — пишет автор, — дети привыкают к своему положению, осваиваются с новыми обязанностями, и позиция школьника теряет для них свою первоначальную привлекатель-

ность... Отношение товарищей зачастую теперь сильнее слов учителя, оно начинает оказывать решающее влияние на поведение школьников... Вот почему учитель с самого начала должен педагогически правильно воздействовать на формирование коллективных отношений».

Далее автор переходит к другому вопросу — о развитии у школьников общественной направленности. Л. Божович говорит о распространенной педагогической ошибке — считать коллективом любой класс, любую группу детей, когда на самом деле коллектив еще не сложился.

В статье затронут еще один весьма злободневный вопрос — какие упущения в воспитательной работе приводят к появлению у подростков отрицательных черт характера.

Вторая статья называется «Так ли стар Амос Коменский?». Учитель Л. Тарабрин полемизирует с В. Тендряковым в той части, которая ка-

сается содержания школьного образования. Исходя из того, что школьный предмет — еще не сама наука, а лишь основы ее, педагогически переработанные с учетом возраста и психологии школьников, Л. Тарабрин пишет: «Школьные предметы — их-то ученики и должны знать. Все ученики. Один лучше, другой чуть хуже, в зависимости от способностей. Но непременно все! И тот, кто впоследствии станет ученым, и тот, кто будет управлять станком или трудиться в поле».

Родителю, который по-настоящему любит своих детей, и учителю, искренне заинтересованному в будущем своих учеников, бесполезно будет прочесть статьи Л. Божович и Л. Тарабрина.

«ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ...»

«В мире боец...» — так назвал литературный критик Феликс Кузнецов свои «Заметки о молодом ге-

И. Лавров. ОЧАРОВАННАЯ. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1965.

В один из далеких сибирских совхозов приезжает с Украины вчерашняя школьница Валя Чивилева, наивная мечтательница, очарованная душа. «Мне даже страшно при мысли, что я все прозеваю, — записано у нее в тетради. — В этой холодной стране я буду выращивать цветы». Управляющий отделением Копытнов тут же предупреждает ее: «Мы тут не цветы, а репу выращиваем». И Валя садится за штурвал трактора. Вечерами, во время отдыха в полевом вагончике, она слышит разговоры о нерадивом начальстве, о безобразной обработке земли, низких урожаях, падеже скота — с этого начинается ее знакомство с реальными жизненными конфликтами, с многосложным и не очень-то милосердным миром.

Раньше она зкала только одно — «нужно всем стараться, всем хорошо работать и болеть за дело, тогда все и наладится». А в подлинной жизни... «Совхоз наш бьется как рыба об лед, — объясняет Вале Копытнов. — Заколдованный круг получается: чтобы были деньги, нужно использовать наши большие возможности, а чтобы использовать эти возможности, нужны большие деньги». Немало испытаний готовит судьба Вале Чивилевой: и столкновение с расхитителями хлеба, и горечь обманутого девичьего чувства (когда казалось, что «все отратительное непобедимо»), и усталость «от жизни, заполненной заботами о машинах, о свинарниках, об урожае»... Но очарованная не поддается разочарованию, не утратит душевной чуткости и доброты, не откажется от борьбы за лучшую жизнь в совхозе.

Автор грешит порой взвинчиваемой до пафоса чувствительностью, произвольным нагнетанием событий, но, несмотря на это, общая картина сохраняет верность правде жизни. И. Лавров не рисует скороспелого преображения совхоза, не приводит людей к полному достатку и взаимной приязни — это, по-видимому, дело будущего; писателю важно то, что герои книги ощутили потребность совместных усилий для приближения желанного «завтра», которое начинается сегодня.

Г. КАГАНОВСКИЙ

В. Лагонакис. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АРБУЗ. М., «Молодая гвардия», 1966.

Эта книжка о вожатом. Вышла в серии «Для тех, кто работает с пионерами». Но прочитают ее с пользой и удовольствием (счастливое совпадение понятий, которые иногда взаимоисключают друг друга) не только те, «кто работает с пионерами» — вожатые, учителя, — но и те, кто воспитывает своих детей. Однако это не кладеза педагогических премудростей, когда старший всегда умней, а потому всегда прав. Это маленькая повесть о вожатом, который начинает. Начинает в лагере, продолжает в школе. Ошибается и тут и там. Любовь и детям помогает герою повести Герасиму (Герасиму Борисовичу!) решать головоломки — «педагогические арбузы», которые преподносят мальчишки и девчонки на каждом шагу. Отсутствие же педагогической подготовки заменяют смекалка и... юмор.

С юмором, с веселым настроением написана книжка. «Скука — такая штука: кто не работает, того и ест», — в этом афоризме кредо ее героя. Когда в лагере наступил «абрикосовый гипноз» и вожатый только и знал, что отбирал у ребят зеленые абрикосы, раздался ехидный вопрос: «А что вы с ними будете делать?» Можно было, конечно, прочитать лекцию о желудочно-кишечных заболеваниях, но Герасима снова выручает шутка: «Встану ночью и съем». Можно было (это уже из другой главы) рассказать о значении металлолома, а Герасим с помощью математики и юмора превратил это порядком приевшееся мероприятие в интереснейший дружный сбор со сбором металлолома. Что касается объявления «Готовьтесь к спору!» — о 8-м классе, который проводит спор отряда «Нас волнуют вопросы», то эту находку, на наш взгляд, оценят многие: ведь сборы пионеров 7—8-х классов порой мало отличаются от сборов их младших друзей.

Таких находок в книжке много. Они снова напоминают столь элементарную, но важную истину: в работе с ребятами важно не только «что», но и «как». С выдумкой оформленная обложка, интересные рисунки, особенно на титуле, органически входят в эту веселую и полезную книжку.

Е. КАПЛАН

рое и его революционным идеале», опубликованные в 4-м номере журнала «Юность». Раздумьями о высоких и громких словах начинается он свой разговор о том тревожном процессе, наметившемся в последнее десятилетие среди части нашей молодежи, «который можно определить как своеобразный инфантилизм, гражданский индифферентизм, равнодушие к общественным проблемам жизни». Понятно, откуда это все появилось: «в прошлые годы мы утверждали наши идеалы в большей степени на вере, чем на знаниях, мы плохо учили людей мыслить — социально, граждански, общественно. Вот почему противоречия жизни, с трагедийной силой обнажившиеся в переломное десятилетие, повергли незрелых мыслю людей в смятение, скепсис и даже безверие».

Борьба за истинную человечность поставлена во главу угла нашей сегодняшней жизни, а значит, и лите-

ратуры. Но быть просто человеком мало герою нашего сложного, противоречивого, трудного времени. Павка Корчагин, которого иные читатели, критики и комсомольские работники усиленно призывают прийти в наши дни, ворваться на страницы сегодняшних книг, и нынче нашел бы достаточно дела, чтобы насытить борьбой свою кипучую, неумную натуру. Правда, сегодня он наверняка появился бы в ином обличье и занялся бы, вероятно, уже не тем, чем занимался сорок лет назад. Проще всего ему было бы, конечно, поехать во Вьетнам. Ну, а чем занялся бы он у себя дома? «Что значит применительно к сегодняшней повседневной действительности быть человеком идейным, принципиальным, убежденным, непримиримым, «в мире бойцом»? Борцом с чем? И во имя чего?»

Очевидно, Корчагин повел бы главную атаку против «родимых пятен капитализма», которые и по сей

день бытуют в нашей жизни и которые мы толкуем порой очень ограниченно и плоско, разумея их как нечто чисто нравственное. На самом же деле они, эти пятна, кроются и сказываются также и в иных сферах жизни — экономической и социальной.

Основное, наиболее для нас опасное и неприятное «пятно» — мещанство, научившееся сегодня рядиться в самые разные и неожиданные обличья. Борьба с мещанством адски трудна, «гражданское мужество в такой борьбе дается порой не легче военного мужества. И обязанность литературы — готовить молодых к гражданскому подвигу, к жизни трудной, но честной».

Открыть глаза молодым на реальные противоречия и трудности нашей сегодняшней жизни, помочь им выработать мужественную позицию в борьбе — единственный путь к преодолению их общественного равнодушия и скептицизма.

На сцене Ленинградского театра юного зрителя — новый спектакль «Трень-брень». Автор пьесы — Радий Погодин, постановщик — З. Корогодский. Спектакль этот можно назвать сатирическим фарсом, обращен он к детям и рисует внешне картину веселого, хохочущего, никакими думами не отуманенного детства. Мальчишки по привычке издеваются над рыжей девчонкой и друг над другом, потом в полосу этого безудержного зубоскальства попадают и взрослые, которые тоже беззлобно подшучивают над той же рыжей девчонкой, и друг над другом, и над собственными внуками. А тут еще шут со своей балалайкой, трясущийся от печального шутовского смеха и всякую минуту ошарашивающий зрителя каким-нибудь новым трюком.

В пьесе много шуточек, иногда целенаправленных, порою просто веселья ради пущенных на сцену — как и во

говорит: «Думай о чем-нибудь другом, разве тебе не о чем думать? Думай, например, о своем будущем — кем ты хочешь быть?» Я ей сказала: «Я и думаю о своем будущем. Были бы вы рыжая, тоже бы так думали». Нет, не случайно пьеса так настойчиво обращается и к детям, и ко взрослым.

К сожалению, спектакль затенил острую публицистичность погодинской пьесы побочными интригами, веселой клоунадой, бытовыми подробностями.

Как в балете, появляются на сцене все новые действующие лица и исполняют свои отдельные «па». В зависимости от таланта они могут полностью овладеть залом, внося в спектакль дополнительные эффекты. И все же эти эффекты оказываются порой прямо противоположными замыслу пьесы.

Не торопитесь смеяться!

всяком фарсе. Но это не совсем фарс. Недаром шут слишком уж настойчиво прибавляет вслед за очередной шуткой: не торопитесь, зрители, смеяться! И обращается он не только к не в меру разошедшимся детям, но и ко взрослым, и даже особенно ко взрослым.

Девочка Ольга, приехавшая к бабушке в большой город, полагает, что только в ее далекой провинции люди не терпят несхожести с ними, оригинальности, слишком тревожно им противопоставленной и не дающей жить спокойно. Но и в городе Ольга попадает в ту же — и даже усиленную — атмосферу нетактичности, душевной грубости, сердечной слепоты, которая проявляется у некоторых людей, схожих в одном — у каждого из них имеется свой внутренний устав, по которому они сами живут и требуют, чтобы жили другие.

И вот Ольга, вначале веселая, доверчивая девочка, проходит ряд суровых жизненных испытаний — встречи с мальчишками на аэродроме, с Арнашкой, с черноволосой девочкой и, наконец, с собственной бабушкой — сцена, где родственная короткость и старческая прямота принимают характер настоящей травли. И Ольга начинает понимать, что нетерпимость к ее рыжим волосам (а пьеса Погодина — это и притча, так что рыжие волосы, лысины да отпущенные бороды — только намек на более важные вещи) — это не случайный факт, а естественная черта жизни города. Шут заранее отклоняет возможные претензии: «Может быть, другие, еще более высокоуважаемые зрители усомнятся в моем рассказе... скажут, мол, рыжая девочка — частный случай...»

Существует такое понятие — эстафета поколений. Я не хочу порицать детскую литературу начала 50-х годов, только это понятие нередко воспринимается ею в плане физкультурном, как бездумная и безблезненная передача эстафеты из рук взрослых в руки молодых. Очень хорошо, что в наши дни детская литература поддвинулась ко времени, перестала быть заповедником, отделенным от тревог и раздумий, терзающих взрослых. И в этом — немалая заслуга и Р. Погодина. В пьесе «Трень-брень» еще более усиленно, чем в рассказах и повестях писателя, дети пронизаны токами времени, они замечают особенности времени остро и безошибочно. Отрываясь от игр, они начинают задумываться над той взрослой, перед их глазами протекающей жизнью, в которую им придется войти. «Я спросила у нашей учительницы, — говорит Ольга, — откуда такое берется. Она мне

СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ. БАБУШКА МАША — АРТ. К. А. ПЕТРОВА, ОЛЬГА — АРТ. О. В. ВОЛКОВА

Быть может, одна из самых больших удач спектакля — его центральный образ, Ольга в исполнении актрисы О. Волковой. Она тонко чувствует психологический характер публицистики Р. Погодина и постепенно усиливает в своей героине ее драматический отклик на происходящее. От наивной доверчивости к замкнутости, а через нее и страстному возмущению и сознательной борьбе за право человека быть похожим на самого себя — такой сложный путь своей героини очерчивает Волкова на сцене. Правда, порой ей мешает некоторая внутренняя статичность.

В декорациях спектакля сохранилась та откровенная поэтичность, которая свойственна Радю Погодину. Написанные художником З. Аршануни, впервые выступающим в театре, они полностью поддерживают основную мысль спектакля.

«Трень-брень» — спектакль, где ничего не решено, а только встревожена мысль у зрителя. Потому что пьеса затрагивает те злободневные вопросы, решить которые невозможно в театральном зале. Решить их должна жизнь, продолжающаяся и после спектакля, за пределами театра.

Елена КЛЕПИКОВА

Гнилой орешек

Прошлым летом я отдыхала на побережье Черного моря. И вот здесь-то я оказалась нечаянной свидетельницей одной грустной истории.

На нашем пляже подружились два подростка — Саша из Сибири и Виктор из Москвы. С утра до вечера они были неразлучны. Саша часами мог слушать рассказы друга о Москве.

— А знаешь что, Сашка, — сказал однажды Виктор, — ты обязательно ко мне приезжай и все сам увидишь. Мама отпустит тебя?

— Отпустит. Еще когда я учился в пятом классе, мама хотела отправить меня с экскурсией в Москву, да заболела сестра, и я не смог поехать. Надо было помогать по дому.

Виктор дал Саше свой московский адрес.

Друзья мечтали, как они вместе отправятся в Мавзолей Ленина, побродят по Красной площади, пойдут в Музей Революции, посетят новое здание МГУ. Воображение ребят рисовало новые и новые картины...

Внезапно, перед самым отъездом, эта дружба оборвалась.

В доме отдыха, где находились родители Виктора и Сашина мама, состоялся праздник в честь отъезжающих. С утра были соревнования по плаванию и гребле. Виктору, рослому и плечистому парню, разрешили участвовать в них. С азартом болельщика следил Саша за успехами друга, искренне огорчаясь, если кто опережал его.

Последним было соревнование на «сбор орешков». В море на трехметровой глубине рассыпали килограмм мелких орешков. Плавая в течение нескольких минут, надо было собрать их как можно больше и вернуться на берег. Побеждает тот, у кого окажется больше орешков. Виктору ужасно хотелось выйти победителем. Но на берегу он увидел, что у других гораздо больше орешков. А судьи уже подсчитывали результаты.

Тут Саша заметил, что Виктор куда-то исчез из очереди. Он стал волноваться, искать товарища и вдруг увидел его около матери. Она, стараясь быть незамеченной, совала сыну точно такие же орешки. Затем Виктор поспешно вернулся в очередь и... оказался победителем. Ему долго аплодировали. Только Саша стоял в стороне и, казалось, не понимал, что происходит. Наконец он подошел к Витиной маме:

— Зачем же так, тетя Зина? Ведь это нечестно!

— Пустяки, Сашенька, это же только игра, — усмехнувшись сказала она и, сияющая, пошла навстречу сыну.

Вечером вручали призы. Играл духовой оркестр, и по ковровой дорожке шли победители соревнований. Среди них был и Виктор. Он улыбался, а его папа бежал сбоку и фотографировал «сына-победителя».

Когда чествование закончилось, Виктор бросился искать Сашу, чтобы показать ему полученный приз. Но друга нигде не было...

Не нашел его Виктор и утром у моря. Только у большого камня на пляже, их любимом месте, он увидел обрывки листа из блокнота, на котором написал свой московский адрес для Саши...

В. БОГАТЫРЕВА
(г. Шахты Ростовской области)

Двойка

Автобус остановился. Стайка мальчиков и девочек впрорхнула в машину. Последним не спеша вошел мальчик лет восьми-деяти. Остановившись возле шофера, поднес к его лицу раскрытую тетрадь.

— А, Петя! Снова пятерка! Очень хорошо, — с ласковой улыбкой сказал шофер. — Вот за это тебя не автобусом, а на «Волге» надо бы возить к школе и домой.

Мальчик перелистал страницы тетради и сказал:

— А это за прошедший день. Вчера не видел вас, Василий Петрович. Тут четверка... Галина Сергеевна сказала, немного намазал.

Пассажиры улыбнулись.

Петя спрятал тетрадь и остался стоять около шофера.

Но вот и остановка. Дети поблагодарили шофера и повыскакивали из автобуса. Последним, опять же неторопливо, вышел Петя. На прощание пообещал водителю:

— Василий Петрович! Двоек у меня больше никогда не будет!

Поехали дальше. Я не мог выдержать, подсел к водителю и спросил:

— Наверное, ваш племянник или родственник?

— Нет, тут другое дело. Я всегда работаю на этом маршруте. Ученики — мои постоянные пассажиры. Недели две назад на этой же остановке дети столпились около дверей автобуса. Расталкивая всех, Петя первым хотел было войти в автобус, и тут один из ребят возьми да и скажи: «Вот ведь здесь первым лезешь, а в классе двойку схватил».

Не задумываясь, как-то неожиданно я пошутил: с двойками, мол, подвозить не буду.

Петя так и замер на месте, а потом медленно, не поворачиваясь, как это делают виноватые, вылез из автобуса. Я не вернул его и закрыл двери. Остался какой-то неприятный осадок, будто я обидел человека. Да еще кто-то из пассажиров сказал, что я бездушный. Оправдываться не собирался, и чтобы успокоиться, дал два длинных сигнала петуху, который, перебежав дорогу, скрылся под воротами.

Мысль о мальчике не оставляла меня. Хотелось его увидеть: я почувствовал, что моя шутка обернулась серьезным.

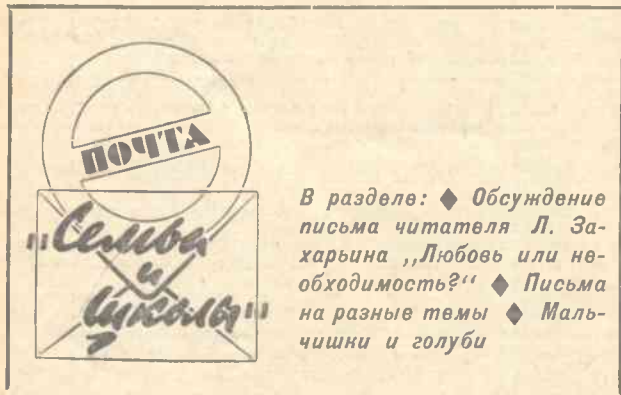
Через несколько дней ученики снова садились в автобус. Среди них я увидел Петю, и взгляд мой задержался на нем дольше, чем на других. Он понял, что я его ищу, с раскрытой тетрадкой подошел ко мне:

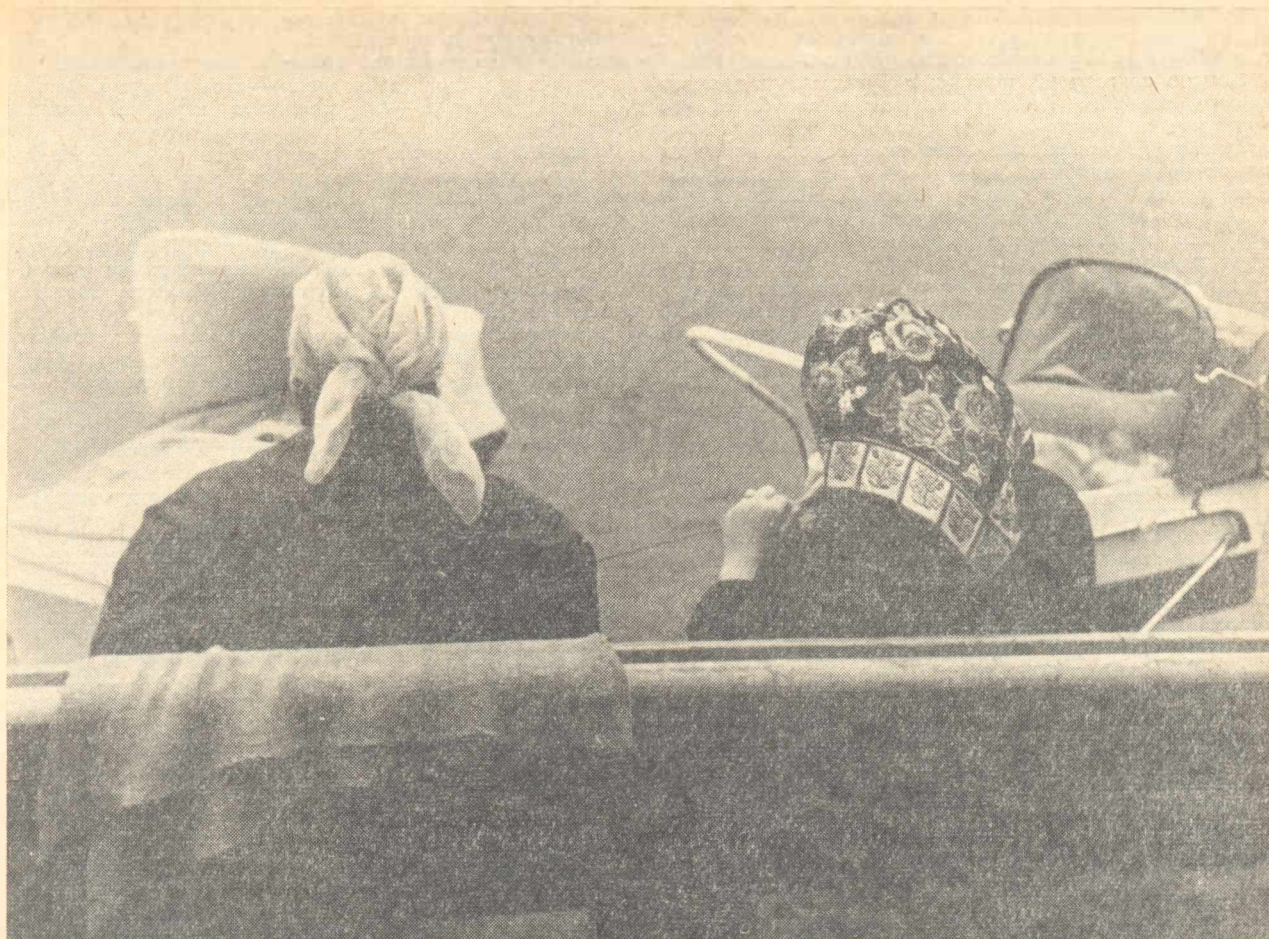
— Вот смотрите!

В тетради под решенными задачами краснела аккуратно выведенная пятерка, а возле нее подпись учительницы.

С моего сердца свалился большой груз.

А. КАБАНЦОВ
(поселок Краснокутск Харьковской области Украинской ССР)

● ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Мальчишки и голуби

Дорогая редакция! Многие школьники имеют голубей. Некоторым мальчикам родители запрещают завести этих птиц, объясняя все просто: «Из голубятника хорошего человека не вырастет».

Мой сынишка тоже завел голубей. И я их полюбила. Но сын вдруг стал гонять голубей, как и все остальные голубятники — соседи. Я представила, что, вероятно, идя по стопам своих более «опытных» товарищей, он в скором времени займется обменом своих птиц. Это-то меня и настораживает. Сначала обмен, потом торговля птицами...

Может, я и не права. Мне бы хотелось прочитать о голубях и объяснить своим детям, для чего они вообще предназначены.

М. ИВАНОВА
(поселок Хром-Тау Новороссийского района
Актюбинской области Казахской ССР)

Заранее предвижу, как заядлый скептик удивленно всплеснет руками: вот, мол, проблема — мальчишки и голуби! Тем не менее это проблема. И не маленькая. Не надо быть особенно наблюдательным, чтобы увидеть непреходящий ребячий интерес к этим птицам. В каждом городе, селе, на стройке сотни, тысячи, десятки тысяч голубятен. Как правило, совладельцы каждого птичьего домика — целая ватага ребятишек. Вот и получается, что нередеющее племя голубятников насчитывает миллионы мальчишек. Однако само по себе это количество — еще не проблема. Это только введение в проблему.

Принято считать, что голубеводы делятся на «декораторов» — любителей декоративных пород голубей — и спортсменов-голубеводов. И те и другие с отчаянной решимостью отстаивают именно свое увлечение. И те и другие, вероятно, по-своему правы. Но есть, к сожалению, еще и третья категория голубятников, которые ни в грош не ставят ни очарование стремительного полета сильных птиц, ни их красоту. У них другой интерес. Подкараулив и сманив чужих голубей, они отправляются на базар или тут же, возле голубятен, сбывают добычу, передают из рук в руки помятых взъерошенных птиц, считают рубли и трешники. Эти пареньки, занявшись голубиным промыслом, как правило, энергичны, ершисты и хулиганисты. Именно этих ребят имеют в виду родители, когда ут-

верждают, что из голубятника хорошего человека не вырастет. Конечно, можно понять родительскую тревогу, когда сын заводит голубей: не увлечет ли его сомнительная популярность тех парнишек, у которых голуби — только предмет купли-продажи?

Обидно за голубей, ставших в руках юных дельцов ходимым товаром. Ребята, торгующие голубями, как курицами, забывают, а чаще просто не знают о великодушных качествах пернатых скороходов, извечных помощников человека. Эти качества помогли голубям стать героями почти легендарных событий...

...Вторая мировая война. Фашистские самолеты обнаружили и забросали глубинными бомбами английскую подводную лодку. Субмарина успела сообщить по радио о своих координатах на базу, сделать маневр и лечь на дно, чтобы переждать атаку. Когда опасность миновала, экипаж подлодки обнаружил, что рули и система подъема повреждены. Подводные течения отнесли неуправляемый корабль на четыреста километров от места боя. Для спасения лодки была отправлена целая эскадра, но вернулась она ни с чем.

Связь на глубине не работала, и моряков ожидала неминуемая гибель. Оставался последний шанс связаться с базой: на лодке было два почтовых голубя. Их поместили в специальную капсулу и через торпедный аппарат выбросили наружу. Теперь только ждать...

Помощь пришла на вторые сутки. Спасительницей моряков оказалась голубка. В шторм, преодолев сотни миль над океаном, она принесла на базу новые координаты лодки. За этот подвиг голубка была награждена высшей специальной наградой Великобритании. Ей поставлен бронзовый памятник. Она навечно зачислена в экипаж спасенной субмарины.

Издавна человек использовал удивительную способность голубей безошибочно ориентироваться, за тысячи километров возвращаться к своему гнезду. В древнем Египте голубиная почта существовала за много веков до нашей эры. Крылатые почталыоны доставляли сообщения о стихийных бедствиях, войнах, победах. Около десяти веков назад на территории Ирана существовала сеть почтовых башен с голубями — прообраз современного телеграфа. Тогда хороший «почтарь» ценился наравне с арабским скакуном. Именно тогда и был выведен современный почтовый голубь — птица удивительной выносливости, покрывающая огромные расстояния с большой скоростью.

К началу первой мировой войны в европейских армиях имелись специальные подразделения связи, «вооруженные» почтовыми голубями. Лишь в последние годы военные отказались от услуг голубиной почты —

ее вытеснила усовершенствованная радиосвязь. Теперь голубеводам, казалось, остались лишь спортивные соревнования и выставки декоративных пород...

Вот тут-то малолетний поклонник голубиной коммерции и присвистнет: «Скучно. Выставки всякие, клетки-канарейки. То ли дело — пять минут побегать, поймать «чужака» — и трешка в кармане. Азарт!» Азарт?

Голубей еще рано списывать лишь в музейные экспонаты. Еще не разгадан уникальный механизм ориентации голубей. И кому, как не сегодняшним ребятам-голубятникам, через год-другой бок о бок с учеными решить эту загадку природы. И тогда будут сконструированы миниатюрные навигационные устройства — механические и электронные аналоги биологических систем.

Именно с целью создания навигационных устройств, систем наведения ракет военно-морские силы США изучают полеты голубей на дальние расстояния. На спине голубя укрепляется миниатюрный радиопередатчик на полупроводниках, а траектория полета определяется с помощью высокочувствительных радиопеленгаторов. Да, технические возможности голубиной «механики» ждут еще своих первооткрывателей.

Ребята жаждут азарта — а разве эта работа не азартна? А те же выставки декоративных пород голубей? Разве они так уж пресны, что не смогут заинтересовать мальчишек? Ведь каждый раз, попадая на такие выставки, встречаешься с истинной красотой — результатом кропотливого труда сотен голубеводов.

...Но по-прежнему ребята тащат на рынок птиц. В чем же дело? Дело в организации, которой... нет. Нет Всесоюзного общества голубеводов. Нет организующего центра. Те общества и секции, которые существуют абсолютно обособленно, разбросаны по городам страны. Действуют они на свой страх и риск. И как результат этой полусамодельности — отсутствие авторитета. Подростки не идут в эти секции, а часто просто и не знают об их существовании. Пример: в Москве 20 тысяч голубятен, минимум 100 тысяч голубятников, а городское общество голубеводов насчитывает всего несколько сотен человек. В стране почти начисто отсутствует специальная литература по голубеводству. Можно еще перечислять и перечислять эти беды. Но, по-моему, уже и так ясно, почему родители начинают беспокоиться, когда их сын заводит голубей: птичий рынок пока обладает большей притягательностью, чем все явные, но не известные подростку прелести голубеводства.

В. ДЕМИДОВ

Говорят дети

Вера очень любит цветы. Но что рвать их без разрешения нельзя, она уже знает.

Пошли в парк. На дорожках, на газонах — всюду желтым-желто от одуванчиков. Вера кинулась срывать их.

— Нельзя, Верочка, рвать цветы.

— Но ведь они же без разрешения растут!

— Мама, я знаю: дядя Ваня — тракторист, он делает землю мяг-

кой. А тот дядя, что ездит с бороной, он «боронист» называется, да?

— Лена! Спи сейчас же, а то уже второй час пошел.

— Куда?

— Мама, пойдем на улицу!

— Там холодно, нос нельзя высунуть.

— А мы нос спрячем и пойдем!

Из разговоров Алеши (2,5 года):

— Алеша, у тебя есть характер?

— Нет, у меня трактор есть!

— Если в луну выстрелить, она упадет?

— Это у меня гостеный костюм, а это доменный.

— Почему патефон не музыкается?

— Подушка меня совсем засонила.

— Я берегу свою тихоту, чтобы потом не шуметь.

Записали наши читатели Т. МОРОЗОВА (Ленинград), А. ВИСКОВА (г. Горький), О. ГРИГОРЬЕВА (г. Клецк Минской области Белорусской ССР), Л. СТРЕЛКОВА (г. Барнаул)

РЕБЯТАМ ПОМОГЛИ

Из города Калинина, от ребят с проспекта Победы было получено письмо о том, что им негде заниматься спортом.

Заместитель председателя исполкома Калининского горсовета тов. Смирнов сообщил редакции, что заявление ребят рассмотрено. У дома № 14/2 на проспекте Победы оборудована волейбольная площадка, управление домами № 6 выделило стройматериал для спортивной площадки.

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

В. ЕЛАГИН (г. АЛМА-АТА). ГРУСТНЫЙ ДЕНЬ

„ЛЮБОВЬ

ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?“

МОЖНО ЛИ ЛЮБИТЬ НЕПРИЯТНЫЙ ТРУД?

Хочу сразу сказать: тема конференции, на которой пришлось выступить т. Захарьину, — «Воспитание в детях любви к повседневному домашнему труду» — сформулирована, по-моему, очень четко и правильно. И в этом я расхожусь со взглядом автора письма «Любовь или необходимость».

Важно не только научить детей трудиться. Еще важнее уметь находить интересные стороны в любом труде, даже на первый взгляд неприятном. А где интерес — там и любовь.

Это кажется абсурдом: неприятный труд и любовь к нему. Но все зависит от характера воспитания и прежде всего от примера взрослых. Я думаю, тов. Захарьин ошибается, полагая, что привил детям привычку к труду лишь путем напоминания о его необходимости. Больше всего на них, несомненно, действовал пример отца, а говорить при этом можно что угодно. Ведь отец, наверно, дома больше делает, чем рассуждает о нелюбви к домашнему труду. Поэтому и дети его выполняют домашнюю работу с удовольствием и гордостью.

От одного сознания необходимости приготовить доброкачественную пищу борщ не станет вкусным. А вот если к такому сознанию прибавить любовь, тогда можно с уверенностью сказать, что обед выйдет на славу.

Существенно и то, кто будет пользоваться результатами труда. Самое неприятное дело, сделанное для любимого человека, покажется приятным и любимым.

Немаловажно также и настроение, с которым берешься за дело. А оно зависит и от формы приглашения к работе: будет ли это приказ или просьба помочь.

Если ребенок с раннего детства приучен с желанием и любовью убирать игрушки, поливать цветы, то не так уж трудно приучить его вымыть посуду, подмести пол или сходить в магазин.

Конечно, малоприятна большая стирка до седьмого пота. Но ведь можно большое белье отдать в пра-

См. № 4 и 5 «Семьи и школы» за этот год.

чечную, а мелкое стирать по частям. Малопрятна и генеральная уборка квартиры в воскресенье. Но ведь и эту работу можно значительно облегчить с помощью детей и более разумно распределив ее в течение недели.

У меня двое детей — шести и двух с половиной лет, я работаю, а муж постоянно в командировках. Так что домашних дел много. Но скажу откровенно и без ханжества: с любовью и удовольствием делаю любую домашнюю работу — мою посуду, стираю, глажу, убираю в комнате, купаю детей. Этому же учу своих дочек. Стараюсь, чтобы любая домашняя работа заинтересовала их, чтобы результат труда радовал. Старшая с нетерпением ждет моей проверки после стирки мелкого белья. У нее радостно блестят глаза, когда я все приму и похвалю, но она смущенно опускает их, если что-нибудь забраковано. Младшая с удовольствием убирает книги и игры, потому что знает: игрушки и книжки «любят лежать на своем месте», они «недовольны», если останутся разбросанными.

Правда, не всегда у девочек бывает желание сделать нужную работу. В этом случае помогает мой пример, убеждение или просьба. Изредка полезно и прямо приказать, не допуская споров и пререканий.

Конечно, дети должны сознавать необходимость участия в домашнем труде. Но еще важнее приучить их делать эту работу с желанием, с любовью.

В. ИВАНОВА
(Москва)

ЗА СЫНА НЕ БОЮСЬ

Я полностью согласна с Л. Захарьиним. Домашний труд — не любовь, а необходимость. И только систематическое и обязательное участие детей в домашней работе привьет им правильный взгляд на тот труд, который они в будущем сами выберут.

Я росла в деревне, была старшей в семье (детей было пятеро). И хотя мама сама вела домашнее хозяйство, она требовала от меня (а не убеждала и не завлекала) мыть всю посуду и участвовать в стирке.

Я и сейчас все делаю так, как меня учила мать. Но вовсе не потому, что люблю стирать белье. Я люблю свою семью и потому все делаю, чтобы дома было чисто.

ЛЕТНЕЕ

Василий БОЧАРНИКОВ

В ДОРОГЕ

Еще грибы не вышли из пеленок, еще ржаной не вызрел колосок. На зорьке пробует перепеленок свой чистый неокрепший голосок. В труде малина копит капли

солнца — приманку, чтоб ребят сюда влекло. А на лесной поляночке-оконце тетеревята встали на крыло.

Иду, друзья, мне нужно видеть много, ищу всегда, чтобы свое открыть, и радуюсь: жизнь добрая и строгая, умей

самим
собой
лишь
быть.

У РОДНИКА

Напился я из родника, на зубе скрипнула песчинка. Легонько отвела рука в щеку кольнувшую травинку. Луг стих под солнцем навесным, лишь куличок свистит в болоте... Мир прост и полон новизны, когда опять идешь к работе.

ЗАПАХ СВЕЖЕГО ХЛЕБА

До чего же всесильен
Запах свежего хлеба!
Он над всюю Россией,
он до самого неба.
Им пропахли и руки,
и машин кузовища,
и речные излуки,
и родные жилища.
Славим хлеб свой насыщенный:
будет он — будем живы.
Эта добрая сущность
бьется истари в жилах.
Нет, не будет он пресен —
посолили работой,
и не будет без песен
даже в трудных заботах.

ПОЙТЕ, ПТАХИ!

Все туман окутал парусиной:
гладь реки, прибрежные леса...
Я шагаю по траве росимой
прямоком на птичьи голоса.
Пойте, птахи, славьте это утро,
что плывет по нашим деревьям.
Я шагаю на свиданье к уткам,
к хитрым красноперым окуням.
В сердце — жар в предчувствии
рыбалки,
все во мне, как в детстве, говорит!
Только жаль — не буду ждать
русалки,
потому что дома безмятежно спит.

Так же воспитываю и детей. У меня их трое. Старший, восьмиклассник Саша, делает все: и полы моет, и обед готовит, и тоже гордится, что может вкусно приготовить. Однако я не сказала бы, что он любит домашнюю работу, но он прекрасно понимает, что мама и папа на работе и нужно все сделать, так как родители придут домой усталые. Я всегда с ним разговариваю как со взрослым. Он меня понимает, и я горжусь таким сыном. Саша и учится хорошо, он комсорг в классе. Я не боюсь даже, если ему трудно будет в жизни — уверена, он справится. И профессию выберет и овладеет ею с любовью.

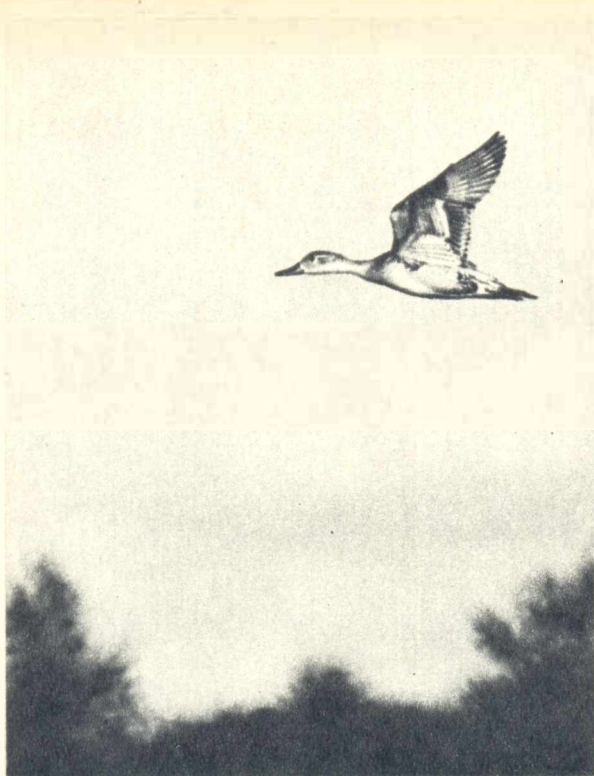
Младшие, Боря и Вова, пока еще не так добросовестно, как Саша, относятся к домашней работе. Они знают прекрасно, что нужно сделать, но могут (специально) «за-

быть», надеясь, что за них сделает Саша. Но я таких вещей не прощаю и сама не забываю, кто и что должен сделать. Я от них требую, чтобы они равнялись на Сашу, и четко распределяю работу — по возрасту, по силе, по способностям. Скажем, Саша меньше любит ходить в магазин, а Борис, наоборот, покупает все с таким умением и сообразительностью, что порой и взрослый так не рассчитает.

Домашний труд не так обременителен, от него ребенок с ног не свалится. Но важно, чтобы он знал, что у него есть обязанности и что их надо выполнить независимо от того, нравятся они или нет. В то же время пусть он всегда помнит: если сделано хорошо — маме будет приятно.

Ю. КАЗАКОВА
(г. Новосибирск)

НАД ЗАРОСШЕЙ ПРОТОКОЙ
СО СВИСТОМ ПРОНЕСЛАСЬ УТКА

ВЕЛИКАН-ЛОСЬ ВЗДОХОМ ПРОВОДИЛ УЛЕТАЮЩИХ ПТИЦ

ГЛУХАРИ

● ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

В. АРБУЗОВ
(г. Киров)

С. РЯГИНА. ВСЁ ВЫШЕ.

1934 год.

В. САМОХВАЛОВ. ДЕВУШКА В ФУТБОЛКЕ.

1931—1932 годы.

О НОВОМ МИРЕ

А. Н. Самохвалов принадлежит к тому поколению советских художников, чей творческий путь начинался в первые годы становления советского искусства.

Это был период бурного роста новой социалистической культуры, время, когда складывались новые эстетические принципы. В искусстве это время отмечено подлинными открытиями, серьезной переоценкой старых художественных ценностей.

Художники, пришедшие в искусство в 20-х годах, были захвачены переменами, происходившими в окружающей жизни. Творческая молодежь, среди которой мы встречаем и Самохвалова, прекрасно чувствовала свое время. Она жила мыслями и думами нового поколения. Именно для этой молодежи было характерно стремление к поискам новых выразительных средств искусства, способного рассказать о времени ярким, образным языком, способного передать ее романтический порыв.

Упорно овладевая в эти годы профессиональным мастерством, Самохвалов среди художников старшего поколения выбирает своим учителем К. Петрова-Водкина, подлинного новатора в искусстве, открывшего нам удивительно новый мир человеческих образов, глубоко национальных и демократичных в своей основе.

Однако Самохвалов не стал подражателем большого и самобытного художника. У молодого мастера определился свой круг образов, своя тема в искусстве.

В 20-х — начале 30-х годов Самохвалов много работает над портретом. Именно в этом жанре он находит для себя, для своей творческой индивидуальности наибольшую возможность отразить новую действительность. В лучших своих работах этих лет — «Молодая работница», «Метростроевнка», «Вузовка» — художник создает глубоко типичный образ своей современницы. Он дает собирательный тип нового советского человека.

Наиболее ярким и, если можно так сказать, «эпохальным» решением этого образа явился портрет молодой спортсменки, вошедший в историю советского искусства под названием «Девушка в футболке» (1932 год).

По глубине социального содержания, по силе образного и живописно-пластического решения эта работа стала самым выдающимся произведением в творчестве Самохвалова. В ней много искреннего, неподдельного чувства восхищения художника молодостью, энергией, жизнелюбием, душевной красотой комсомолки-активистки, чей облик несет в себе неповторимые приметы той замечательной эпохи.

Особенностью изобразительного языка этого произведения является

предельная ясность и простота. Фигура девушки, изображенная крупным планом, занимает почти всю поверхность холста. Этим художник достигает впечатления монументальности и значительности образа. Изображение дано на светлом фоне, что усиливает роль силуэта, который отличается здесь особой гармонией форм.

Композиционная четкость, ритмичность линий, подчеркнутая чередованием белых и черных полос футболки, создают ощущение спокойствия, силы, пластической красоты. В сдержанной цветовой гамме, мягко моделируя форму, художник пишет лицо и руки девушки. Лицо ее, безусловно, индивидуально портретно: широкое, несколько скуластое, с характерно очерченными ртом, с открытым, прямым взглядом живых и умных глаз. Перед нами волевой, сильный духом человек.

Художник любит здесь красотой молодости, красотой энергии, цельностью человеческого характера. Он заставляет всем этим любоваться и нас. В этом и заключается непреходящая ценность художественного произведения, которое не только «документ эпохи», имеющий «исторический» интерес. Подлинное произведение искусства создает общезначимые человеческие ценности — они не исчезают вместе с эпохой, их породившей, а вызывают чувство восхищения и у последующих поколений. Именно к числу таких произведений и относится «Девушка в футболке» Самохвалова.

...Внимательным изучением быта советского человека отмечены работы художницы С. В. Рянгиной 20-х — начала 30-х годов.

В старей, привычный уклад жизни вошло новое. Оно постепенно изменяет привычки людей, их сложившиеся веками представления. По складу своего художественного дарования Рянгина — мастер бытовой жанровой картины, в которой преобладает повествовательное, сюжетное начало. Ее работы «На кухне», «В мастерской художника», «Красноармейская студия изо», «Рабочий-изобретатель» — это сцены привычной, будничной жизни людей.

Как широко раздвинулись границы представлений художницы о жизни, когда творческие командировки в Среднюю Азию, на нефтепромыслы Баку и на Урал дали ей новые жизненные впечатления, показали жизнь страны в широком масштабе, заставили ощутить размах больших строек и преобразований. Камерность, интимность первых жанровых картин сменяется настоящим поисками иных художественных образов, в которых бы пульсировал ритм новой, преобразованной действительности.

Своих новых героев Рянгина нашла на строительстве первой в Союзе электрической железной доро-

ги, соединившей Большой и Малый Кавказские хребты. Художнице встретила здесь величественная природа Сурамского перевала: сияющие снежные цепи гор, глубокие зеленые долины.

Однако яркое впечатление от кавказского пейзажа не заслонило от нее самого главного. Она поняла, что люди, пришедшие сюда, чтобы победить природу, завоевать ее неприступные вершины, и являются собой поистине ценное, характеризующее собой рождение новой эпохи. Так созрел замысел картины «Всё выше», ставшей яркой страницей не только творческой биографии Рянгиной, но и этапным произведением в истории советского изобразительного искусства. Все выше и выше поднимаются махты высоковольтных передач, протягиваются сверкающей лентой электропровода. Художница прекрасно передала головокруглятельную высоту, на которую поднялись двое — юноша и девушка, молодые, красивые, сильные.

Рянгиной удалось в картине найти приподнято-романтическую художественную форму, которая прежде всего заключается в остро-динамическом композиционном построении. Здесь очень оправдана высокая точка зрения — с головокруглятельной высоты махты в горах взгляд зрителя стремительно падает вниз, в долину, где мчится катящийся игрушечный поезд, белеют крохотные домины и вдалеке уходят бесконечные ряды гор. Идея картины подсказала художнику новые, динамичные формы выражения, — в эмоциональном строе поэтического образа есть ощущение свободного порыва, непреодолимого движения вверх, и завоеванию новых высот.

Именно благодаря большой эмоциональной силе, заключенной в величественной картине природы, образы молодых строителей приобретают черты большого обобщения, поднимаясь до символического звучания. В них есть радостное утверждение красоты созидания, смелого полета человеческой мысли, что было так характерно для настроения советской молодежи 30-х годов. И действительно, во всем облике героев картины мы узнаем эту эпоху. Открытые, энергичные лица, крепкие рабочие руки, красота силы, молодости и здоровья.

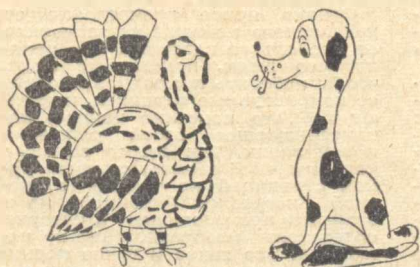
Мягкая живописная форма передает ощущение воздуха, света, пространства, усиливает в картине звучание лирического подтекста.

Художественное достоинство произведения Рянгиной «Всё выше» заключается в том, что автору удалось найти удивительную гармонию внешней и внутренней красоты человека, раскрыть в романтическом строе произведения большую правду своего времени.

Г. ПЛЕТНЕВА

ВАСЯ В ДЕРЕВНЕ

Я первый раз в жизни был в деревне у бабушки Лены. Как там хорошо! Утром куры просыпаются, потягиваются, крыльями машут, а петух кричит им прямо в ушко: кукареку! А куры сердятся, что их петух пугает, и кричат: кудах-тах-тах! Кудах-тах-тах! Вот у тебя, бабушка Зина, на даче нет уток, а там — как услышат петуха утки — такие бояки, всего боятся, — скорее к берегу и плюх в воду!..

А у бабушки Лены собака Жук, знаешь, какой сильный! Он с волкодавом запросто справляется! Он как увидит какую-нибудь ядовитую собаку — сейчас же ее раздавит!

Я там видел водокачку — она воду наводокачивает!

Вот у тебя, бабушка, на даче лучше, чем у бабушки Лены. У тебя тишина... Только птички поют... А у бабушки Лены такой шум, прямо жить невозможно! Жук лает, гоняется за цыплятами, утки крикают, коровы мычат, петух кукарекает... Ужас какой шум! Бабушка Лена однажды прилегла отдохнуть и заснула. Вдруг что-то как рывкнет! Бабушка подскочила и подбежала к окну, а там Жук с Букетом дерутся! Букет знаешь какой тихий! Он такой послушный! Скажешь ему: лежи! — он лежит... Скажешь ему: спи! — он спит... Вообще — умный пес. Он мотоцикл дяди, что у сарая стоит, стережет. Так? Двор стережет. Так? Куры, утки чтоб не подрались, должен смотреть. Знаешь, он даже большой кирпичный магазин стережет — вот какой Букет!

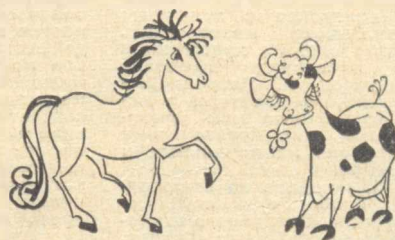
А ты не видела, как соседская кисанька подошла к нашему кусту, на котором розы растут? Она лапками притянула розочку и понохала ее...

Я люблю гоголь-моголь. У бабушки Лены возьму яичко — раз! — и съем! У нее много куриных и утиных яиц... Там есть курица — самая теплая! Подложат под нее выгравать яички. Сидит, сидит — выгревает... Вдруг из-под нее: кря-кря... Курица подскочит, оглянется — что такое? Цыпленок не похож на всех. А это ведь утенок вылупилсь. Вот здорово!..

Ой, там лошадь пробегала — подметки у нее железные! Молодец дяденька, что подметки ей подбил, а то бы она ноги поранила...

Однажды я с папой поехал на лошади. Едем, а из-под копыт у нее искры летят! Люди в стороны разбегаются — боятся, чтоб их током не ударило!

А мы с папой мотогонщика как делали? Сзади металл — так? Потом туда пластилин, из пластилина колеса! Как заведешь, колеса огнем стреляют! Из-под колес искры так и летят, так и летят! Мотогонщика запросто можно сделать, бабушка!..

Я у бабушки Лены цыплят воспитывал. Вот пойдет один цыпленок — я его возьму в ручки и поставлю в сторону. Потом другого, потом третьего... И так всех в ряд... «Стойте!» — говорю. Потом поставлю шест, и они быстро лапками взбираются. А внизу я постелил мягкое, чтоб им не больно было прыгивать. Я их там всех воспитывал! Я и уток водил на ряску к реке. Маленькие уточки с берега в воду — прыг, прыг! А я возьму двух больших уток за хвост и подтолкну их, и они, как торпеды — жжиг! — под воду. Они и зарядку у меня делали: я возьму уточку за шею, она — кувырк! — и перевернется. Я ее поставлю на землю, потом другую... А потом, там был цыпленок-канатоходец! Да! Я поставил шест и протянул веревочку. Цыпленок подпрыгнет, ухватится крылышками и передвигается по веревочке...

А раз я связал двух больших уток и пустил их на воду, а на спинки им посадил маленьких утят — они плывут себе, как в автобусе!

Однажды я вижу: на земле ласточка лежит... Птичка хочет встать, пойти — не может... Я взял ее в ручки и пошел к маме. Мама ее приласкала. Мы дали ей водички. Потом насыпали в бидон песку, положили туда птичку и отнесли домой.

Когда она выздоровела, она с нами ходила ку-

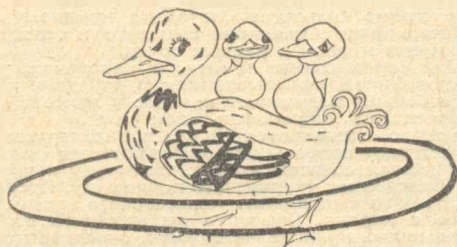
В разделе: ♦ Путешествие по родной стране
♦ Лесное лето ♦ Сделай сам! ♦ Сладко ви-
шневье ... ♦ Для малышей ♦ Нарядная одежда

паться. Умоется, помоем головку, и даже ножки мыла. Вспорхнет и полетит! Она ко мне привыкла. Утром она меня будила. Подлетит к окошку и в стеклышко клювиком — тук-тук! А папа спрашивает: «Ой, кто это? Кто это стучит?»

Когда мы уезжали — она нас провожала. Когда мы селись в вагон, она все летела и к окошку подлетала! А я ей через стеклышко пальчиком грозил — не подлетай близко! Лети туда! Туда!

Бабушка, давай-ка я уже съем шоколадную медаль, что ты мне подарила, а то я буду волноваться и волноваться... А зачем? Правда?..

Рисунки Л. Сергеева

Природа у нас дома

Краса САДА

Вкусна вишня! Недаром в старину ходила поговорка: «Сладко вишенье, да барско кушанье». Кто не любит вишневое варенье? А как аппетитен кисель или компот из вишни! Вишневый сок прекрасно утоляет жажду. Вишня лечит: ее плоды очень полезны малокровным. Да и у самого вишневого дерева много хороших качеств: оно не боится морозов, быстро вступает в пору плодоношения, урожай приносит большие и ухода много не требует. Поэтому не удивительно, что по количеству деревьев вишня занимает у нас второе место после яблони.

Хотите посадить вишню? Правильно. Но учтите, что почти все ее сорта нуждаются в перекрестном опылении. Плоды будут завязываться только при опылении цветков пыльцой другого сорта. Поэтому в садах обычно высаживают 3—4 сорта вишни.

Очень популярен и распространен старинный русский сорт Владимирская. Его плоды славятся прекрасным вкусом и красивой темно-красной окраской. Урожайность — средняя. Хорошими опылителями для Владимирской будут сорта Шубинка и Любская.

Сорт Любская привлекает садоводов высокой урожайностью и быстрым вступлением в пору плодоношения. Уже на второй год деревца приносит первый урожай. Плоды поспевают в начале августа. Они особенно хороши для приготовления варенья, домашнего мармелада, компотов, сока.

Интересны сорта, выведенные И. В. Мичуриным: Плодородная Мичурина, Ширпотреб черная, Полёвка. Краса севера и др.

Плодородная Мичурина отличается высокой урожайностью. Плоды крупные, красные, с кислым вкусом.

Ширпотреб черная имеет крупные темно-красные с сильным ароматом плоды. Вкус десертный. Урожайность высокая.

Краса севера — один из ранних сортов. У него крупные сочные кисло-сладкие плоды.

Полёвка выделяется своей неприхотливостью. Сорт этот дает обильную буйную поросль, поэтому ее можно использовать для закрепления оврагов и создания живых изгородей. Небольшие кусты обильно усыпаны сочными розовато-красными плодами. Сорт приносит высокие урожаи, рано плодоносит, отличается зимостойкостью, хорошо развивается в Костромской, Ивановской, Калининской, Московской областях. Плоды сорта очень хороши для различных домашних переработок.

Селекционер А. Н. Веняминов из Мичуринска вывел сорт Черноплодная. Плоды — аппетитной черной окраски, с темно-красной мякотью, сочные, очень вкусные. Это один из лучших сортов для Тамбовской, Липецкой, Воронежской и других областей.

В последнее время садоводы заинтересовались войлочной вишней. Свое название она получила благодаря листьям — они покрыты пушном. Эта дальневосточная красавица может принести первый урожай уже на третий год после посева косточек. А спустя еще два года отдельные кусты принесут до семи килограммов плодов!

Стоит только посмотреть на войлочную вишню в пору плодоношения, и вы станете горячими поклонниками этой новой садовой культуры. Сладкие, освежающие плоды так густо облепляют ветви, что те гнутся к земле. И витамином С они богаче по сравнению с другими сортами. Войлочная вишня щедро плодоносит в Подмосковье и под Ленинградом, в Казахстане и на Украине...

Вишню обычно сажают двухлетними саженцами. Саженцы в виде куста должны иметь два-три стволика, а древовидные — один ствол высотой 30—40 сантиметров. Расстояние между рядами — 3—4 метра, между растениями — 3 метра. Высаживать вишню лучше в посадочные ямы диаметром 70 сантиметров и глубиной 40—60 сантиметров. При этом внесите плодородную землю и удобрения. Если почва кислая, добавляют известь.

Если вы решили посадить вишню весной, то все подготовительные работы надо провести все равно осенью.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

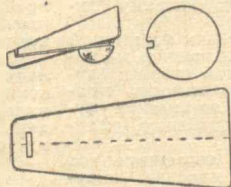
Сделай сам!

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Вы, наверное, наблюдали, как спортсмены метают диск. Он, вращаясь, далеко летит по воздуху и плавно опускается, планирует на землю. Со временем, очевидно, будут созданы летательные аппараты, похожие на диск. А пока сделайте модель подобного космического корабля — летающую тарелку.

Возьмите картон толщиной 1—1,5 мм и тонкую резинку длиной 8—10 см. Вначале по рисунку изготовьте пусковой аппарат, а затем летающую тарелку.

Запуск производят так: двумя пальцами оттягивают корабль на резинке и отпускают. Тарелка летит. Можно провести соревнование — чей космический корабль пролетит дальше.

АИСТЕНОК

Перенесите рисунок на картон. Аккуратно вырежьте туловище птицы и крыло. Сделайте прорезы в местах А и Б. Согните туловище птицы, как показано на рисунке, и вставьте крыло в прорезы. Аистенок готов. Запустите его, и он полетит.

СОЛНЦЕ-ХОЛОДИЛЬНИК

Если вы работаете на огороде или в поле и поблизости нет колодца с родниковой водой — не беда, солнце выручит. Налейте воду в бутылку и оберните ее мокрой тряпкой. Чем сильнее греет солнце, тем холоднее будет вода в бутылке. Под действием солнечных лучей вода, испаряясь, охлаждает тряпку, забирает теплоту от бутылки.

Отправляясь в туристский поход или за город, оберните масло поверх бумаги мокрой ватой или марлей. Несмотря на жару, масло сохранит свою свежесть.

СТО ЗАТЕЙ на голубом экране

Родители часто жалуются: телевизор отвлекает детей от игры, труда, спорта, превращает их в пассивных, бездумных наблюдателей. Но дело ведь не в самом телевидении, а в том, как им пользуются в семье.

Телевидение в силах значительно обогатить восприятие. Оно приближает зрителя к действию, тонко и точно передает ход событий, процессов, наглядно учит правильно работать. Особенно ценны в этом смысле телепередачи, помогающие техническому творчеству детей.

Научить малышей из простейших материалов конструировать игрушки, модели — вот цель передач «Сто затей двух друзей». Они пользуются большим успехом у детей, о чем говорят сотни писем в Центральную студию телевидения.

Мы просмотрели 800 детских писем. Примерно 70 процентов их авторов под влиянием телепередач пытались самостоятельно мастерить. Конечно, не у всех сразу получалось удачно. Но тут уже все зависит от приобретенного опыта.

Еще более популярны передачи «Клуба юного техника» для учащихся 5—8-х классов. Он дает практические советы по различным видам технического конструирования (авиамоделирование, радио, ракеты и т. д.), рассказанные главным образом на тех школьников, которые не имеют возможности заниматься на станциях юных техников, в Домах пионеров. Передачи ведут опытные инструкторы. Движения их рук на экране рассказывают больше, чем десятки страниц специальных руководств.

Наблюдая за этими движениями и слушая объяснение, юные телезрители легко усваивают способы изготовления моделей.

Специальные передачи посвящаются ответам на многочисленные вопросы юных техников. Не ограничиваясь этим, клуб по просьбе телезрителей высылает чертежи и схемы моделей, советует, где и как приобрести нужные детали.

Так что подобные передачи не только не обрекают юного телезрителя на пассивность, а наоборот, пробуждают его творческие силы, зовут к деятельности. Этому способствует сама специфика телевидения. В то время как в книге, журнале лишь словесно и с ограниченным количеством чертежей описывается конструирование модели, экран телевизора шаг за шагом и на настоящих деталях показывает сам этот процесс. Здесь действует и «эффект присутствия»: юные телезрители чувствуют себя непосредственными участниками занятия. Такое ощущение создается благодаря крупному плану, непосредственному обращению ведущего к телезрителю, демонстрациям модели с разных точек.

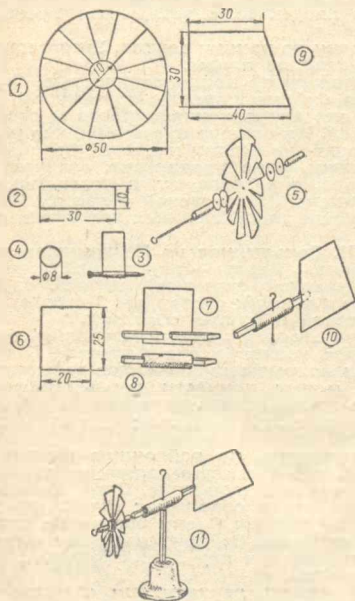
Элементы соревнования и игры в передачах, участие самих школьников, показывающих в действии свои модели, еще больше поднимают интерес у зрителей и пробуждают желание испытать свои силы.

Ребята живо откликаются на все происходящее на экране. Они задают вопросы, высказывают свое отношение. Они обращаются со всем этим к взрослому и ждут поддержки. Окажите им творческую поддержку. Предложите детям взяться за выполнение технического задания, предложенного с экрана. Помогите им наметить план действий, подыскать нужные материалы, отведите место для работы. Ваш живой интерес — лучшее средство поддержки детской инициативы и творчества.

Родителям следует разбираться в детских программах телевидения и следить за тем, чтобы ребята смотрели то, что для них наиболее полезно и интересно. Важно, чтобы они в семье встречали внимание и интерес, которого вполне заслуживают.

Д. ПОЛТОРАК

Сделай сам!

ВЕТРЯНОЕ КОЛЕСО

Оно делается из тонкого картона или плотной бумаги и имеет 12 надрезов (рисунок 1). Сделайте две разветки втулки из фольги (используйте пробку от молочной бутылки). Оберните фольгой гвоздь и снимите с него готовую втулку (рисунок 2). Вырежьте из бумаги две шайбы (ри-

сунк 4). Все сделанные детали насадите на канцелярскую булавку (рисунок 5).

Вырежьте прямоугольник из писчей бумаги (рисунок 6) и положите на него две части разрезанной спички (рисунок 7). Смажьте поверхность прямоугольника клеем и закрутите бумагу вокруг спички в трубочку (рисунок 8).

Из цветной бумаги вырежьте две одинаковые детали хвоста (рисунок 9), затем вклейте конец спички между двумя деталями хвоста, а в бумажную трубку воткните булавку (рисунок 10). Остается сделать отверстие в полиэтиленовой пробке от бутылки и прочно воткнуть в него спичку.

Произведите сборку модели: аккуратно соедините узел ветряного колеса с узлом хвостового оперения (рисунок 11). Булавку от хвостового оперения воткните в спичку, закрепленную в пробке.

Наденьте пробку, как наперсток, на третий палец правой руки. На улице при самом незначительном ветре ветряк будет не только крутиться, но и поворачиваться на вертикальной оси.

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

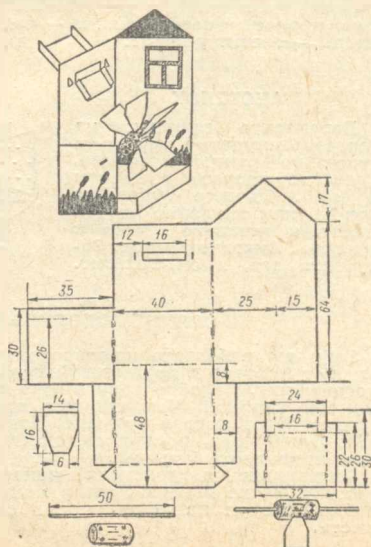
Сделайте домик. Его развертка видна на рисунке 1. Особенно точно выполните все внутренние вырезы и отверстия, потому что, пользуясь ими, соединяют детали. Домик согните по линиям сгиба (пунктир с двумя точками) и склейте. Модель раскрасьте.

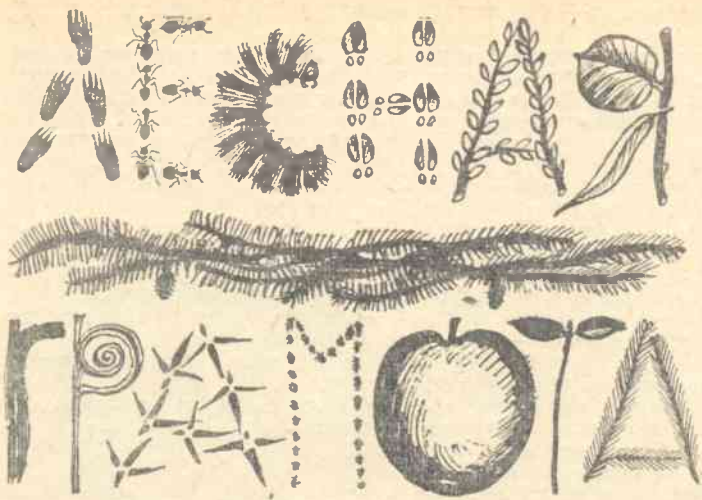
В пробке сделайте 6 надрезов ножом, как показано на рисунке 2. Из тонкого картона вырежьте 6 лопастей (рисунок 3). На клею укрепите их в

прорезях пробки (рисунок 4). Связав пробку пропустите ось из проволоки (можно взять вязальную спицу). Развертка лотка видна на рисунке 5.

Теперь соберите модель: ось с водяным колесом вставьте в малые отверстия домика. Как крепится лоток, видно на рисунке 6. Если готовую модель покрыть слоем жидкого парафина, она станет водонепроницаемой.

Н. ЛИТВИНОВА, А. ДМИТРИЕВ

Феликс ЛЕВ

Рисунки Н. Устинова

Про кого это?

Есть люди — живут в больших городах. Есть — в деревнях. А Мишка живет не в деревне и не в городе, а на кордоне у дедушки.

Кордон — это избушка прямо посреди леса. Другие дома неблизко, а тут перед окнами и куда ни пойдешь, ни глянешь — все елки, да сосны, да еще иногда кривые березы, да малина по вырубкам, да молоденькие посадки, да огромные муравейные кучи.

Есть еще возле дома запруда, которую Мишка с дедом каждую весну чинят и обновляют, чтобы не провало. Есть пруд, и в нем плавает большая водяная крыса — ондатра. А прячется на берегу в норе.

Рыжие белки живут в лесу и пугливые серые зайцы. А волков совсем нет, потому что их и не надо. Если бы волки были, они бы могли тащить овец или кур или даже задрать телка. Они бы выли зимой. И дедушка все равно бы их застрелил. Ведь у него есть ружье-двустволка, которое очень метко стреляет.

Дедушка не просто живет в лесу — он лесник. Он сторожит лес. А Миша ему помогает. Одна девочка, которую Миша встретил, засмеялась:

— Чего же лес сторожить? Он ведь без ног — никуда не убежит, не денется!

Вот и то, что деться может! Вдруг — лесной пожар! Вдруг — дрянной человек с топором придет? Вдруг заведется вредная гусеница, жучок? Вот и прощай лес!.. А что-бы этого не было, живет на кордоне лесник.

ЛЕСНАЯ ГРАМОТА

В отпуск, летом, я приехал на знакомый кордон. Устал с дороги, попил с лесником чаю и лег спать. А утром проснулся очень рано, оттого, что где-то далеко грохотало, шумело и разносилось по всему лесу.

Я подумал: это валят деревья, — и вспомнил, что рассказал мне вчера лесник.

Была-текла одна речка, широкая, глубокая, и по ней плыли пароходы, а в жаркие дни купались люди. А на берегу густой зеленый лес. И люди в деревнях сеяли пшеницу и рожь, сажали капусту, помидоры, картошку.

Но вот однажды сказал человек: лес — это прочные бревна и гладкие доски; это — комоды, столы, табуретки; это — белая бумага и жаркие дрова. И пришли сюда лесорубы — не один, не два, сразу тыща! На каждого лесоруба по дереву — вот и леса нет, весь срубили.

Стало здесь светло и чисто, много свободного места и далеко видно. Зато пропали все звери и птицы, и не стало грибов и ягод. А потом вдруг обмелела река: ведь это лес охранял раньше воду. И душные ветры днем и ночью стали сушить землю: ведь это лес не пускал их раньше. И поля начали плохо родить. Совсем пришло к людям горе! Стало голодно в их домах. Пароходы не могли больше плыть. Даже колодцы пересохли. А в воздухе пахло зноем и дымом. Только тогда люди поняли, что лес — не одни лишь комоды и бревна; лес — это зеленая прохлада в жаркий полдень, это много маленьких звонких ручьев, которые несут свою воду в большие реки, это полезный чистый воздух и сколько еще другого хорошего!

Я не утерпел и спросил:

— А что было дальше?

— Дальше люди посадили в землю семена и стали ждать, пока вырастет новый лес, — ответил мне Мишка, который уже слышал, наверно, эту историю.

— А долго он растет?

— Вот сколько лет мне, столько и нашему лесу, — сказал Мишкин дедушка.

«Ого, — подумал я, — значит, деревья и вовсе рубить нельзя. Срубишь, а после целых семьдесят лет ждать, пока вырастет!»

А лесник сказал еще:

— Если рубить только старые деревья, а молодые не трогать, — никакого вреда и не будет. Людям без досок и бревен тоже ведь не обойтись. Вот стол нужен, вот изба... Только лес надо рубить с умом, надо вот что знать: лесную грамоту.

ПЧЕЛЫ ОТРОИЛИСЬ

В лесу цветет липа, на каждой поляне полно разных цветов, и от этого всюду пахнет чем-то знакомым, душистым, сладким. Да ведь это же медом пахнет: подходи — бери! Вот и «берут» пчелы, и носят в свои ульи с раннего утра и до вечера — весь светлый день работают.

У деда было четыре улья. Из одного вылетела молодая матка и за ней другие пчелы — новый рой. Рой сел в саду на яблоньку. Старик взял куль из вывернутой еловой коры и смел туда пчел. Они его жалили. Одна прямо в глаз. Глаз оплыл, а дед смеялся: «Это полезно, когда пчела кусает!»

Вечером стало смеркаться. Пчелы тогда смирные. Дед взял дымарь и принес деревянные рамки с чистыми восковыми ячейками — сотами. Он составил рамки в пустой ящик, а сверху потрянул куль. Пчелы так и

посыпались грудой, будто не живые, а сухие, бумажные, и зашелестели. Он еще потрянул — еще посыпались и заползали. Дед их дымарем! Когда всех вытряхнул и они заползли в улей, он сверху постелил досточки (потолок) и поставил крышу (от дождя).

Пчелы в улье гудели, а некоторые выползали через щелочку-летку и снова заползали в улей. Дед был в фуфайке, а на лице — сетка. Только руки голые, где он держал дымарь. Это вроде чайника с носиком, откуда выходит дым. Внутри «чайника» разные гнилушки, березовый гриб, а позади — меха, чтобы раздувать там огонь. А пчелы дыму боятся, дуреют от него и не жалят.

ЛЕСОСЕКА

Там секут лес. Секут — значит валят деревья.

Я пошел туда, а мне навстречу по дороге ревели огромные грузовые машины-лесовозы. Они везли лес — длинные деревья, хлысты с обрубленными сучьями.

А где-то еще дальше визжали электрические пилы, с треском и грохотом валились деревья.

Это и была лесосека. Туда не пускают, потому что опасно: всюду валят деревья и может придавить. А те, кто там работает, знают, как

надо им беречься, и — где можно, где нельзя.

Когда шум на лесосеке затих, увезли все хлысты, сгребли и сожгли ветки, я пришел туда. Там на большой поляне, где раньше очень старые деревья росли, одни пеньки остались.

...На кордоне возле избы — грядки. На грядках не помидоры, не огурцы растут, а маленькие пушистые елочки и сосенки. Когда жарко, их поливают. И землю вокруг них тоже разрыхляют граблями. Все как на огороде! У елочек на грядках земля черная, а у сосенок песок — кто что любит.

Весной Мишкин дедушка, лесник, возьмет из лесного питомника саженцы — эти совсем еще маленькие сосенки и елочки — и они с Мишкой привезут их на лесосеку. Здесь их посадят. Будет расти новый лес.

НА ПОКОСЕ

Рано утром — Мишка спал еще — дед ушел на покос. Утром трава мягкая, в росе и хорошо косится. А кругом не жарко, потому что солнце еще не поспело.

Дед недалеко ушел и в обед вернулся домой. Он вернулся и стал на железном бруске косу отбивать, чтобы она острее была. Он по ней молотком стучал — тюк... тюк... тюк... А Мишка рядом вертелся и все просил:

— Дедка, возьми на покос... Ну возьми...

От удара коса греется в том месте, накаливается. И дед сказал Мишке: — Сходи, принеси воды.

Мишка мигом притащил полную кружку с водой. Дед макал молоток в воду, чтобы коса не трескалась.

К вечеру, когда жара спала, дед с Мишкой отправились на покос. Дед косил, а Мишка граблями ворошил сено, чтобы скорей просохло. Когда сено просохнет, можно его в

копны сгребать и сметывать на зиму в стога.

Они долго не работали, потому что дед был старый и скоро уставал. Он все ходил отдыхать на пенек возле высокой сосны. У сосны кора была содрана сверху донизу, будто когтем кто дернул. Мишка спросил:

— Кто это?

— Это гроза в дерево стукнула, — говорит дед, — молния.

— Она в землю ушла?

— В землю. Куда же еще...

— Значит, землю копать и ее выкопашь? Длинная стрела...

Дед подумал и ничего не сказал. Он сказал:

— Станешь ходить в школу, там и узнаешь. Учитель про все расскажет.

ЛЕСНОЙ ВРЕДИТЕЛЬ

Дед отправился обход делать своему лесу. Он ходил-ходил — весь лес обходил, а вернулся сердитый.

Дед сказал:

— Вредный жук-короед напал на деревья. Поест жук с каждого сучка кору — вот и погиб лес!

А Мишка спросил:

— Один жук разве может съесть большой лес? Разве жук такой большой?

— Да уж, большой! — отвечает дед. — Поменьше ногтя...

— А чего ж с ним не справятся?

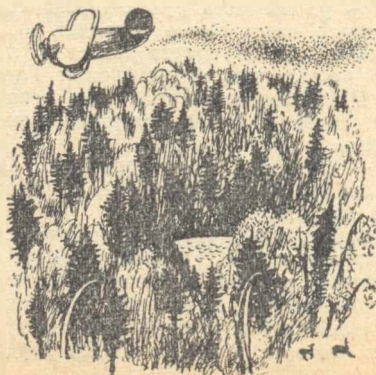
— Да ведь их столько, жуков! На каждом дереве, возле каждого сучка сидят и грызут, точат. И если их просто руками снимать с деревьев, то даже у всех людей рук не хватит.

И Мишка тоже тогда испугался и не знал: что же теперь делать?

А дед молчал. Он потом сел на высокий свой велосипед и уехал в деревню, в контору. Там стоит телефон. Дед позвонил по телефону. Он сказал:

— Жук-короед напал на лес. Пришлите помощь!

— Помощь будет, — ответили де-

ду в трубке. И дед вернулся на кордон.

А утром прилетел самолет. Он летал над всем лесом и всюду сеял, разбрасывал желтый ядовитый порошок.

— Ну, теперь короед забегает, да никуда не спасется, — сказал дед. И даже улыбнулся.

ОНДАТРА

Ондатра жила далеко. Очень далеко: в Америке. Там она купалась в большом озере. И ловила на обед лягушек.

У нее толстый хвост и гладкий густой мех. Она — как большая крыса, только не боится воды, плавает и даже ныряет. Так ее и зовут: ондатра — водяная крыса.

Потом ее посадили в самолет и повезли, а куда — она и сама не знала. Привезли самолетом из Америки к нам и здесь выпустили. Теперь в наших озерах тоже ондатры живут. И в этом вот пруду, на лесном кордоне.

Им у нас понравилось. Они любят есть траву-осоку и сочный камыш. И лягушек здесь тоже едят.

В пруду живут ондатра-папа и ондатра-мама. А весной у них будут маленькие ондатры-малыши. Большие ондатры для них и нору копают, для своих малышей. Они делают дырки в запруде. А Мишка с дедом все чинят запруду: новые колья забивают, землей забрасывают, чтоб вода из пруда не вытекала.

Мишка сердится:

— Отчего ондатра не в другом месте копает, а вот запруду?

— На то она и ондатра, чтобы норы делать, — говорит дед. — А здесь она оттого копает, что земля мягче.

ПОДАРОК

Собрался я уезжать домой в город. Побрился, оделся, сложил свой рюкзак и попрощался с хозяевами.

На прощанье дал мне старый лесник баночку меда. Сверху баночка закрыта бумажкой, завязана бечевкой. А мед все равно пахнет — лесными полянами, цветами, липой. Всю дорогу не даст мне забыть о лесе, и там, дома, тоже не даст...

А Мишка подарил самый обыкновенный глиняный горшок с землей. И больше ничего. Только велел поливать почаще. А сам улыбается так загадочно.

Я все исполнил: поставил горшок дома на табуретку и поливал всю зиму и потом все лето. И когда уже стал забывать про кордон, и про лес, и про Мишку, выросло у меня в горшке вот что: не цветок и не лесная трава-мурава, а настоящее маленькое дерево — елочка. И такие зеленые, пушистые, нежные были на ней иголки, так свежо пахла она смолой, такие в будущем обещала

лесные тенистые шатры, и грибы, и белку, что я вдруг стал думать: как же это получается, что в маленьком крылатом зернышке из обыкновенной шишки запрятано такое вот чудо? И все думаю...

Немного улыбки

ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Учительница прочитала детям несолько историй из жизни знаменитых изобретателей и потом обратилась к классу:

— Ну, а вы что бы хотели изобрести? Вот ты, Джейн?

Девочка встала и, зардевшись от волнения, сказала:

— Я хотела бы изобрести такую машину: нажмешь кнопку — и все уроки сделаны.

— Очень плохо, Джейн, — покачала головой учительница. — Так могут думать только очень ленивые люди. Вот Вилли сейчас скажет нам, что бы он хотел изобрести.

— Что-нибудь, что нажимало бы кнопку, — мечтательно сказал мальчик.

НЕОЖИДАННЫЙ ВЫВОД

— Мама, я думаю, наши новые соседи очень жадные.

— Почему ты так решил?

— О, мама! Если бы ты знала, какой они подняли шум, когда их ребенок проглотил пенни.

УРОКИ ДЕДА МОРОЗА

— Джорджи! Боже мой, от кого ты слышал это слово?

— От Деда Мороза, мама.

— От Деда Мороза?!

— Да, мама. Он сказал это слово, когда принес мне подарок ночью и в темноте споткнулся о стул.

В СЕМЬЕ ШОФЕРА

— Дороти, — сердито говорит мать. — Сколько раз я тебя предупреждала, чтобы ты не носилась как угорелая. Опять ты разбила графин. За это ты не получишь пирога на третье.

— Что это моя дочурка сегодня

такая тихая? — спрашивает вернувшийся с работы отец.

— Я оштрафована за превышение скорости, — грустно объясняет девочка.

ИЗ МОЛОДЫХ ДА РАННИЙ

— Джо, вот тебе десять центов. Обещай мне, что никогда не произнесешь это ужасное слово.

— Хорошо, мама.

Взяв деньги, мальчик с надеждой посмотрел на мать и сказал:

— Мама, а я знаю слово, которое стоит пятьдесят центов.

СЛОЖНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

— Папа, а что ты делаешь на работе?

— Да так, ничего.

— А как же тогда ты узнаешь, что все сделано и можно идти домой?

НА УРОКЕ АРИФМЕТИКИ

На уроке арифметики учитель обратился к классу:

— Если пирог разделить на две части, что будет?

— Одна вторая, — ответил класс.

— На четыре?

— Одна четвертая.

— На восемь?

— Одна восьмая.

— На шестнадцать?

— Крошки, — дружно ответил класс.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

— Джо, ты обещал больше не получать плохих отметок?

— Обещал, папа.

— Я обещал наказать тебя, если ты получишь плохую отметку?

— Обещал, папа. Но я же не сдержал своего обещания, зачем тебе выполнять свое?

(Из английского юмора)

Твоя страна

Г. ЦЫФЕРОВ

Туркмения

Зеленые цветущие оазисы. Там живут люди. А кругом песок, песок...

Ветер перекачивает песчаные горы. Горы ползут, как большие черепяхи. Если гору не остановить, песок постепенно завалит сады и дома.

До сих пор спит где-то под туркменскими песками город-сад.

А недавно в новом туркменском городе Небит-Даге люди разбили сквер. И постепенно песок засыпал его до самой макушки. Одни листики торчали. Красивый сквер вдруг

стал походить на желтого верблюда с зелеными ушами. И пришлось людям вывезти песок за город.

В одном городе такое можно сделать. Но как быть со всей пустыней? Ведь невозможно вывезти из нее весь песок. Его очень, очень много. Ученые подсчитали: местами слой песка доходит до двух километров. Что же делать? Песок надо задержать. А сухую землю напоить. Тогда пустыня станет садом. Только где взять воду?

Старые туркмены говорили так: «Мудрый человек и в пустыне найдет воду». Но неужели вправду в сухой пустыне есть вода? Да, есть. Только она под песками. Об этом знали давно. Но доставали воду там, где она была ближе к людям. Рыли ямы-колодцы. Колодцы были глубоки и полны воды. Поэтому про умного человека говорили: «В нем три колодца мудрости».

А теперь научились доставать воду с такой глубины, на какую колодец не вырастет. Бурят землю на тысячи метров.

А еще в пустыне прокладывают каналы. Самый большой Каракумский. Его длина 1400 километров. Не просто 1400 километров, а 1400 километров воды. Голубой воды.

Туркмены говорят: «Вода — это поцелуй матери». Добрая мама целует детей — и они улыбаются. Если дождь целует землю, земля тоже улыбается.

Улыбаются сегодня пустынные земли Туркмении. Туда пришла вода. Там, где был один горячий песок, цветут сады, белеет хлопчатник. И звонко на рассвете поют птицы. Поют они о том, что сады зеленые, виноградники розовые, а города красивые.

Самый большой и красивый из них Ашхабад. Столица желтой Туркмении — белая-белая. Почему? Может быть, ее вместо песка занесло снегом? Нет, просто ашхабадцы любят белые дома. Солнышко их не так греет. И люди в жару прячутся туда, где меньше солнышка. Ну, а

я пока еще не хочу прятаться от солнышка: я из снежной России.

А кроме Ашхабада здесь много других городов. Они тоже белые. И еще они молодые. Туркменские города немного старше другой яблони. Однако возраст этих городов не мешает им серьезно работать. Одни города добывают нефть, другие — газ, серу, свинец.

А на берегах Каспийского моря добывают мирабилит. Мирабилит — это особая соль. Она оседает в заливе Кара-Богаз-Гол. Из этой соли можно сделать очень многое. Я скажу только об одном — о стекле. А что можно получить из стекла? Одежду, детали машин, посуду и даже корабли. Сейчас из стекла делают настоящие корабли! Наверное, на этих стеклянных кораблях будут возить малышам елочные игрушки. Игрушки звенят и кораблик звенит. А может быть, повезут не игрушки, а ковры, каракулевые шкурки... Как говорил один капитан из волшебной книги: «Груз корабля должен быть удивительным». А в туркменских коврах всегда есть красивое и удивительное. Каким чудом удастся туркменскому народу создавать такую красоту?! На этом на своем удивлении я и кончу рассказ о Туркмении.

Узбекистан

Если ты спросишь меня, на что похожа страна Узбекистан, я отвечу: на ковер.

Когда-то ковер висел на стене. А затем его коснулась рука волшебника — и он ожил. Ожили цветы, ожили люди в пестрых, похожих на большие цветы халатах.

Ярко, весело, красиво в Узбекистане.

— Салам алейкум, — говорят здесь люди. Это значит: «Мир тебе».

И ты отвечаешь:

— Алейкум салам! Мир вам.
Мир вам, ясное небо, жаркое солнце золотой республики!

Да, золотой, именно золотой. Так называют свою родину поэты. И недаром. Золотое солнце здесь совсем близко, прямо над головой. И если иногда случается дождь, то очень часто бывает так: дождь не доходит до земли, высыхает. Это жаркое солнце выпивает весь дождик. А на земле звенит не дождь, а звенят колокольчики на серых осликах.

Когда-то народный мудрец Ходжа Насреддин на ослике объехал всю страну. Ходжа был умный, добрый и веселый человек. Говорят, когда Насреддин рассказывал сказки, даже его ослик смеялся. Не смеялись одни богачи-баи. Сказки Насреддина рассказывали про жадность, жестокость и лживость.

Не так давно, пятьдесят лет назад, простой народ здесь был беден. «Мое», — говорили богачи про солнце. «Моя», — говорили богачи про землю. «Моя», — твердили они про воду. Одно здесь принадлежало народу — руки для работы на чужой земле.

Сейчас тут все народное — земля, вода, солнце. Народ живет богато и счастливо.

Когда я попал в Узбекистан, я подивился: на машинах возили снег. «Чудаки, — подумал я, — летом снег возят! Зачем?»

Но, оказывается, чудаки-то я! Снег здесь был особый. Он зреет на полях и называется хлопок. Из этого снега делают белоснежную ткань, нежное масло, вкусные леденцы и многое другое: белое, нежное и вкусное. Все это объяснил мне один узбекский мальчик, с которым я здесь познакомился. Мама этого мальчика работала на хлопчатобумажном комбинате. Он очень гордился своей мамой. И, конечно, правильно. Раньше здесь мамы жили плохо, они

всего боялись. Боялись даже показать лицо, закрывали его покрывалом. А сегодня мамы вместе с папами работают на фабриках, водят машины, тракторы. Машины и тракторы работают на хлопковых полях. Узбекистан выращивает хлопка больше, чем США. Здесь растет даже разноцветный хлопок. Такой хлопок на земле — редкость.

Но не один хлопок есть в Узбекистане. Из шелковых нитей, похожих на солнечные лучи, люди ткут здесь нежный и красивый материал — шелк. Но чтобы росли хлопок и тутовые деревья, на которых шелковиные черви ткут свои шелковиные коконы, очень нужна вода. Раньше воды тут было мало. Теперь воды намного больше. Откуда же пришла вода? Может, в Узбекистан прислали из Прибалтики тучи? Нет, люди пока еще не умеют управлять облаками. Вода пришла на поля из каналов. После революции узбеки построили много больших каналов. Самый большой — Ферганский.

Когда строили этот канал, машин еще было мало. Рыли каналы лопатами. День и ночь. День и ночь.

Сегодня бесплодная пустыня стала цветущей. В песнях путешественников поется: «Цветущие острова можно увидеть с закрытыми глазами». Фергану тоже люди узнают, еще не подехав к ней. Узнают по запаху миндаля, цветов, фруктов.

А электрические лампочки? Их тоже поит вода. На каналах стоят гидростанции. Вода крутит турбины. Турбины дают ток, ток наливает лампы золотым светом. Но ток нужен не только лампочкам. Он нужен фабрикам, заводам. Там ток крутит станки. А станки делают легкие ткани, тяжелые экскаваторы, машины.

Ежедневно из Узбекистана идут полные вагоны. Они везут разные вещи, которые делают в республике.

Смотрят на них старые железнодорожники и улыбаются. Вспоминают: когда в 1918 году Владимир Ильич Ленин прислал сюда поезд с необходимыми товарами, среди них пришли три вагона железа. Тогда это было целое богатство. А теперь в Узбекистане есть свой металлургический комбинат, есть своя нефть, свой газ.

Что такое газ, ты, наверное, знаешь. Он горит у нас на кухне.

Из Узбекистана газ идет по трубам на далекий Урал. А обратно в Узбекистан приходят добрые письма: «Спасибо за хлопок, спасибо за газ».

Говорят: «Если человеку сказать «спасибо», он расцветет».

Страны тоже цветут от добрых слов и добрых дел.

Расцветают новые города, а старые — Самарканд, Бухара и столица Ташкент — молодеют.

Когда-то в древнем Самарканде жил астроном и мечтатель Улугбек. Он любил народ и звезды. Но народ страдал, а любимые звезды были далеко от него. Улугбек не знал, придет ли счастье к народу и сможет ли когда-нибудь кто-нибудь полететь к звездам в далеком небе.

Теперь в городе, где жил Улугбек, строится улица имени Юрия Гагарина, первого человека, протянувшего руку к звездам.

Таджикистан

Есть ли у земли крыша? Ты, наверное, скажешь: «Нет! Не только крыши, даже маленького зонтика не видно».

И все-таки есть! Крышей мира зовут в Таджикистане высокие горы — Памир!

Мало кто из людей был на вершинах Памира. Скалы голы и неприступны. Просто по ним не пройдешь. Надо карабкаться, как кошка. Поэтому здесь на вершинах гор ничего живого не встретишь.

Деревьев нет, цветов тоже нет. Им нужна земля, а не скалы.

А есть снег. Снега очень много. Огромные горы покрыты снежными шапками. Ты скажешь: это очень страшно. Снег сползет с вершин и все завалит.

Но это только так кажется. Чем ниже спускаться по горе, тем теплее. Вначале травы, потом леса, арчовые рощи, заросли грецкого ореха. А совсем внизу — сочные фрукты и овощи.

Там жарко. А от тепла снег, конечно, растает. Снежный поток ста-

Рисунки
А. Беслика

нет речкой. Речка будет поить цветы, деревья. Герань, розы... Виноград и абрикосы... Таджикские абрикосы очень нежные. Таких нет нигде в мире. Они такие нежные, что их хочется только гладить. А еще здесь хочется гладить козочек, ангорских. Шерсть ангорских козочек бела и пушиста. Издали смотришь — и кажется: снег забыл растаять, гуляет по лугам.

А между лугов, в долинах грохочут реки. Да, именно грохочут, потому что они бурные, стремительные, холодные. Один Вахш чего стоит! День и ночь грохочет, хохочет и не утихает.

Люди решили усмирить Вахш. В горах они строят плотины. Взрываются, падают скалы, и поперек реки встают стены плотины. Много выросло таких стен. Но одна плотина на Вахше самая высокая. Ростом со стоэтажный дом.

На реке Сыр-Дарье большая плотина уже построена. Строил ее не один Таджикистан. И другие республики помогали. С Урала и из Воронежжа пришли экскаваторы. Из Горького и Ярославля приехали машины. А из соседнего Узбекистана металл привезли. Эту гидроэлектростанцию так вместе и построили. Вместе и название придумали — «Дружба народов». Плотина перегородила реку. Образовалось Большое Таджикское море.

Когда-то, чтобы напоить землю, за каждый кувшин простому земледельцу приходилось платить налог. Теперь воды бери здесь сколько хочешь. Каждое утро просыпается земля умытой. Таджики трудятся на полях, в горах, на заводах, в шахтах, в рудниках. На полях они выращивают хлопок, в горах — шерсть, в шахтах и рудниках добывают уголь, свинец и другие металлы.

А на заводах делают машины. В городе Душанбе, столице Таджикистана, например, делают оборудование для нефтяной промышленности

и электростанций. А еще в этом городе ткнут из хлопка ткани.

Таков Таджикистан. Остается только добавить: если Памир — крыша мира, то под этой крышей живут сегодня мир и счастье.

Киргизия

Страну эту зовут Киргизия. Назвали ее так давным-давно. 2000 лет назад. Об этой стране писали древние историки. Там в горах Тянь-Шаня живут киргизы. Тянь-Шань — значит Небесные горы.

В Киргизии много гор и все они уходят в небо.

В детстве я думал: если влезть на самую высокую гору — можно погладить облачко и достать звезду. Достать звезду с киргизских гор, конечно, нельзя, а вот погладить облачко можно.

Но не за белыми облаками, не за голубыми звездами идут вверх киргизы.

Горы кормят овец. А овца — это очень важно. Мясо овцы — это пища, шкура — обувь, шерсть — одежда и даже дом. Ведь древний дом киргиза — юрта — делалась из войлока. А войлок делают из шерсти.

Вот поэтому летом, когда в предгорьях высыхает трава, пастухи уходят выше. На летние пастбища вверх по горным тропам поднимаются отары овец. Спешат торопливые козы. И, как всегда, замыкают шествие стада коров.

Коровы строги и медлительны, породистые, алатауские. Такую породу вывели киргизские ученые.

Сюда вверх идет не только скот Киргизии, идут и домашние животные из соседних республик. Здесь около облаков начинаются зеленые

сочные луга. Трава здесь мягкая, а цветы необыкновенно ярки и красивы. Про мак киргизы шутят: «При его свете можно писать ночью». В древности будто бы горные волшебники так и делали. Они писали свои необыкновенные сказки, и отблески алых лепестков ложились на страницы их книг.

Мне тоже очень хочется, чтобы отблеск киргизских цветов лег на эту страницу.

А еще мне хочется, чтобы мои слова сохранили запах этой страны. Многие киргизские слова как бы хранят аромат своей Родины. Иссык-куль... Иссык-куль... В этом слове свист ветра, крик птиц, осторожный вздох осоки. Иссык-куль — это имя горного озера. Озеро очень красиво. Большое и прозрачное. Оно сотни лет отражает в себе небо, леса, горы. Говорят, если смотреться в горное озеро — будешь здоров. Я не знаю, так ли это, но озеро Иссык-куль и правда лечит. Горы холодные, а озеро теплое. Оно как большая-большая ванна. И целый день в нем купаются люди. На берегах этого озера санатории и Чолпон-Ата — киргизский Артек.

Дети приезжают на озеро отдыхать, а взрослые — лечиться. Но лечиться можно и не только на озере. Из яркого мака, что светит ночью горным волшебникам, делают лекарство. Это лекарство я пил в городе Фрунзе — столице Киргизии. Тогда я был болен. Сидел у окна и смотрел, как облетает тополь. Ли-

стья тополя, словно золотые бабочки, нежно опускались на воду. Студеная голубая речка-ручей бежала рядом с улицей. Это был арык. Арыки поят сады, заросли акаций и деревьев — карагачи.

Город Фрунзе — это город тополей, карагачей, акаций. Весной, когда тополя и акации цветут, их запах проникает повсюду. И на заводы, где делают сельскохозяйственные машины, и на фабрики. Везде пахнет тополем и акацией. В цехе приятный запах, а за окном розовые от мака очертания гор. Когда-то идти в эти горы было очень трудно. Туда, наверх, к маку и солнцу, вели крутые тропы.

Теперь в горах построены асфальтированные шоссе.

Первое шоссе было построено тут почти 30 лет назад, последнее началось совсем недавно. Оно пройдет через самые высокие хребты, а на перевале Тюя-Ашу, на высоте орлиного полета, дорога спрячется. Она уйдет внутрь скалы. В этом месте гору прорежет двухкилометровый туннель. Это пока первый такой большой туннель. Но пройдет время, и другие туннели разрежут киргизские горы. И не только туннели их разрежут, но и шахты. Много шахт уйдет в глубь гор. Зачем?

А вот зачем: внутри почти каждой горы есть кладовая. В ней гора хранит всегда самое ценное.

Ну а что самое ценное в Киргизии?

Шахтеры говорят — уголь. Металлурги — металл, ртуть и сурьма. Пастухи — шерсть. Рабочие — токарные станки.

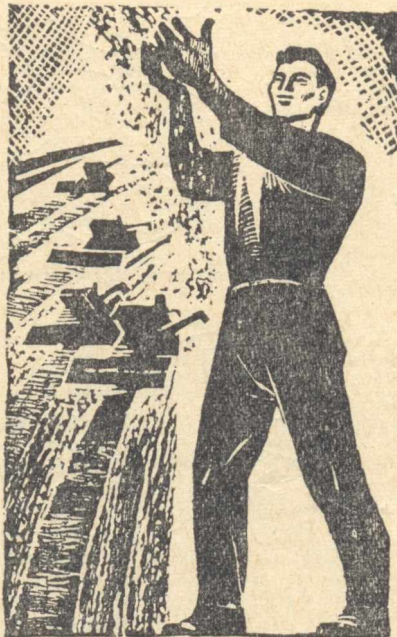
А я, писатель, говорю: «Самое ценное здесь — люди».

Рога будут петь, а большая скала, похожая на льва, кажется, сейчас зарычит.

Скалы похожи на зверей? Может, это я придумал? Нет, это придумал ветер. Долгие годы он разрушал, обтачивал скалы. И вот сегодня возле курорта «Боровое» казахские скалы стали похожи на башни, на львов, на всадников. Такие тут горы. А какие озера! Круглые сутки на них раздается гогот, хохот, крик, кряканье.

Сколько здесь птиц! Смешные пеликаны с клювом-рюкзаком, величавые лебеди, горластые гуси, важные утки. Настоящий птичий базар.

А еще на берегах озер живет во-

Так сегодня. А когда-то эту степь и всю казахскую землю называли бедной.

Неужели казахская земля была такой нищей, что не могла прокормить свой народ? Нет, щедрой она была всегда, но принадлежала она не народу. Когда один казахский пастух открыл место, где лежало черное золото — уголь, его сразу присвоили себе богачи. Вначале местные, потом иностранные.

Давно известно: чужая земля — чужой дом, чужая юрта. Иностранные богачи не любили казахскую землю. Только деньги и прибыль были им.

Вся работа на шахтах велась вручную, рабочие трудились по 10—12 часов, а когда приходил день получки — получить часто было нечего. За каждую провинность рабочих безжалостно штрафовали.

При Советской власти жизнь на шахтах стала иной. Были построены новые шахты, а на старых вся работа постепенно была механизирована.

Вначале все было трудно.

Люди жили, как кочевники, в юртах, но скоро вырос большой и красивый город — советская Караганда.

И все равно нам тогда многие не верили. Один капиталист писал: «У вас дойдут руки до этой земли не раньше, чем через сто лет. Я бы не прочь в ней поковыряться».

С того времени прошло совсем не сто лет, а в три раза меньше. И может быть, даже еще жив тот капиталист, который хотел ковырять нашу землю.

Вот его бы сюда! Наверное, он онемел бы от удивления. А удивляться и правда есть чему. Сегодня Казахстан занимает в нашей стране одно из первых мест по добыче угля.

По запасам меди Казахстан тоже впереди.

Есть в Казахстане и железная руда. Руды здесь так много, что ее буквально черпают ложкой — берут с поверхности большим ковшом.

А совсем недавно Казахстан стал нашей второй житницей.

В безлюдных степях, там, где прежде пасся ветер, сейчас зреют хлеба.

Уголь и хлеб! Черное и желтое золото! И все-таки это не все богатство Казахстана. Есть в Казахстане и другое золото, сочное — это яблоки. Ведь не даром столица Казахстана — Алма-Ата — значит «отец яблок». Отец яблок — такой город пока один. Но я верю: скоро, когда в Казахстан придут реки Сибири, когда пройдут здесь новые каналы, появятся и другие города с вкусными названиями. Например, отец арбузов, отец дынь, отец абрикосов.

Казахстан

В этой большой стране все большое. Большие горы — на их вершинах вечно спит снег. Большие реки. А еще здесь большая зима и большое лето.

У нас в России говорят: первыми просыпаются леса — из-за лесов идет алое солнце. В Казахстане первыми просыпаются горы. Из-за дальних гор встает здесь золотое светило.

Навстречу ему распускаются цветы: трехцветные фиалки, серебристые эдельвейсы, нежные гиацинты. Цветам и солнцу поют утреннюю песню птицы. Птицы поют, и круторогие козлы архары стоят неподвижно. Солнце золотит их рога. Кажется, если золотые рога тронет ветер, они запоют.

дыная крыса с пушистым мехом — ондатра. Ондатра специально разводят.

Это на озерах. А в степи — овец. Весной, когда стает снег, степь делается как яркая шаль. Шаль зеленая, а на ней синее и алое пламя. То ирисы и маки. Осенью цветочное пламя гаснет. Степь седеет. И лишь курятся, дымятся песчаные бугры. В такое время трудно скоту. Нужна вода. Воды здесь не хватает. Правда, в Казахстане есть большая река Иртыш, большие озера. Но все равно для такой страны — это капля.

И казахский народ начал строить водохранилища. Водохранилища — это искусственные гигантские пруды. Пруды, которые хранят воду.

С каждым днем меняется казахская степь. Ярче она становится, богаче.

Ирина ПИВОВАРОВА

КОТ НАОБОРОТ

Загадка

В нашем доме
Кот живет,
Только кот
Наоборот.
Этот кот
Наоборот
Не гуляет
У ворот,
Молока
Совсем не пьет
И на крышах
Не орет...
Только близко —
Погоди! —
Ты к нему
Не подходи.
У него хоть нет
Зубов —
А куснет,
Как сто котов!

ВОТ БЫЛ БЫ Я СТРОИТЕЛЕМ

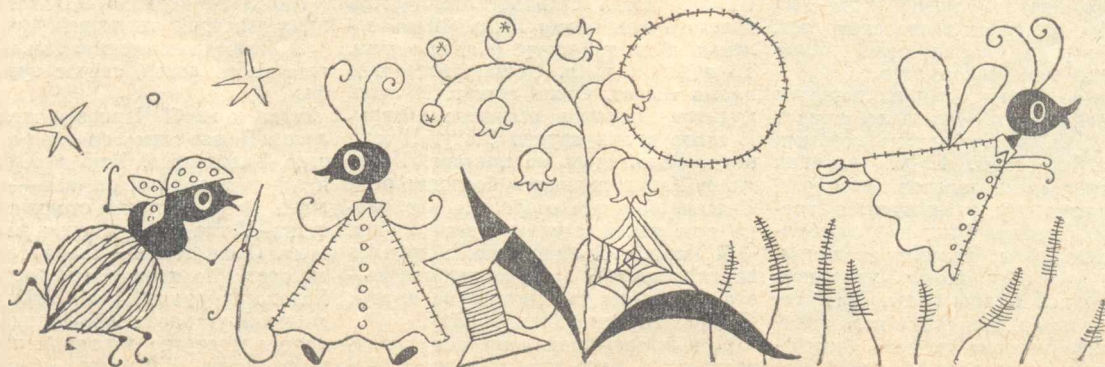
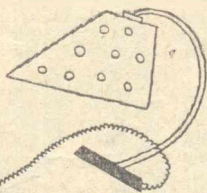
Вот был бы я
Строителем —
Построил бы
Домище
Не в пять,
Не в десять этажей,
Не в тридцать пять...
А в тыщу!
Я сам бы в этом доме
Жил —
Я так решил уже —

На тысячном,
На тысячном,
Последнем
Этаже.
И днем и ночью
Из окна
Стотысячной квартиры
Я б видел сразу
Целый мир...
Ну, половину мира!

СВЕТЛЯЧОК

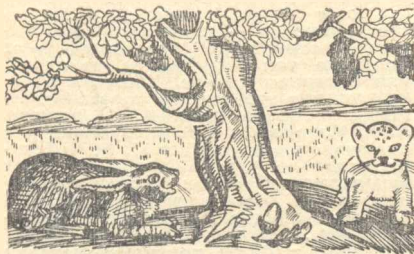
Как-то
В начале веселого
Лета
Маленький
Черный
Ученый

Жучок
Сшил себе платье
Из лунного
Света...
Видите —
Во-он полетел светлячок...

Рисунки Л. Филипповой

ГЕНЕТИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Сын зайчихи — всегда зайчонок. Каким бы храбрым он ни был, у него всегда будут длинные уши и быстрые ноги, мягкая шерстка и короткий «заячий» хвост. И как бы ни старалась мама-зайчиха вырастить из своего сына храброго и сильного зверя, не боящегося ни лисы, ни волка, все равно он будет не чем иным, как зайчонок.

А почему не... скажем, львом? Вам такой вопрос кажется нелепым? Так уж заведено?

Но для науки формула «так уж заведено» — пустой звук. Наука все время старается найти ответ на вопрос: «А почему именно так?» И когда находит, стремится сделать очередной шаг: найти пути изменения заранее заведенного природой явления в сторону, полезную для человека.

Так в самом деле, почему именно зайчонок? И как получается, что, например, из крохотного желудка вырастает огромное дерево, ничем принципиально не отличающееся от тысяч своих собратьев? Почему тысячи орлов, вылетевших из разных гнезд, так похожи друг на друга? Какая сила прямо-таки с машинной точностью передает из поколения в поколение наследственные признаки, аккумулируя их в микроскопически сжатые объемы?

На все эти вопросы и старается ответить генетика, наука о наследственности. Наука, которой в наши дни по праву принадлежит одно из первых мест в исследовании природы человека.

КИРПИЧИКИ КЛЕТКИ

Каждый, пусть даже самый сложный, организм берет начало всего в одной клетке. В одной малюсенькой ячейке вещества умещаются указания, даже, точнее, приказы на весь дальнейший путь организма, его роста и развития. Вот почему при изу-

чении наследственности генетикам прежде всего необходимо было сузить круг исследований до клеточного уровня.

Такой «уход в клетку» совсем не означает, кстати сказать, что генетика не принимает во внимание изменения наследственных признаков под воздействием факторов внешней среды. Их роль, несомненно, важна и существенна. И все же она второстепенна, а изначальные корни наследственности, основной механизм передачи того или иного признака от особи одного поколения к особям другого — где-то в клетке и даже в одной из ее частей.

Между тем и это клеточное «поле», размером всего в доли миллиметра, оказалось слишком обширным. Ведь клетка не однородна: ядро, цитоплазма — это мы знаем, помним еще со школьного курса. Биологам уже давно стало известно, что информация о наследственных свойствах содержится не во всей клетке, а в хромосомах, которые под микроскопом выглядят червячками. Каждая хромосома состоит из белка и особой кислоты ДНК (дезоксирибонуклеиновой).

Не надо забывать, что открытие этой кислоты произошло в ту пору, когда об электронных микроскопах ученые даже не мечтали. Поэтому функции вновь открытой кислоты были совершенно неясны и поначалу ее считали побочным продуктом жизнедеятельности клетки.

Но тайна была заключена именно в этой кислоте. И сейчас нет биолога, который не знает, что такое ДНК и РНК (рибонуклеиновая кислота, посредник между ДНК и белком).

Когда исследователи заглянули внутрь молекулы ДНК, то убедились, что она состоит из нескольких постоянно повторяющихся элементов — генов. Эти частицы, размером всего в полмикрона, служат основным передатчиком наследственной информации, очень хитро закодированной, тщательно защищаемой организмом от внешних влияний.

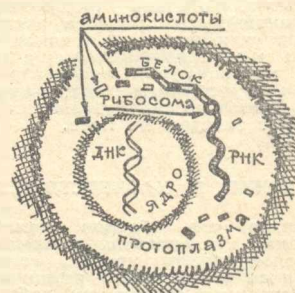
Путем сложных и кропотливых экспериментов ученым удалось установить, что у каждого животного и растения — своя ДНК. Но знать, из каких элементов построено здание, еще слишком мало. Нужно выяснить, как его строили. Между тем клетка, даже разобранная на ДНК и РНК, упорно продолжала хранить тайну своего «языка» передачи наследственных свойств. И разгадать зашифрованные послания, которые передают друг другу микроскопические части живого организма, оказалось посложнее, чем

расшифровать надписи, сделанные древними племенами на скалах.

СЛОЖНЕЕ, ЧЕМ ЯЗЫК МАИЯ

Итак, теперь уже ясно, что тайна кроется в ДНК — дезоксирибонуклеиновой кислоте.

Какова же ее молекула? Те из вас, кому приходилось подниматься по винтовой лестнице, скажем, на пожарную каланчу, легко смогут представить себе эту молекулу. По спирали тянутся два тяжа — длинные, бесконечно повторяющиеся цепочки сахарофосфатных звеньев. Через строго определенные промежутки эти цепочки соединены поперечными короткими связями — «ступеньками». От ступень-ступенек и их порядка в молекуле зависит, как оказалось, и характер «приказов», отдаваемых молекулой ДНК, или, как говорят ученые, характер передаваемой информации.

По сути дела такая молекула подобна огромной самовоспроизводящей электронно-счетной машине. Ученые для сравнения приводят обычно такой пример: в кубическом сантиметре ДНК, взятой от бактерий одного из видов, может содержаться столько же информации, сколько вмещает ее электронно-счетная машина объемом около 200 кубических километров!

Как ни удивительно, передача информации такой молекулой совершается, по-видимому, довольно просто: молекула непрерывно раздвигается на одном конце. Она как бы растягивается, словно застежка-молния. Причем каждая из двух половинок в точности повторяет молекулу-материнку. А на месте разрыва в точном соответствии с требованиями генетического кода, передаваемого ДНК, «направляются» недостающие элементы. Если в силу каких-то видоизменяющихся условий (например, воздействия облучения или изменившегося характера внешней среды) во вновь образующейся молекуле возникнут какие-нибудь изменения, клетка как бы воспроизводит в миниатюре игру в «испорченный телефон» — во

Рисунки
Л. Катаева

вновь создаваемых клетках возникают разительные отличия. О них речь впереди.

А пока несколько слов о другом участнике процесса передачи команд от клетки к клетке — о рибонуклеиновой кислоте. Ее функции долгое время представлялись очень туманно. Считали, например, что она — побочный продукт химической реакции клетки. Но вряд ли в клетке может быть что-то лишнее и побочное. Для сверхминиатюрных размеров «фабрики жизни» это было бы недопустимым расточительством.

Путем многократных экспериментов с применением совершенной исследовательской техники удалось выяснить, что РНК — это посредник между ДНК и белком. Она передает наследственные признаки от клеткаматери на «рабочий стол» белка по сборке новой клетки.

Так перед учеными начало вырисовываться существо кода, которым ДНК посылает команду белку образовывать себе подобные соединения. Сейчас обнаружено три вида рибонуклеиновых кислот. Одна из них — транспортная РНК — переносит отдельные, строго определенные аминокислоты к местам выработки белка и начинает «сборку» новой молекулы. В 1960 году была открыта информационная РНК. В ее задачи входит собственно передача команд. Самая же крупная молекула РНК — рибосомальная — служит «рабочим столом», на котором может быть собран любой белок в соответствии с командами, поступившими от информационной РНК. Остается добавить, что скорость протекания всех этих превращений могла бы заставить «покраснеть» любую быстройдействующую электронно-счетную машину.

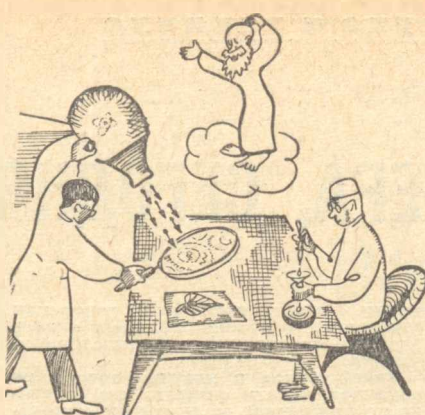
Конечно, это очень упрощенная схема сложнейшего процесса воспроизводства генетических признаков от клетки к клетке. Здесь еще очень много неясного для исследователей. И это не удивительно: ведь разновидности белков по своему множеству не уступают звездам на небе.

ВТОРЖЕНИЕ В НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Понятно, что, обладая схемой образования наследственных признаков на молекулярном уровне, генетики принялись все активнее вмешиваться в естественный ход жизни, добиваясь создания нужных человеку видов растений и животных.

— Сейчас, — говорит лауреат Ленинской премии действительный член Академии наук СССР Н. П. Дубинин, — перед учеными встала задача сделать, используя достижения генетики, эволюцию растительного и животного мира контролируемым процессом.

В наши дни экспериментальная генетика стала делом не только биологов, но и физиков, химиков, математиков. Сейчас уже нетрудно выде-

лить, например, в чистом виде ДНК одного бактериального организма и ввести их другому организму, с тем чтобы у него возникли новые свойства и признаки, которые раньше были присущи лишь первому.

Развитие химических и физических основ генетики идет бурными темпами. Ученые уже получили возможность направленно изменять число хромосом в клетках, улучшая свойства растений.

Десятки миллионов человеческих жизней спас пенициллин. Но задумывались ли вы над тем, как удалось организовать его промышленное производство? Ведь этот плесневый грибок в обычных условиях растет и развивается очень медленно. Резкое — в 500 раз! — повышение его продуктивности стало возможно благодаря успехам генетики.

Интересна история антибиотика эритромицина. Нужен был препарат, убивающий устойчивые и пенициллину формы возбудителей бактерий. Однако наладить его производство долго не удавалось: не было активного штамма (разновидности) гриба со строго подобранными свойствами. И тогда на гриб воздействовали быстрыми нейтронами, ультрафиолетовыми лучами и рядом препаратов. Строение хромосом изменилось — произошли так называемые мутации, — и новый штамм оказался в 10—15 раз активнее исходного.

Метод активного воздействия на наследственность, направленной атаки на ДНК (метод направленных мутаций), по мнению Н. П. Дубинина, сейчас является важнейшим методом, который позволит генетике взять в свои руки контроль над наследственностью.

И ученые берут эти процессы из ведения природы в свои руки. Н. П. Дубинин рассказывает, что сейчас в Советском Союзе ведется огромная и напряженная работа с рядом сельскохозяйственных культур и организмов, цель которой — вывести новые сорта и формы, необходимые для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. До открытия способов генетического воздействия селекционеры использовали только отбор и гибридизацию. Именно так были созданы все мичуринские сорта. Но такая работа затягивалась на многие годы и далеко не всегда приводила к желаемым результатам: многие виды вообще отказывались скрещиваться.

Оказалось, что направленное генетическое воздействие, в частности слабое радиоактивное облучение в определенных дозах, способно коренным образом изменить наследственные признаки растения, причем делает это

гораздо скорее и вернее, чем традиционные методы. Такие работы проведены, к примеру, в Новосибирском институте цитологии и генетики — там выведены совершенно новые сорта картофеля, томатов и пшеницы. В институте биологии получены интересные мутации у пшенично-пиреинового гибрида, обладающего высокой стойкостью к болезням и урожайностью.

Примером решения проблемы получения направленных мутаций может служить работа советских ученых с сахарной свеклой. С помощью ряда химических соединений советские специалисты изменили строение клетки у сахарной свеклы, удвоив число хромосом — основных наследственных структур. В результате была получена так называемая триплоидная сахарная свекла. Испытания показали, что это детище советских селекционеров-генетиков А. Н. Луткова, А. Д. Мазлумова и Н. В. Турбина и в первую очередь самого Н. П. Дубинина оставило далеко позади лучших рекордсменов среди своих предшественников. Новый гибрид превосходит все известные сорта по всем параметрам.

Сейчас в СССР получены методом направленных мутаций новые сорта ржи, гречихи, красного клевера и многих других растений. В Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова (и атомники занялись генетикой!) получен штамм бактерий, выделяющих аминокислоты. Так вот, он дает в 300 раз больше аминокислоты лизина, чем его природный предшественник. Что это значит для сельского хозяйства, можно понять из таких данных: добавка лизина в корм цыплятам и пороссятам увеличивает их привес на 25 процентов.

Вот еще один пример вмешательства генетики в сельскохозяйственные дела, которое уже приносит большую отдачу. В Научно-исследовательском институте шелководства в Ташкенте с помощью радиации ученые получили породу тутового шелкопряда, в которой коконы самцов отличаются по окраске. Ориентируясь на цвет, машина отбирает коконы самцов для получения шелка более высокого качества. Это увеличивает получение сырья на 20—25 процентов. Надо отметить, что на все эти чудеса ушло всего несколько лет, в то время как на «нормальную» селекцию уходило обычно десятилетия.

Генетики не стоят в стороне и от космических дел. Н. П. Дубинин рассказывает, что сейчас в нашей стране идет напряженная работа с целым рядом организмов и растений — претендентов на будущие длительные полеты в космос. Например, ученые намерены изменить наследственность одноклеточных зеленых водорослей таким образом, чтобы они выделяли достаточное для космонавта количество кислорода и одновременно были устойчивы к космической радиации и целому ряду других факторов.

— Нет никакого сомнения, — утверждает Н. П. Дубинин, — что на космических кораблях будут созданы экологически замкнутые системы, состоящие из еще неизвестных нам разновидностей растительных и животных организмов, которые смогут полностью в течение ряда лет обеспечивать космонавтов всем необходимым.

Словом, в биологической науке в последние 10 лет бушует настоящая революция. Она вырвалась уже из стен лабораторий и начинает самым непосредственным образом влиять на повседневную жизнь человека. И с каждым днем мы все сильнее будем ощущать это влияние.

И. ЖУКОВА

К 4-й странице обложки

Комплекты одежды, состоящие из нескольких частей, не только удобны, но и нарядны, если ткань удачно подобрана по фактуре и цвету. Например, в модели 1 (автор А. Чекунина) сочетание оранжевого с белым подчеркивает жизнерадостность и юность. Модель состоит из платья с жакетом (хлопчатобумажная ткань или плотный

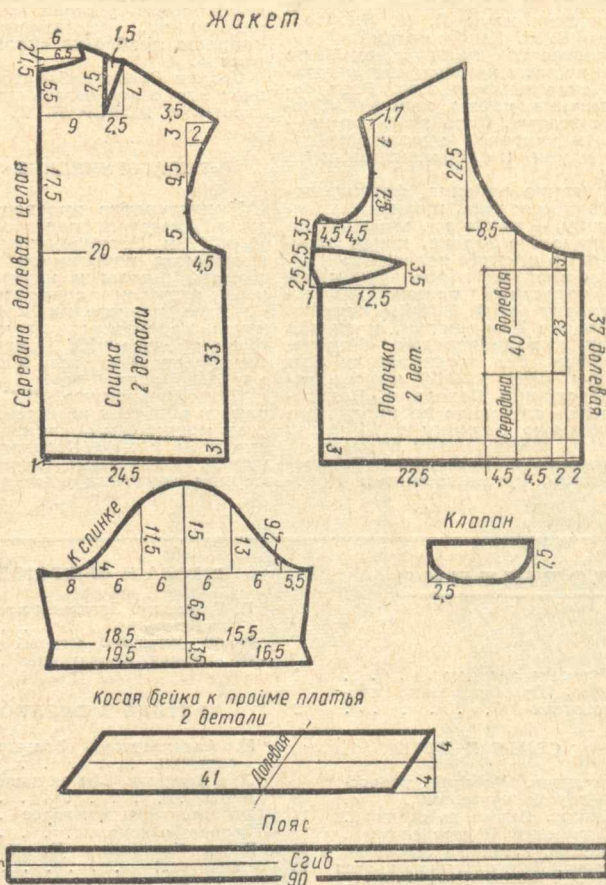
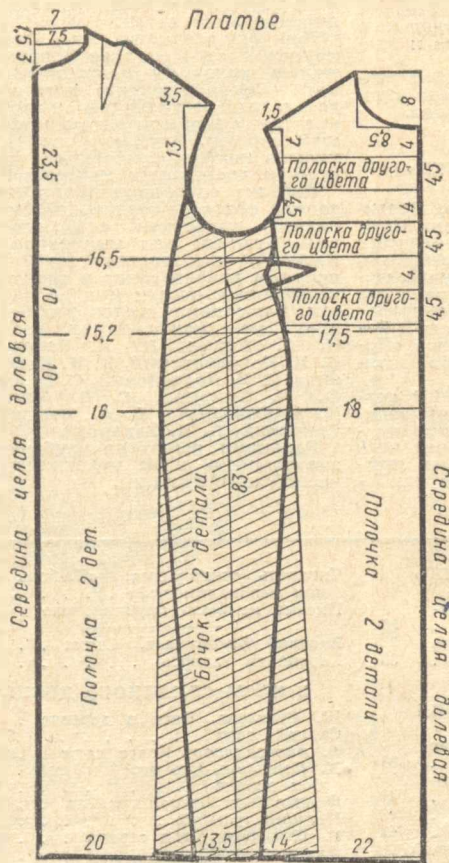
штапель двух цветов). Платье неотрезное в талии. Отделка — декоративные полосы из ткани жакета.

Чертеж платья делается соединением (на листе бумаги) полочки и спинки жакета по линии бокового шва, где откладывается вся длина платья. Платье состоит из четырех деталей: двух бочков, спинки и полочки. Бочок на чертеже заштрихован и должен быть перенесен резом на другой лист бумаги. Детали спинки и полочки вырезаются. На лиф в указанных местах настрачиваются белые полосы ткани до того, как стачиваются боковые швы.

Модель 2: платье с жакетом для подростка — из льна, плотного штапеля или шерсти двух цветов. Шляпка из ткани платья. Спортивный характер комплекта подчеркивается сочетанием синего с белым.

Модель 3: сарафан с коротким жакетом из хлопчатобумажного вельвета и кофточкой из шитья или хлопчатобумажного гипюра. Комплект рекомендуется для девочек всех школьных возрастов.

Э. ЧУРКИНА,
художник Общесоюзного дома
моделей

РЫБОЛОВНЫЙ АВГУСТ

Кто изучил повадки буйного жереха, самого осторожного хищника наших вод, тот знает, что поймать его легче всего на рассвете, когда, согретый первыми солнечными лучами, редет туман, а над водой еще поднимается легкий пар.

Врезаясь молнией в стаю мелочи, жерех оглушает свою жертву ударом сильного широкого хвоста. Опытные спиннингисты приспособились к повадкам этого хищ-

ника. Стоя на перекате, они подбрасывали сверкающую блесну чуть дальше места, где раздался всплеск жереха. Быстрой подмоткой катушки и одновременным взмахом удильца в сторону блесны придадут такой разбег, чтобы в момент падения она чиркнула по поверхности и помчалась, выпрыгивая из воды. «Панические» прыжки блесны нередко вызывают самый сильный удар подсеченного жереха.

В августе продолжается ловля сомов с квоком, а также обыкновенными донками.

На приваде, как и в июле, успешно ловится лещ, густера, плотва, красноперка, карп, карась.

Собравшиеся в стаи окуни усиленно гоняются за мальками уклейки, верховки, плотвы. Рыболо-

вы возобновляют успешную ловлю окуня спиннингом, дорожкой, кружками, отвесным блеснением и поплавочными удочками на маль-

После стойчивых утренников, с похолоданием воды улучшается лов щуки и судака, а сома и лня — ослабевает. С этого времени на вечерней и утренней заре идет добычливая ловля донными голавля и язя на мелкого лягушонка. Среди травянистых перекатов, бродов и других неглубоких мест на эту насадку часто попадаются щуки.

Начиная с третьей декады месяца холодные утренние зори постепенно теряют свое значение. Клев рыбы все более становится дневным.

Г. САЗОНОВ

Хроника

В ДОМЕ ПРОПАГАНДЫ АПН РСФСР

Лекторское бюро проводит цикл лекций для учителей и родителей. Например, лекции о воспитании подростков в семье были прочитаны в Центральном педагогическом лектории, созданном Домом пропаганды. С содержанием лекциями выступили действительный член АПН РСФСР А. А. Марносян, член-корреспондент АПН РСФСР Д. Б. Эльзонин, доктор педагогических наук П. М. Яковсон, профессор В. Н. Колбановский.

Предполагается цикл лекций по вопросам воспитания младших школьников и старшенклассников. Разработана тематика серии лекций «Ученые — учителям». Цель этой серии — ознакомить учителей с успехами советской науки и перспективами ее развития.

«...Воспитание ребенка, формирование из него человека, нужного нашему обществу, — каная это огромная по своему значению задача, каная увлекательная, но и каная нелегкая!»

С этими словами обратилась к родителям известный психолог, член-корреспондент АПН РСФСР Наталья Александровна Менчинская, открывая новый цикл радиопередач «Родителям о детях». Его организовали Дом пропаганды АПН РСФСР и Всесоюзное радиовещание. Передачи «Родителям о детях» слушайте по программе «Маяк» кануюю пятницу в 14 часов 30 минут по московскому времени.

Телевизионные передачи «Родителям о детях», организованные Цент-

ральным телевидением и Домом пропаганды, идут по средам первой и четвертой недели канюого месяца. Зрители проявляют большой интерес к достижениям педагогической науки. Уже состоялись передачи: «Что каное программное обучение», «Новое в начальной школе».

В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ РСФСР

При Центральном совете Педагогического общества РСФСР создана новая общественная лаборатория. Ее задача — объединить и координировать деятельность ученых и практических работников, изучающих отдельные вопросы проблемы «коллектив и личность».

Создан Совет лаборатории. Возглавляет его заместитель министра просвещения РСФСР Л. К. Петрова.

«ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Министерство просвещения, Президиум Академии педагогических наук РСФСР и Республиканский Комитет профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений приняли совместное решение «О ходе подготовки к XV Центральным «Педагогическим чтениям». Решено провести XV Центральные «Педагогические чтения» в сентябре-октябре 1967 года.

При Президиуме АПН РСФСР создана и работает комиссия по руководству научной и организационной подготовкой к XV «Педагогическим чтениям». Комиссией разработана примерная тематика докладов по наибо-

лее важным проблемам работы школы. В областях и краях намечено провести научно-практические конференции.

КОНФЕРЕНЦИЯ АВТОРОВ «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

В конференц-зале Президиума АПН РСФСР состоялась встреча редакционной коллегии и Общественного совета «Семьи и школы» с московским активом авторов журнала. Созданный в первый же послевоенный год, журнал призван был занять свое определенное место на переднем крае борьбы за укрепление семьи и стать надежным другом и помощником родителей в воспитании детей.

Минули двадцать лет... Это лишь короткий отрезок того большого пути, по которому должна и впредь идти «Семья и школа» вместе с канюдой семьей и с канюдой школой. Идти навстречу великим датам в жизни нашей страны. Идти к новым свершениям в коммунистическом строительстве, в воспитании нового человека.

Как же совершенствовать журнал, делать его содержательней, многообразней, красочней, все более близким, нужным для миллионов отцов, матерей, всех воспитателей? На эти вопросы давали ответ в своих критических замечаниях и в добрых советах, пожеланиях редакции выступившие на конференции товарищи Н. С. Лукин, И. А. Печерникова, В. Н. Колбановский, Д. И. Перфильевская, Л. Н. Подвойский, С. И. Куделин, Ф. Н. Смирнов, С. В. Альтшулер, М. А. Володьева, А. А. Анникин, Л. Р. Смирский, Л. Н. Захарова.

Редакция выразила глубокую признательность всем участникам творческой конференции.

Содержание

Перед первым звонком	1
Вл. Келер. Преобразование преобразования	2

СЕМЬЯ И ДЕТИ

С. Мягченков. Рабочий подросток — другой подросток	8
С. Файнберг. Смысл наказания	11
К. Д. Ушинский. Родное слово	12
Л. Айдарова. Младший школьник	14
В. Павлова. Долг платежом красен	16
Р. Травкина. Гимнастика для дошкольников	17
Консультационный пункт «Семья и школы»	18
Е. Маликов. Что делать с домашними хулиганами?	20
И. Блинков. О подарках	23
Станислав Скашевский. Наша молодая семья	24
Алла Белякова. Не стало бабушки	26

ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Н. Талызина. Заглянем в завтрашний день	30
Захар Дичаров. Старый учитель	32
И. Гладких. Корчагинцы	36

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Аллахвердова. Больше разнообразия!	38
Лев Смирнов. Мы и наша история	40
По страницам журналов	41
Коротко о книгах	42
Елена Клепикова. Не торопитесь смеяться!	43

ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

Письма на разные темы: В. Богатырева. Гнилой орешек; А. Кабанцов. Двойка	44
Письмо из редакции: В. Демидов. Мальчишки и голуби (ответ на письмо М. Ивановой)	45

Читатель откликается: «Любовь или необходимость?»	47
Письмо не было опубликовано	—
Василий Бочарников. Стихи	48
Картинная галерея	49

В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Ю. Стеклова. Вась в деревне	50
Сделай сам!	51, 52
Б. Александров. Краса сада	51
Д. Полтораки. Сто затей на голубом экране	52
Феликс Лев. Лесная грамота	53
Немного улыбки	55
Г. Цыферов. Твоя страна	56
Для малышей	60
И. Жукова. Генетика: вчера, сегодня и завтра	61
Э. Чуркина. Нарядные ансамбли	63
Г. Сазонов. Рыболовный август	—

На 1-й странице обложки: Мальчишки Фотоэтид прислал читатель П. Буров из г. Пучежа Ивановской области.
На 2-й странице обложки: Первые слова. Фото Я. Прегерова.

Главный редактор А. Г. Орлов. Редакционная коллегия: Е. И. Волкова, П. И. Гелазония (ответственный секретарь), С. А. Гуревич, Б. В. Игрицкий (заместитель главного редактора), Р. А. Курбатова, Т. В. Матвеева, В. М. Померанцев, Р. М. Рогова, П. К. Холмогорцев, О. Э. Чкалова, М. Ф. Шабазова, Л. А. Шнайдер.

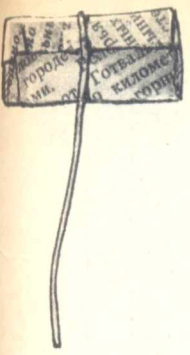
Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При перепечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: Г 5-03-73, Г 5-12-14
Издательство «Просвещение»

Подписано к печати 13/VII 1966 г. А15342 Тираж 1 305 700 (1—705 700) экз. Зак. № 390. Бумага 84×108/16. Уч.-изд. л. 11,52. Печ. л. 7,14. Бум. л. 2,13

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Гатчинская, 26.
Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

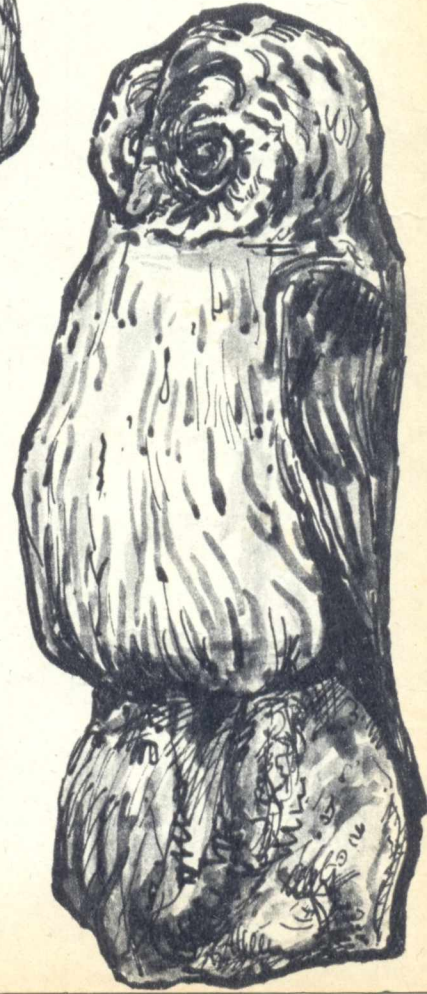
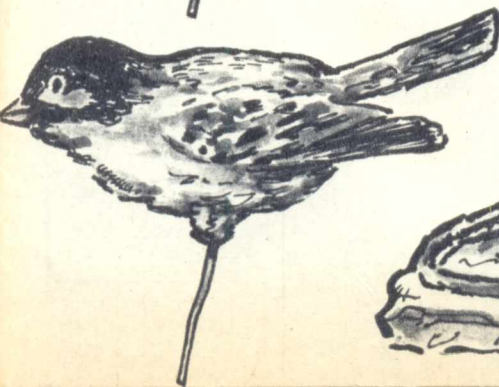
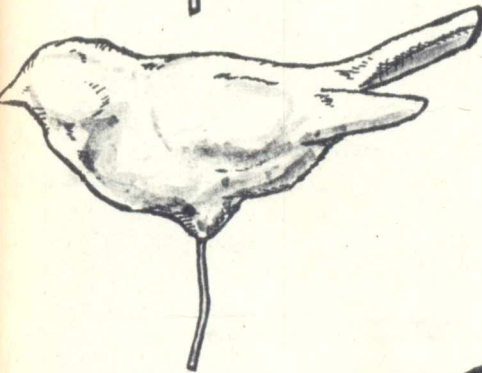
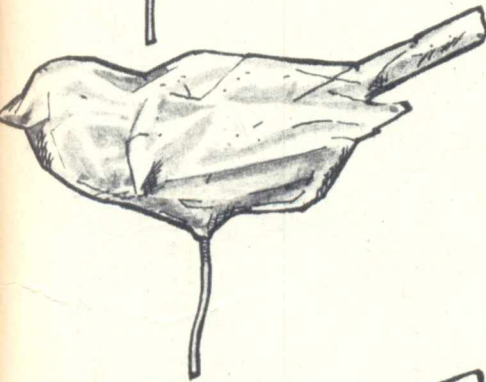
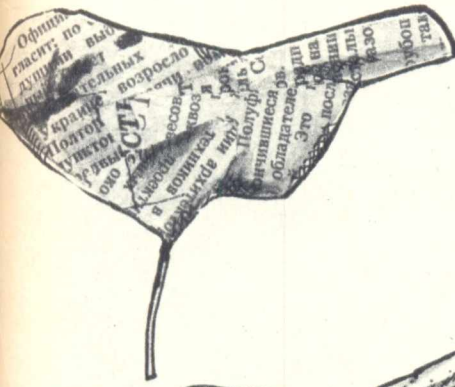

Муляжи, изображенные здесь, смогут сделать не только старшие ребята, но и дошкольники. Приготовьте клей (заварите полную столовую ложку муки на 1,5 стакана воды), небольшие куски газеты, полоски мягкой белой бумаги, полупрозрачные слои ваты, проволоку. Возьмите в левую руку проволоку, в правой, слегка увлажняя пальцы клеем, помните газету и наверните ее на стержень, придавая форму туловища птицы. Затем негусто смажьте заготовку клеем и оберните ее полосками белой бумаги. Последним слоем приклейте вату, приглаживая ее влажными пальцами.

Когда муляж высохнет, раскрасьте его.

При работе советуем пользоваться иллюстрациями из Детской энциклопедии и книги Брэма „Жизнь животных“.

А. БЕЛОВА

НАРЯДНЫЕ АНСАМБЛИ